МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

Tom 13 № 2 2017

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал **Том 13 № 2 2017**

Редакционный совет

Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)

Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)

Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)

К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)

В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)

Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)

М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)

Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Российская Федерация)

Р. Лозей, профессор Университета Альберта (Канада)

Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)

А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)

А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)

Д. Эрдэнээбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)

Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)

И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)

А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)

С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)

Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal

Vol. 13 No. 2 2017

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2017

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal Vol. 13 No. 2 2017

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)

B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)

T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)

K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)

V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)

D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)

M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)

N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russian Federation)

R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)

T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)

A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)

A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)

D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)

I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)

A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)

S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)

Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University of Railway Transport (Russian Federation)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Subscription index in the "Catalog of the Russian Press" – 31987

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the **List of peer-reviewed scientific publications** which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал **Том 13 № 2 2017**

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Песков С.А. Археологические объекты в долине реки Иркут (2013–2015 гг.)	9
Краснощёков В.В. Древние погребения на территории города Киренска	31
Иванов Г.Л., Харинский А.В., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Клементьев А.М. Балин I – стоянка железного века в долине реки Куды	44
Улзийбаяр С. Роль бурхотуйцев в этнокультурной истории монголов	70
ЭТНОЛОГИЯ	
Ушницкий В.В. Лунный и православный календари якутов	87
ИСТОРИЯ	
Олейников А.В. Подвиг кавалерийской бригады	95
Шилова С.Г. Живая легенда – генерал-лейтенант Н.С. Тимановский	109
Ваха Д. Бытовая повседневность чехословацкого корпуса в 1917–1920 гг	122
Наумов И.В. Гражданская война в Забайкалье в советской историографии	131

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal Vol. 13 No. 2 2017

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Peskov S.A. Archaeological Sites in the Valley of Irkut River (2013–2015)	9
Krasnoschiokov V.V. Ancient Graves in the Kirensk Downtown	31
Ivanov G.L., Kharinsky A.V., Losey R.J., Nomokonova T.Yu., Klement'ev A.M. Balin I – Site of the Iron Age in the Valley of River Kuda	44
Ulziibayar S. The Role of Burhotuites in the Ethnocultural History of the Mongols	70
ETHNOLOGY	
Ushnitsky V.V. Lunar and Orthodox Calendars of the Yakut	87
HISTORY	
Oleinikov A.V. Feat of the Cavalry Brigade	95
Shilova S.G. Living Legend – General-Leitenant N.S. Timanovsky	109
Vacha D. Household Everyday of the Czechoslovak Corps in 1917–1920	122
Naumov I.V. Civil War in Transbaikalia in the Soviet Historiography in the 1920s – the Beginning of the 1930s	131

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал **Том 13** № 2 2017

Уважаемые читатели! Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала «Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal Vol. 13 No. 2 2017

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article

УДК 903(571.53)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-9-30

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ДОЛИНЕ РЕКИ ИРКУТ (2013–2015 гг.)

© С.А. Песков

Областное государственное автономное учреждение Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области,

Российская Федерация, 664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2.

В 2013 году впервые обследована долина Иркута на участке от п. Шаманка (руч. Куйтун) вверх по течению реки до порога Бык. На правом устьевом мысу р. Граматухи зафиксирована стоянка бронзового века — Граматуха.

В 2013—2014 гг. обследовался участок территории на левобережье реки Иркут от п. Введенщина (Баушево) до пади Прилука. Выявлены две стоянки: Прилука, стоянка 1, и Прилука, стоянка 2. Прилука, стоянка 1, расположена на правом устьевом мысу пади. Зафиксировано два культурных слоя: 1-й культурный слой предварительно датирован бронзовым веком (II—I тыс. л. до н. э.); 2-й культурный слой датирован неолитом (V—III тыс. л. до н. э.). Прилука, стоянка 2, расположена на левом устьевом мысу пади. Предварительно выделен один культуросодержащий слой, отнесённый к периоду неолита — бронзового века (VI—I тыс. л. до н. э.).

В 2015 г. обследовался участок севернее посёлка Новая Шаманка на правом берегу р. Иркут. Зафиксированы культуросодержащие отложения. Выявленный объект получил название Моты – Новая Шаманка, стоянка 2. Культурный слой предварительно датирован мезолитическим временем (VIII–XII тыс. л. н.).

Ключевые слова: Шелеховский район, река Иркут, археологические разведочные работы, Граматуха, стоянка, Прилука, стоянка 1, Прилука, стоянка 2, Моты — Новая Шаманка, стоянка 2, неолит, бронзовый век.

Формат цитирования: Песков С.А. Археологические объекты в долине реки Иркут (2013–2015 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 9–30. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-9-30

ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE VALLEY OF IRKUT RIVER (2013–2015)

© S.A. Peskov

Regional State Autonomous Institution the Department for Preservation of the Historical-Cultural Heritage of the Irkutsk Region,

2, 5th Army Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation.

In 2013 there were conducted the first archaeological researches in the valley of Irkut River from village Shamanka (Kuitun Creek) until the rapids Bull. On the right wellhead Cape of Gramatukha River it was discovered the Bronze Age site Gramatukha.

In 2013–2014 author had studied the left bank of Irkut River from the village Vvedenshina to the Pad' Priluka and discovered two sites Priluka-1 and Priluka-2. Site Priluka-1 is located on right

wellhead cape of the Pad' Priluka. There are two cultural components: 1st cultural horizon dated to the Bronze Age (II-I millennia BC); 2nd cultural horizon dated to the Neolithic (V-III millennia BC). The site Priluka 2 is situated on the left wellhead cape of the pad'. It is discovered one cultural layer dated to the Neolithic – Bronze Age (VI–I millennia BC)

In 2015 author researched northern peripheral area of the settlement Novaya Shamankaon the right bank of Irkut River. New site received the name Moty - Novaya Shamanka, site 2. Cultural layer dated to the Mesolithic (VIII-XII millennia BP).

Keywords: Shelekhovsky district, Irkut River, archaeological survey works, site Gramatukha, site Priluka 1, site Priluka 2, site Moty – Novaya Shamanka 2, Neolithic, Bronze Age

Citation format: Peskov S.A. Archaeological Sites in the Valley of Irkut River (2013–2015). Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 9–30. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-9-30

В долине реки Иркут от п. Шаманка до Иркутска известны и в разной степени исследованы двенадцать археологических объектов: стоянка Чёртова Яма (Окладников, 1950); Пионерск, погребение, Пионерск, стоянка 1, Пионерск, стоянки 2, 3 (Песков, Краснощёков, 2008); Мамоны, стоянка 1, Мамоны, стоянка 2 (Базалийский, 1995; Воробьева, Генералов, 1997; Генералов, Воробьева, Заграфский, 1998); Мамоны, стоянка 3, Утес Шаманский, стоянка 1, и Усть-Куйтун, стоянка 1 (Песков, 2004); Старый Иркут, стоянка (Песков, Краснощёков, 2008) и пещера у с. Введенщина (Хороших, 1955). Археологические материалы стоянок датируются в широком хронологическом диапазоне от палеолита до позднего железного века.

По результатам археологических разведочных работ 2013-2015 гг. в долине реки Иркут на территории Шелеховского района выявлено четыре археологических объекта: стоянки Граматуха, Прилука 1, Прилука 2 и Моты – Новая Шаманка 2 (рис. 1).

Целью данного сообщения является первичная публикация археологических материалов стоянок.

Граматуха, стоянка

Стоянка расположена на правом берегу Иркута, в 6,5 км к северо-западу от д. Граматуха, на правом устьевом мысу речки Граматухи, на выположенной 6-10 метровой террасовидной поверхности (рис. 1, 2).

Здесь заложен археологический шурф, площадью 4 кв. м. Зафиксирован археологический материал (всего 31 экз.), представленный отщепами светло-серого кремня, пластинчатыми сколами, фрагментами керамики с отпечатками «рубчатой лопатки» (рис. 3).

Культуросодержащий слой фиксируется в подошве слоя серой высоко гумусированной супеси на глубине 0,10-0,20 м от уровня современной дневной поверхности.

В строении рыхлых отложений, вскрытых шурфом, выделяются 6 слоёв, сформированные в голоцен-плейстоценовый период (рис. 4):

- 1. Суглинки лёгкие, серо-бурые, гумусированные, дерново-почвенный горизонт, представленный дерновым горизонтом Ад -0.03-0.05 M;
- 2. Суглинки лёгкие, серые, гумусированные, поддерновый горизонт А - 0,08-0.15 м:
- 3. Суглинки лёгкие, тёмно-серые, гумусированные - культуросодержащий слой -0.05-0.25 m;
- 4. Супеси и суглинки лёгкие, светложёлтые - подгумусовый почвенный горизонт B - 0.20 - 0.30 м;
- 5. Супеси и суглинки лёгкие, яркобурые, сухие, рыхлые -0.10–0.20 м;
- 6. Супеси и суглинки лёгкие, сизоватые (оглеённые) – являются заполнителем криогенной трещины – до 0,15 м.

Описание археологического материала:

1) концевой скребок, оформленный на вторичном отщепе серого кремня, рабочий

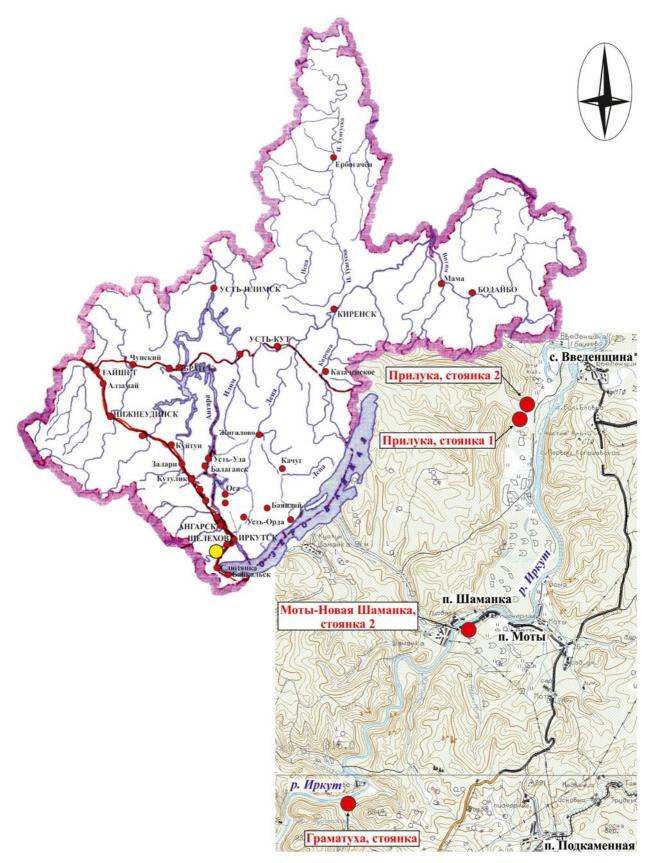
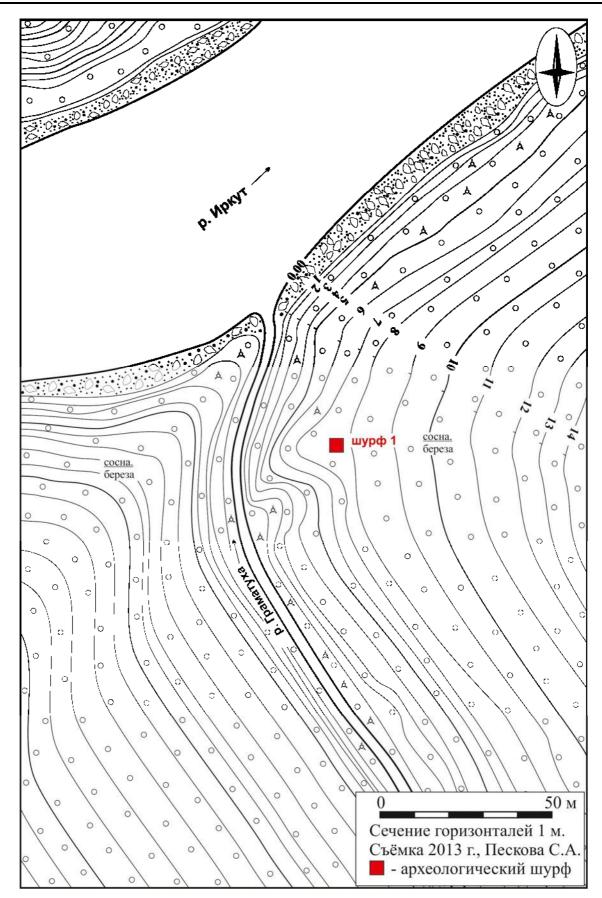
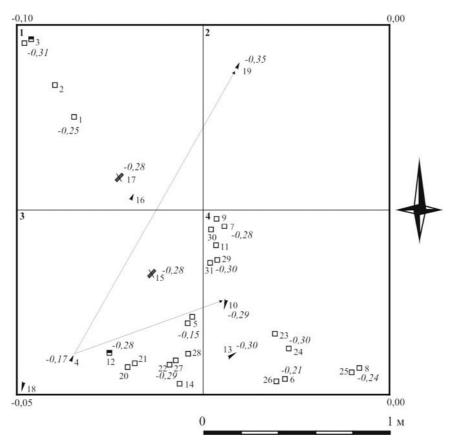

Рис. 1. Иркутская область, Шелеховский район. Археологические объекты в долине реки Иркут Археологические разведочные работы 2013–2015 гг.

Fig. 1. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Archaeological sites in the valley of Irkut River Archaeological survey works in 2013–2015

Puc. 2. Иркутская область, Шелеховский район. Граматуха, стоянка. Ситуационный план Fig. 2. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Gramatukha. Situation plan

Puc. 3. Иркутская область, Шелеховский район. Граматуха, стоянка. Планиграфия шурфа Fig. 3. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Gramatukha. Planigraphy of the test-pit

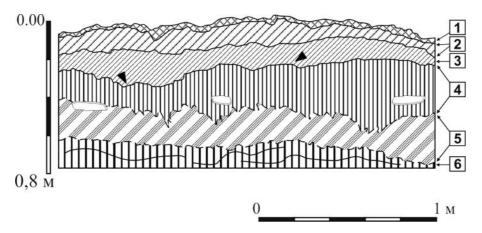

Рис. 4. Иркутская область, Шелеховский район. Граматуха, стоянка. Стратиграфия шурфа № 1 Fig. 4. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Gramatukha. Stratigraphy of the test-pit No. 1.

край расположен на дистальном сегменте дорсального фаса, лезвие выполнено мелкой прерывистой ретушью (рис. 5.1); данный артефакт апплицируется с двумя отщепами, образуя технологическую цепочку производства снятий с нуклеуса (рис. 3, 6);

- 2) отщепы серого кремня, апплицируются друг с другом и с вышеописанным скребком на отщепе (рис. 5.3, 4; рис. 6);
- 3) два фрагмента одной пластины, пластина двугранная оформлена мелкой ретушью по маргиналам дорсального фаса (рис. 5.2);

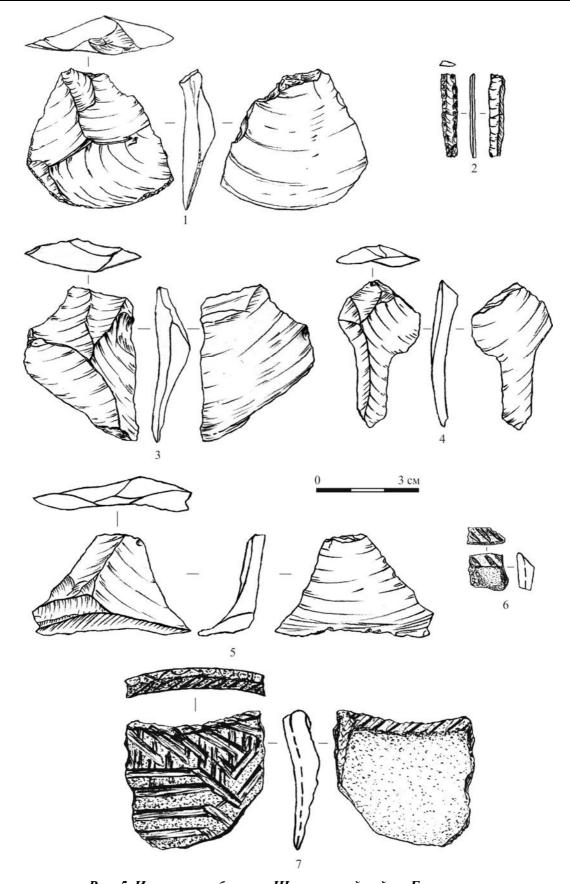
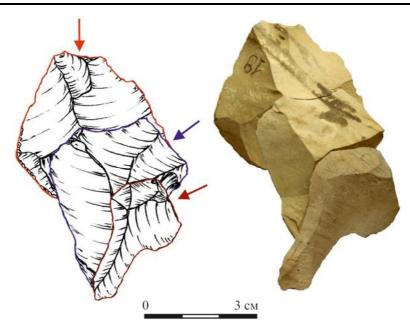

Рис. 5. Иркутская область, Шелеховский район. Граматуха, стоянка. Археологический материал Fig. 5. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Gramatukha. Archaeological findings

Puc. 6. Иркутская область, Шелеховский район. Граматуха, стоянка. Аппликативный блок Fig. 6. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Gramatukha. Refitting block

- 4) крупный вторичный отщеп кремня светло-бурого цвета (рис. 5.5);
- 5) небольшой фрагмент венчика керамического сосуда; венчик тонкостенный, внутренне асимметричный, приострённый, внешняя скошенная часть бортика оформлена косо-параллельными узкими прочерченными линиями (рис. 5.6);
- 6) фрагмент венчика керамического сосуда; венчик тонкостенный, со следами затёртой «рубчатой лопатки», внешнеасимметричный, приострённо-овальный, бортик оформлен сходящимися к вершине косопараллельными узкими вдавлениями с более длинными во внутренней части; внешняя часть венчика оформлена косопараллельными прочерченными линиями, ниже чередующиеся ряды горизонтальнопараллельных прочерченных линий и косопараллельных прочерченных линий; в профиль виден небольшой подтреугольный налеп (рис. 5.7).

Большая часть артефактов (23 экз.) — это фрагменты керамики. Выявлены остатки двух керамических сосудов, венчики которых описаны выше.

Морфологически и стратиграфически археологический материал предварительно датируется периодом бронзового века (III—II тыс. л. до н. э.).

Прилука, стоянка 1

Прилука, стоянка 1, открыта в 2013 г. и выделена на основании фиксации подъёмного археологического материала, представленного фрагментами керамики с отпечатками затёртой «рубчатой лопатки».

Стоянка расположена в 4 км к югу от д. Введенщина — Баушева, на левом берегу реки Иркут, на правом устьевом мысу урочища Прилука, выходящего на обширную высокую пойму левобережья Иркута с отметками 15–18 метров (рис. 1, 7).

В 2014 году на территории стоянки проведены шурфовочные археологические работы с целью фиксации культуросодержащих отложений и определения границ их распространения. Заложено 10 археологических шурфов, вскрытая площадь составила 40 кв. м. В результате раскопочных работ культуросодержащие отложения зафиксированы в шурфах № 1, 2, 4, 6 и 9.

Культуросодержащие отложения шурфа № 1 фиксируются на контакте слоя светло-серого суглинка и ярко-бурого средне-тяжёлого суглинка на глубине 0,20 м от уровня современной дневной поверхности. Зафиксирован единичный каменный артефакт, представленный проксимальным сегментом вторичного пластинчатого скола тёмно-серого кремня с ретушью

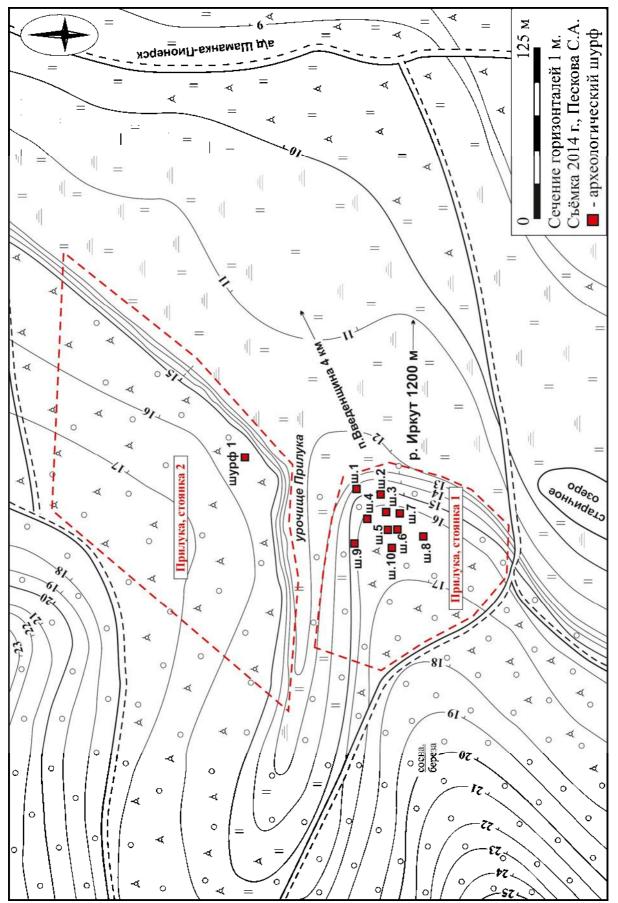

Рис. 7. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1, Прилука, стоянка 2. Ситуационный план Fig. 7. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Sites Priluka 1 and Priluka 2. Situation plan

утилизации по маргиналам и проксимальному концу, по морфологическим признакам данный артефакт можно классифицировать как угловой резец (рис. 8.1).

Кроме того, в подошве среднетяжёлого ярко-бурого суглинка на глубине 0,28 м от уровня современной дневной поверхности зафиксированы неопределимые фрагменты трубчатой кости среднего млекопитающего.

Культуросодержащие отложения шурфа № 2 фиксируются на контакте слоя тёмно-серого гумусированного суглинка и в верхней части светло-серого суглинка на глубине 0,15–0,20 м от уровня современной дневной поверхности.

Археологический материал, представленный большим количеством фрагментов керамических сосудов (всего 77 экз.), отщепами, сколами (всего 16 экз.) (рис. 9).

Описание археологического материала:

- 1) наконечник стрелы (размеры 1,4 х 1,0 х 0,3 см) треугольно-вытянутой формы с закруглённым основанием, оформлен на отщепе кремниевого сланца разнофасеточной ретушью по всему периметру и обоим фасам (рис. 8.2);
- 2) вторичный отщеп серого кремня с ретушью утилизации по левому маргиналу дорсального фаса (рис. 8.3);
- 3) отщеп кремня серого цвета (рис. 8.4);
- 4) фрагменты толстостенного гладкостенного керамического сосуда (рис. 8.5);
- 5) фрагменты керамического сосуда (21 экз.), часть фрагментов орнаментирована параллельными рядами сдвоенного прямоугольного отступающего штампа (рис. 8.6);
- 6) фрагмент венчика керамического сосуда, венчик тонкостенный, не орнаментированный, внешнеасимметричный, бортик прямой, слегка скошен наружу (рис. 8.7);
- 7) фрагмент бортика венчика сосуда, оформленного отступающими вдавлениями полулунного штампа (рис. 8.8);
- 8) фрагменты тонкостенного гладкостенного керамического сосуда (25 экз.), присутствует прямой венчик с уплощенным

бортиком и несквозным округлым («жемчужина») вдавлением с внутренней стороны в 0,8 см от края бортика (рис. 8.9).

Культуросодержащие отложения шурфа № 4 также фиксируются на контакте слоя тёмно-серого гумусированного суглинка и в верхней части светло-серого суглинка на глубине 0,15–0,18 м от уровня современной дневной поверхности. В шурфе найдены два крупных фрагмента толстостенного гладкостенного керамического сосуда.

Культуросодержащие отложения шурфа № 6 зафиксированы на контакте светлосерого суглинка и ярко-бурого среднетяжёлого суглинка на глубине 0,28–0,35 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 10). Археологический материал представлен вторичным отщепом серого кремня (рис. 11.1), первичным отщепом белого кремня (рис. 11.2) и 25-ю фрагментами тонкостенного керамического сосуда с отпечатками «сетки-плетёнки», зафиксированными скоплением в квадрате № 2 археологического шурфа (рис. 10; рис. 11.3).

В отложениях шурфа № 9 зафиксированы два культуросодержащих слоя. Первый культурный слой зафиксирован на контакте слоя тёмно-серого гумусированного суглинка и верхней части светлосерого суглинка на глубине 0,15–0,28 м от уровня современной дневной поверхности. Археологический материал представлен большим количеством фрагментов керамических сосудов (всего 242 экз.), которые фиксировались тремя крупными скоплениями в квадратах № 1, 2 (рис. 12).

Керамические фрагменты представлены венчиками трёх керамических сосудов:

- 1) пять фрагментов венчика керамического сосуда; венчик тонкостенный, гладкостенный, ассиметричный, бортик волнообразный, оформлен отступающими вдавлениями в наклон от внутреннего края к внешнему (пальцевые вдавления) (рис. 13.1);
- 2) фрагмент тонкостенного, гладкостенного венчика керамического сосуда, в профиль прямой, бортик скошен наружу,

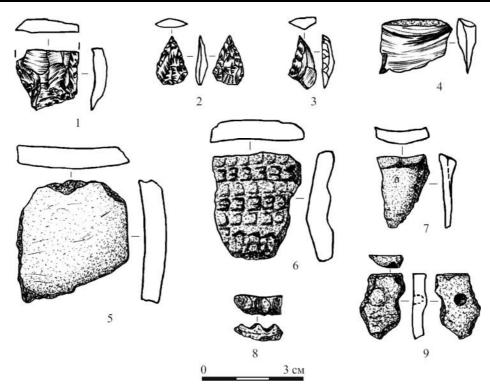

Рис. 8. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Археологический материал 1 — шурф № 1, 2—9 — шурф № 2

Fig. 8. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Archaeological findings. 1 – test-pit No. 1, 2–9 – test-pit No. 2

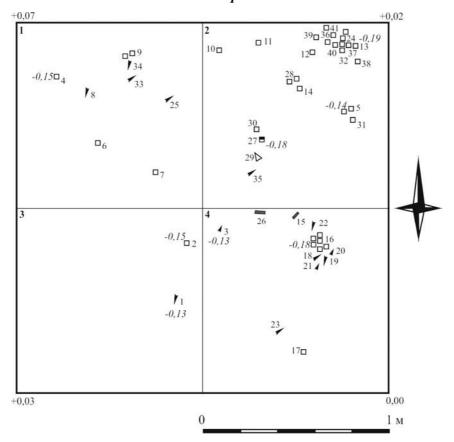

Рис. 9. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Планиграфия шурфа № 2 Fig. 9. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Planigraphy of the test-pit No. 2

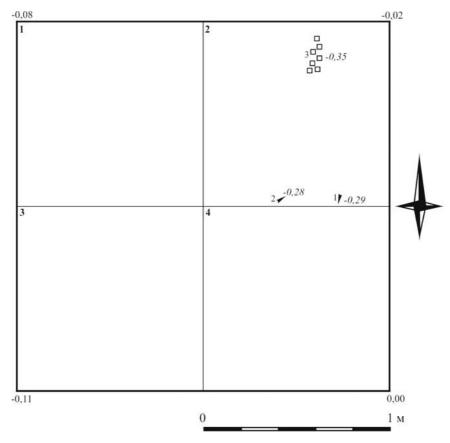

Рис. 10. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Планиграфия шурфа № 6 Fig. 10. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Planigraphy of the test-pit No. 6

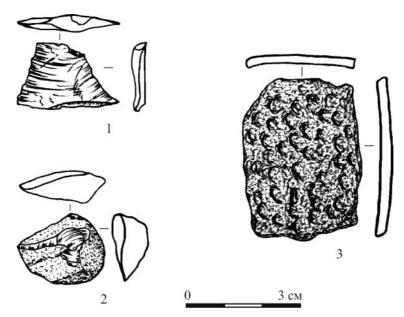
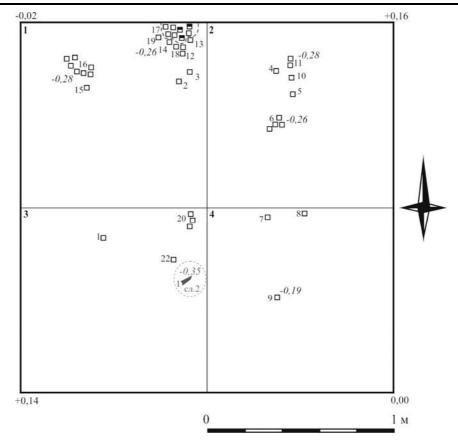

Рис. 11. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Шурф № 6 Археологический материал

Fig. 11. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Test-pit No. 6. Archaeological findings

Puc. 12. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Планиграфия шурфа № 9 Fig. 12. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Planigraphy of the test-pit No. 9

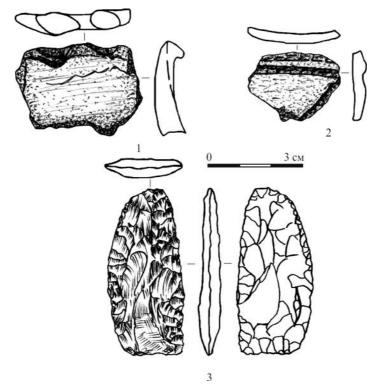

Рис. 13. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Шурф № 9 Археологический материал. Первый культурный слой — 1, 2. Второй культурный слой — 3 Fig. 13. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Test-pit No. 9. Archaeological findings 1st cultural layer — 1, 2. 2nd cultural layer — 3

оформлен двумя параллельными нечёткими вдавлениями от внутреннего края бортика к внешнему;

- 3) фрагмент тонкостенного, гладкостенного венчика керамического сосуда, тонкостенный, гладкостенный, присутствуют ряды отступающих вдавлений глубоко отпечатанного узкого, вытянутого прямоугольного штампа;
- 4) фрагмент тонкостенного, гладкостенного керамического сосуда, присутствуют несколько отступающих вдавлений глубоко отпечатанного узкого, вытянутого прямоугольного штампа;
- 5) 16 фрагментов предвенчиковых частей керамического сосуда.

Так же зафиксировано большое количество гладкостенных фрагментов тулова нескольких керамических сосудов, среди которых:

- 1) фрагменты тонкостенных гладкостенных керамических сосудов;
- 2) фрагмент керамического тонкостенного, гладкостенного сосуда, оформленного двумя параллельными рядами глубоко отпечатанного отступающего прямоугольного штампа; ниже таким же штампом оформлен остроугольный зигзагообразный орнамент (рис. 13.2);
- 3) фрагмент керамического сосуда тонкостенный, гладкостенный, оформлен тремя параллельными рядами глубоко отпечатанного отступающего прямоугольного штампа.

Второй культуросодержащий слой представлен одним артефактом — ножевидным орудием (размеры 5,4 x 2,3 x 0,6 см) на пластинчатом сколе серого кремня с овальным концом, по всему периметру по обоим фасам оформлен разнофасеточной приостряющей ретушью, проксимальный конец без ретуши, в сечении ромбовидное (рис. 13.3). Артефакт располагался в слое ярко-бурого средне-тяжёлого суглинка на глубине 0,35 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 12).

Сводный стратиграфический разрез отложений стоянки представлен следующим образом (рис. 14):

- 1. Суглинки средние гумусированные, серого и тёмно-серого цвета дерново-почвенный горизонт Aд = 0.03-0.05 м.
- 2. Суглинки лёгкие, серые, гумусированные, поддерновый горизонт A первый культурный слой 0.05–0.15 м.
- 3. Суглинки ярко-бурые, среднетяжёлые второй культурный слой 0.05— 0.25 м.
- 4. Суглинки средние, светлого сероватого цвета, присутствуют новообразования в виде мицелярных карбонатов 0,20—0,30 м.
- 5. Суглинки средние, тёмно-серого цвета -0.15-0.20 м.

Морфологически и стратиграфически археологический материал 1-го культурного слоя предварительно датирован бронзовым веком (II–I тыс. л. до н. э.). Второй культурный слой датирован неолитом (V–III тыс. л. до н. э.).

Прилука, стоянка 2

Прилука, стоянка 2, расположена в 4 км к югу от д. Введенщина — Баушева, на левом берегу реки Иркут, на левом устьевом мысу урочища Прилука, выходящего на обширную высокую пойму левобережья реки Иркут с отметками 15–18 метров (рис. 1, 7).

В 2014 г. на данной поверхности заложен археологический шурф (4 кв. м). Культурный слой зафиксирован на контакте слоя тёмно-серого гумусированного суглинка и верхней части светло-серого суглинка на глубине 0,05–0,10 м от уровня современной дневной поверхности. Археологический материал (всего 237 экз.) представлен большим количеством фрагментов керамических сосудов (всего 226 экз.), отщепами, сколами (всего 10 экз.) и фрагментом наконечника стрелы (рис. 15).

В строении рыхлых отложений, вскрытых шурфом, выделяются 3 слоя, сформированные в голоцен-плейстоценовый период (рис. 16):

1. Суглинки средние гумусированные, тёмно-серого цвета — дерново-почвенный горизонт Aд = 0.02-0.05 м.

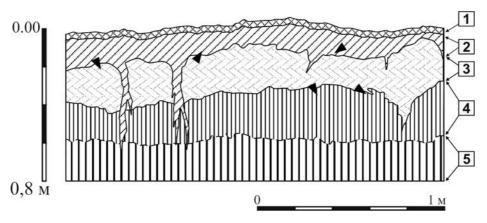

Рис. 14. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 1. Сводный стратиграфический разрез

Fig. 14. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 1. Combined stratigraphic profile

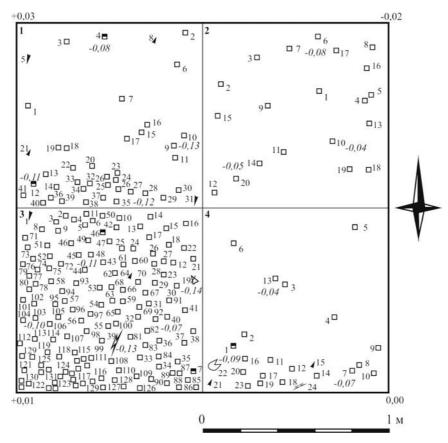

Рис. 15. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 2. Планиграфия шурфа № 1 Fig. 15. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 2. Planigraphy of the test-pit No. 1

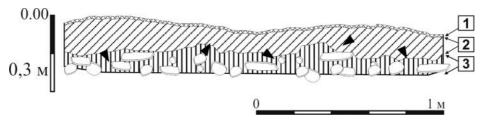

Рис. 16. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 2. Стратиграфия шурфа № 1 Fig. 16. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 2. Stratigraphy of the test-pit No. 1

- 2. Суглинки средние светло-серого цвета подгумусовый почвенный подзолисто-элювиальный горизонт горизонт выноса и вымывания органо-минеральных соединений (обеднённый илом и полуторными окислами) 0.05-0.10 м.
- 3. Суглинок средне-тяжёлый, яркобурого цвета — иллювиальный почвенный горизонт аккумуляции вымываемых свыше органо-минеральных соединений с обильным включением разноразмерных окатанных галек — до 0,15 м.

Основное скопление артефактов фиксировалось в квадрате № 3 археологического шурфа. Среди артефактов присутствуют фрагменты венчиков семи керамических сосудов:

- 1) тонкостенный, гладкостенный, прямой, бортик овальный, с налепом, с внешней стороны косо-параллельные прочерченные линии (рис. 17.1);
- 2) тонкостенный, гладкостенный, внешнеасимметричный, бортик скошен наружу, оформлен глубокими узкими вдавлениями от внутреннего края бортика к внешнему с расширением, ниже бортика ряд отступающих глубоких вдавлений овального штампа; ниже «жемчужина», оформлена с внутренней стороны венчика несквозным овальным вдавлением (рис. 17.2);
- 3) толстостенный, гладкостенный, бортик скошен во внутрь, оформлен косопараллельными вдавлениями строенного подпрямоугольного штампа; с внутренней стороны несквозные округлые вдавления ниже бортика в 2 см (рис. 17.3);
- 4) толстостенный, гладкостенный, бортик скошен во внутрь, оформлен косопараллельными вдавлениями строенного подпрямоугольного штампа; с внутренней стороны несквозные округлые вдавления ниже бортика в 2 см (рис. 17.4);
- 5) тонкостенный, гладкостенный, прямой, с внешней стороны бортик оформлен небольшими овальными вдавлениями, ниже бортика с внешней стороны косопараллельные прочерченные линии (рис. 17.5);

- 6) фрагмент венчика (без бортика) тонкостенного, гладкостенного, с налепом (рис. 17.6);
- 7) тонкостенный, гладкостенный, прямой, бортик оформлен небольшими встречными овальными вдавлениями с внутренней и внешней стороны, ниже бортика с внутренней стороны несквозное овальное вдавление, с внешней стороны ниже «выпуклины» горизонтальный ряд отступающего прямоугольного штампа (рис. 17.7).

Так же зафиксировано большое количество гладкостенных фрагментов тулова нескольких керамических сосудов, среди которых фрагменты тонкостенного, гладкостенного сосуда с отпечатками «рубчатой лопатки» (рис. 17.8); толстостенный, гладкостенный фрагмент придонной части керамического сосуда (рис. 17.9); фрагменты керамического сосуда – тонкостенный, гладкостенный, внешнеасимметричный, оформлен глубокими узкими вдавлениями от внутреннего края бортика к внешнему с расширением, ниже бортика ряд отступающих глубоких вдавлений овального штампа; ниже «жемчужина», оформлена с внутренней стороны венчика несквозным овальным вдавлением (рис. 17.10).

Артефакты из камня представлены:

- 1) фрагментом наконечника стрелы разметами 1,9 х 1,7 х 0,3 см из кремнистого сланца (отсутствует дистальный сегмент жало), вытянутой треугольной формы, с вогнутой базой (рис. 17.11);
- 2) медиальным сегментом двугранной пластинки кремня (рис. 17.12);
- 3) 10-ю отщепами и сколами кремня, среди которых вторичный скол серого кремня с мелкой ретушью утилизации по левому маргиналу дорсального фаса (рис. 17.13).

Археологический материал предварительно датирован неолитом — бронзовым веком (VI—I тыс. л. до н. э.). Разделение культуросодержащего слоя в границах, вскрытых шурфом отложений, затруднительно по причине сильной компрессии отложений, достаточно глубокой и разветвлённой корневой системой растений, что

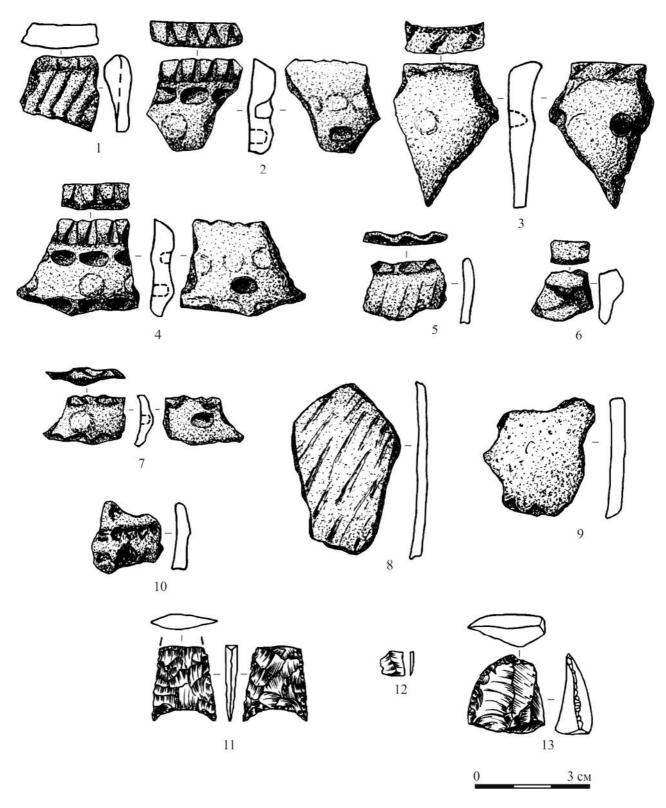

Рис. 17. Иркутская область, Шелеховский район. Прилука, стоянка 2. Шурф № 1 Археологический материал

Fig. 17. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Priluka 2. Test-pit No. 1. Archaeological findings

привело к перемешиванию и перемещению культурных отложений. Дополнительные археологические исследования выявят участки, на которых возможно стратиграфическое разделение культуросодержащих слоёв.

Моты – Новая Шаманка, стоянка 2

Стоянка открыта в 2015 году в результате археологических разведочных работ в окрестностях п. Новая Шаманка и расположена севернее крайних усадеб по ул. Мотской с. Новая Шаманка на поверхности 10–12 метровой надпойменной террасы правого берега реки Иркута, слева от автодороги Моты – Шаманка, (рис. 18).

На данной поверхности заложено два археологических шурфа (вскрыто 8 кв. м). В результате раскопочных работ в шурфах зафиксированы культуросодержащие отложения.

Так, в археологическом шурфе № 1 в подошве слоя серой супеси на глубине 0,44 м от уровня современной дневной поверхности зафиксирован археологический материал, представленный вторичным сколом светло-серого кремня, а также плиткой песчаника.

Культурный слой археологического шурфа № 2 зафиксирован в подошве слоя серой супеси на глубине 0,28–0,35 м от уровня современной дневной поверхности. Археологический материал (21 артефакт) представлен отщепами и сколами кремня, орудиями на плитках кремня, гальками, фрагментами жильного кремня со следами скалывания (рис. 19).

В строении рыхлых отложений, вскрытых шурфами, выделяются 4 слоя, сформированные в голоцен-плейстоценовый период (рис. 20):

- 1. Дерново-почвенный горизонт A, включающий лесную подстилку, слой с включением большого количества корней травяной и древесной растительности 0,03—0,05 м.
- 2. Подгумусовый почвенный подзолисто-элювиальный горизонт, в кровле слой нарушен древесными корневыми система-

- ми псевдофибров, культуросодержащий слой -0.05-0.10 м.
- 3. Суглинок лёгкий, серого цвета -0.05–0.25 м.
- 4. Суглинок лёгкий, серого цвета, влажноватый, слабокарбонатизированный, с присутствием железистых 0,20–0,30 м.

Среди артефактов археологического шурфа № 2 присутствуют:

- 1) два фрагмента окремнелых плиток с мелкой приостряющей ретушью с противо-положных плоскостей по двум сходящимся боковым граням (фрагменты пилок) (рис. 21.1, 2);
- 2) угловой трансверсальный резец, оформленный на отщепе тёмно-серого кремня (рис. 21.3);
- 3) заготовка нуклеуса для снятия микропластин;
- 4) сколы, отщепы из тёмно-серого кремня;
- 5) фрагмент желвака кремня с негативами бессистемных скалываний.

Необходимо отметить отсутствие керамического материала в составе коллекции.

Морфологически и стратиграфически археологический материал предварительно датирован мезолитическим временем (VIII—XII тыс. л. н.).

По результатам археологических работ в долине реки Иркут на территории Шелеховского района Иркутской области в 2013–2015 гг. зафиксировано четыре археологических стоянки: Граматуха, Прилука 1, Прилука 2 и Моты – Новая Шаманка 2.

1. Впервые обследована долина Иркута на участке от п. Шаманка (руч. Куйтун) вверх по течению реки до порога Бык, расположенного выше устья р. Большая Зазара. В результате археологических разведочных работ на правом устьевом мысу р. Граматухи зафиксирована стоянка, получившая название — Граматуха. Культурный слой выявлен в археологическом шурфе (4 кв. м), в подошве слоя серой высоко гумусированной супеси на глубине 0,10—0,20 м от уровня современной дневной по-

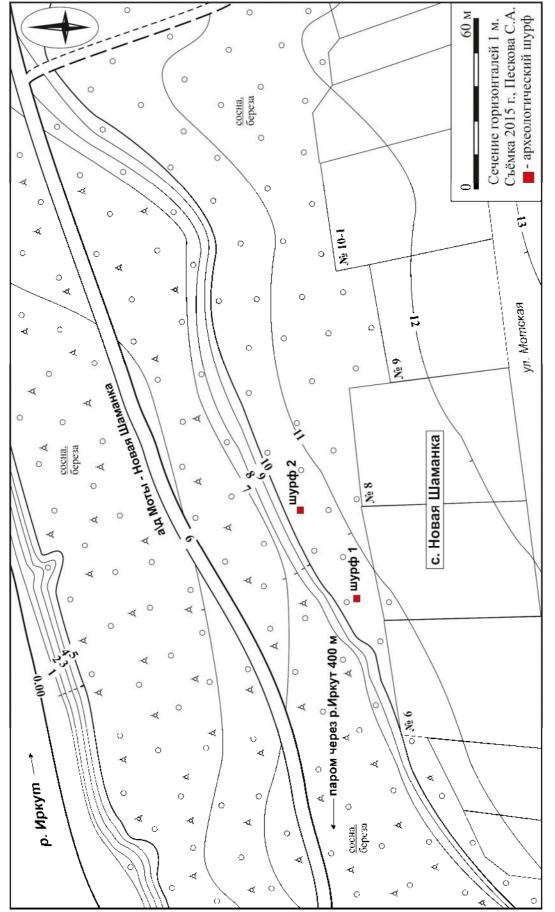

Рис. 18. Иркутская область, Шелеховский район. Моты – Новая Шаманка, стоянка 2. Ситуационный план Fig. 18. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Moty – Novaya Shamanka 2. Situation plan

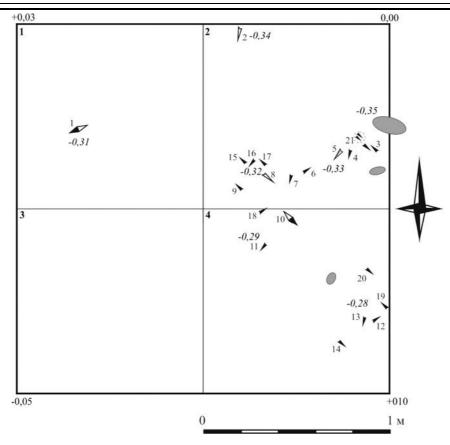

Рис. 19. Иркутская область, Шелеховский район. Моты — Новая Шаманка, стоянка 2. Планиграфия шурфа № 2

Fig. 19. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Moty – Novaya Shamanka 2. Planigraphy of the test-pit No. 2

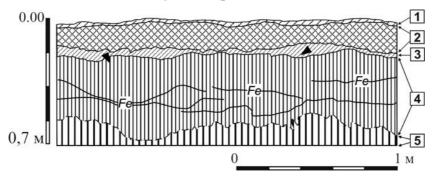

Рис. 20. Иркутская область, Шелеховский район. Моты – Новая Шаманка, стоянка 2. Стратиграфия шурфа № 2

Fig. 20. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Moty – Novaya Shamanka 2. Stratigraphy of the test-pit No. 2

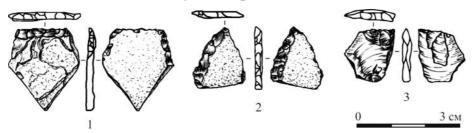

Рис. 21. Иркутская область, Шелеховский район. Моты – Новая Шаманка, стоянка 2. Археологический материал

Fig. 21. Irkutsk region, Shelekhovsky District. Site Moty – Novaya Shamanka 2. Archaeological findings

верхности. Морфологически и стратиграфически археологический материал предварительно датируется периодом бронзового века (III–II тыс. л. до н. э.).

2. В результате археологических работ на левобережье долины реки Иркут в 4-х км к юго-западу от с. Введенщина, в пади Прилука выявлены две стоянки: Прилука, стоянка 1, и Прилука, стоянка 2.

Прилука, стоянка 1, расположена на правом устьевом мысу пади Прилука. Выполнено 10 археологических шурфов (40 кв. м). Зафиксировано два культурных слоя:

- -1-й культурный слой выявлен в подошве слоя тёмно-серого гумусированного суглинка и в верхней части светло-серого суглинка на глубине 0,05-0,30 м от уровня современной дневной поверхности, датированный бронзовым веком (II–I тыс. л. до н. э.);
- 2-й культурный слой выявлен в подошве ярко-бурого средне-тяжёлого суглинка на глубине 0,25—0,35 м от уровня современной дневной поверхности, датированный неолитом (V–III тыс. л. до н. э.).

Статья поступила 26.02.2017 г.

Библиографический список

Воробьева Г.А., Генералов А.Г. Новое палеолитическое местонахождение Мамоны II // Дуловские чтения 1997 года (секция археологии и этнографии) : Материалы докл. и сообщ. Иркутск : Листок, 1997. С. 31–33.

Генералов А.Г., Воробьева Г.А., Заграфский С.И. Палеолитические объекты 30-го тысячелетия на юге Средней Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 46–55.

- 3. Прилука, стоянка 2, расположена на левом устьевом мысу пади Прилука. Выполнен археологический шурф (4 кв. м). Предварительно выделен один культуросодержащий слой в составе слоя тёмно-серого гумусированного суглинка и верхней части светло-серого суглинка на глубине 0,05—0,10 м от уровня современной дневной поверхности, отнесённый к периоду неолита бронзового века (VI—I тыс. л. до н. э.).
- 4. Севернее посёлка Новая Шаманка на поверхности первой надпойменной террасы р. Иркут в результате разведочных археологических работ (2 археологических шурфа, 8 кв. м) зафиксированы культуросодержащие отложения. Выявленный объект получил название Моты Новая Шаманка, стоянка 2. Культурный слой зафиксирован в подошве слоя серой супеси на глубине 0,25—0,45 м от уровня современной дневной поверхности и представлен артефактами из камня. Морфологически и стратиграфически археологический материал предварительно датирован мезолитическим временем (VIII—XII тыс. л. н.).

Article was received in February, 26, 2017

References

Vorob'eva G.A., Generalov A.G. Novoe paleoliticheskoe mestonakhozhdenie Mamony II [New Paleolithic site Mamony II]. Dulovskie chteniya 1997 goda (sektsiya arkheologii i etnografii). Materialy dokladov i soobshchenii [Dulov's Readings of 1997 (section of archaeology and ethnography). Irkutsk, Listok Publ., 1997. Pp. 31–33. (In Russian)

Generalov A.G., Vorob'eva G.A., Zagrafskii S.I. Paleoliticheskie ob"ekty 30-go ty-syacheletiya na yuge Srednei Sibiri [Paleolithic sites of the 30s millennia BP on the south of Middle Siberia]. Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii (materialy mezhdunarodnogo simpoziuma) [Paleoecology of the Pleistocene and cultures of the Stone Age in the Northern Asia and surrounding areas (proceedings of the International Work-

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Историкоархеологическое исследование. М.; Л. 1950. Ч. І, ІІ. 411 с. (МИА N 18).

Песков С.А. Новые археологические объекты в долине реки Иркута. Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее // Материалы региональной научнопрактической конференции. 12–15 ноября 2003 г. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 108–111.

Песков С.А., Краснощёков В.В. Новые археологические объекты в долине реки Иркута // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 112–133.

Песков С.А. Дорога в прошлое // Шаманские вести (информационный листок). Администрация Шаманского сельского поселения, 2014. № 3 (30). С. 3–4.

Хороших П.П. По пещерам Прибайкалья (Экскурсии в пещеры Прибайкалья). Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1955. 72 с.

Сведения об авторе Песков Сергей Александрович –

главный специалист отдела подготовки и реализации мероприятий по охране объектов культурного наследия (археология), Областное государственное автономное учреждение Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской

shop)] Novosibirsk, 1998. Vol. 2. Pp. 46–55. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya* [Neolithic and Bronze Age of the Cisbaikalia]. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Moscow-Leningrad, 1950. Part I, II. 411 p. (MIA No. 18). (In Russian)

Peskov S.A. Novye arkheologicheskie ob"ekty v doline reki Irkuta. Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [New archaeological sites in the valley of Irkut River. Sociogenesis of the Northern Asia: Past, Present, Future]. Materialy regional'noi nauchno prakticheskoi konferentsii. 12–15 noyabrya 2003 g. [Proceedings of the Regional Scientific-Practical Conference, 12–15 November 2003]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2003. Pp. 108–111. (In Russian)

Peskov S.A., Krasnoshchekov V.V. *Novye* arkheologicheskie ob"ekty v doline reki Irkuta [New archaeological sites in the valley of Irkut River]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh* tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technology]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2008. Iss. 6. Pp. 112–133. (In Russian)

Peskov S.A. *Doroga v proshloe* [Path to the Past]. *Shamanskie vesti (informatsionnyi listok). Administratsiya Shamanskogo sel'skogo poseleniya* [Shamanskie vesti (information page). Administration of the settlement Shamanka], 2014. No. 3 (30). Pp. 3–4. (In Russian)

7. Khoroshikh P.P. *Po peshcheram Pribaikal'ya (Ekskursii v peshchery Pribaikal'ya)* [To the caves of Cisbaikalia (Excursions to the caves in Cisbaikalia)]. Irkutsk, Irkutskoe knizhnoe Publ., 1955. 72 p. (In Russian)

Information about the author Sergei A. Peskov –

senior specialist of the Department of preparation and implementation of the measures for the protection of cultural heritage (archaeology),

Regional State Autonomous Institution the Department for Preservation of the Historical-

области,

Российская Федерация, 664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, № 2,

e-mail: ippeskov@mail.ru

Критерии авторства

С.А. Песков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Cultural Heritage of the Irkutsk Region, 2, 5th Army Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation,

e-mail: ippeskov@mail.ru

Attribution criteria

Peskov S.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.22(571.53)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-31-43

ДРЕВНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КИРЕНСКА

© В.В. Краснощёков

ООО «Раритет»,

Российская Федерация, 664000, г. Иркутск, ул. Шапошникова, 2.

В статье рассматривается вопрос об известных, ранее опубликованных погребениях на территории, занимаемой ныне городом Киренском. Впервые публикуется часть архивного дела об открытии погребения в 1892 году. Предпринят опыт реконструкции погребения по текстовому описанию. Описание этого открытия, благодаря материалам архивного дела, позволяет установить приоритет в исследовании погребений на территории города при сегодняшнем уровне изученности вопроса. Предполагается наличие взаимосвязи между открытием 1892 года, материалами Иркутского краеведческого музея и трудами Археологической комиссии ВСОРГО по археологическому картированию Иркутской губернии в 1921 году.

Ключевые слова: Киренск, ВСОРГО, погребение, неолит, бронзовый век, Археологическая комиссия, археологическое картирование.

Формат цитирования: Краснощёков В.В. Древние погребения на территории города Киренска // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 31–43. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-31-43

ANCIENT GRAVES IN THE KIRENSK DOWNTOWN

© V.V. Krasnoschiokov

OOO "Raritet",

2, Shaposhnikova Str., Irkutsk, 664000, Russian Federation.

The article is about the known and published graves in the downtown of Kirensk. It is also the first publication of the archive file of the discovery of the grave in 1892. Based on the description author reconstructs the grave. Details of its discovery keeping in the archive file allow setting the priority in researches of the burial sites in the city. Author supposes some relations between the discovery in 1892, the collections of Irkutsk Regional Museum and the proceedings of the Archaeological Commission of East Siberian Brunch of Russian Geographical Society to mapping archaeological sites of Irkutsk gubernia in 1921.

Keywords: Kirensk, East Siberian Brunch of Russian Geographical Society (ESBRGS), grave, Neolithic, Bronze Age, Archaeological Commission, mapping of archaeological sites

Citation format: Krasnoschiokov V.V. Ancient Graves in the Kirensk Downtown. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 31–43. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-31-43

С городом Киренском связано первое упоминание об археологических находках на Лене. В 1740 году Г.Ф. Миллер в обширной инструкции, составленной для приемника, адъюнкта Фишера, упоминает:

«...90) Иногда и вне могил встречаются в земле и на ней металлические и каменные древности, которые не менее других заслуживают внимания.

91) Сюда относятся секиры древних или так называемые громовые стрелы, да каменные наконечники стрел и долота, сделанные из агатов и яшмы. Недавно такие вещи нашли в Киренском остроге, на берегу Лены, при копании земли, и в Красноярске на степи». (Радлов В.В., 1894. С. 107-114). Место этой находки «в остроге» относится к скальной, наиболее возвышенной площадке острова, занимаемого ныне центральной частью города Киренска. Как центральная часть города, так и районы города, расположенные за реками Леной и Киренгой, в настоящее время включают территории выявленных археологических объектов (Краснощёков В.В., 1999. С. 454-456; Краснощёков В.В., 2002. С. 2-7).

В настоящее время в городе известны места 3 древних погребений: в саду бывшего Киренского уездного училища (объект археологического наследия (ОАН) - Сад уездного училища в г. Киренске), на левом приустьевом мысу р. Телячихи (ОАН Киренск-Мельничный) и на территории школы № 1 (ОАН Киренск-Школа).

При исследовании материалов о деятельности ВСОРГО в Государственном архиве Иркутской области было обнаружено «Дело об археологических находках в городе Киренске» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 457. 6 л.). Дело содержало документальное свидетельство исключительной важности. Смотрителем училища Константином Константиновичем Кокоулиным 1906 гг.), внёсшим значительный вклад в развитие народного образования Киренского округа, было обнаружено древнее погребение. В деле в 2 письмах на 6 листах описаны обстоятельства этого открытия, даны пояснения (после получения ответного письма) и приводится интересная информация. Вещи из погребения К. Кокоулиным были отправлены в Иркутск, вероятно, в ВСОРГО.

Ниже приводится содержание дела.

Лист 1

«Ввиду новости и важности сделанного в Киренске открытия находим нужным напечатать ниже приведённое сообщение в местной газете.

> Правитель дел В. С. Отдела Д. [А.] Клеменц

3-е Августа 1892 года № 146.

В Иркутский [зачёркнуто] В. С. Отдел Географического Общества.

4 июля 1892 года в г. Киренске, во дворе (в саду) уездного училища, по береговой улице, возвышающейся над обыкновенным уровнем воды до 2 сажен $[2 \times 2,13\text{м}]$, я копал канаву и на глубине менее аршина [менее 71см], (пол-аршина сору и чернозёму и пол-аршина глинистой почвы) нашёл полный человеческий скелет, лежавший на спине, головой на северо-запад. Положение скелета было несовсем правильное, или свободное. Голова была немного приподнята и глубоко опустилась в плечи; руки вытянуты и близко прижаты к туловищу; ноги вытянуты правильно, но ступни лежали одна на другой. Можно предполагать, что труп был похоронен зимой, когда при слабых орудиях невозможно было вырыть глубокой и правильной ямы. По длине в этом положении скелет занимал 2 аршина и 2 вершка [≈151см]. Подле кисти правой руки лежали два топорика - один каменный, другой бронзовый (или медный), густо покрытых зелёной окисью;

На листе содержался фрагмент другого текста:

Ниже г. Киренска, в 50 верстах, в начале этого [XIX] столетия была найдена каким-то ссыльным Крылацким медная хорошая руда, из которой он слил для Петропавловской сельской церкви колокол, существующий и поныне, и несколько хозяйственных вещей для крестьян. Но место это Крылацкий берёг под большим секретом, перевозя руду по ночам в свою кузницу и, несмотря на просьбы и даже истязания крестьян, своей находки не открыл никому. С его смертью умер и секрет (Народное местное придание). Ныне, как говорят,

Лист 1, оборот

крестьяне напали на эту руду, но также бе-

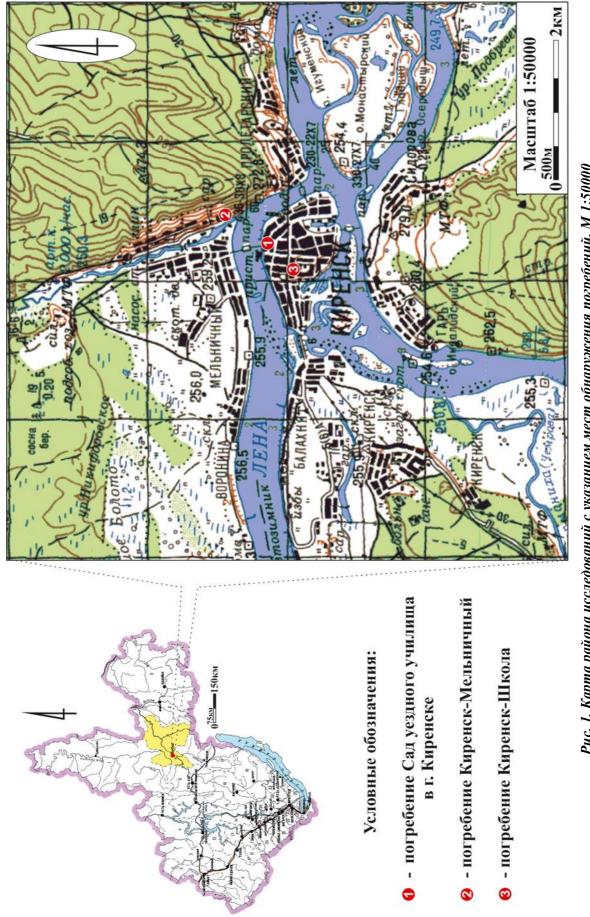

Рис. І. Карта района исследований с указанием мест обнаружения погребений. М 1:50000 Fig. 1. Map of the region of research with the location of graves. M 1:50000

регут её, всё не желая, чтобы разработка её досталась кому-либо из чужих, некрестьянских промышленников.

Лист 2

но пошире и, как видно по излому, представляет второй кусок одного и того же ножа. На нижней челюсти, плотно прилегая к кости, как бы заткнутый за губу, лежал третий такой же обломок. Внутренность черепа наполнена землей и корнями растений, которые переплетали и весь скелет. Кругом скелета я разрывал землю на поларшина и ничего не нашел.

Нужно ли еще рыть и в каком направлении? Нужны ли еще какие-нибудь сведения?

К настоящему заявлению отдельной посылкой высылаются в Отдел следующие веши:

- 1. Два топора, металлический и каменный.
- 2. Нож металлический.
- 3. Разные костяные обломки.
- 4. Три кусочка ножа, найденные в черепе.

Оставляю до востребования если нужно череп и нижнюю челюсть, хорошо сохранившиеся.

Конст.[антин] Кокоулин, смотритель училища.

10 июля 1892г.

Лист 3

12 сентября 1892 г. вх. 170

В Иркутский Отдел Географического общества.

Дальнейшие раскопки ничего не прибавили к первым находкам, а в первых сделана была крупная ошибка: отбросы вынутой земли не сохранены отдельно (от других хозяйственных раскопок) и не просеяны, потому можно предполагать потери. Напр.[имер] кусками ломанного ножа, наверное, были прикрыты глаза, нос и рот. При складывании обломков ножа видно, что нет третьего среднего звена. Звенья, провалившиеся в глазные впадины и звено, сползшее со рта, оставили на кости следы зеленой окиси. Такие же следы видим на

шейных позвонках, куда, наверное, провалилось с носу третье звено ножа, мною не найденное. В числе орудий, найденных близ кисти правой руки, я не упомянул ещё об одном. Найдена громовая стрела /чёртов палец?/ — обыкновенный камень булыжник круглопродолговатой правильной формы, вершка [4,45 см×2] 2 длины и меньше вершка толщины.

Весь труп лежал в мягкой красной глинистой земле. Только с левой стороны заметна другая земля, которую я назвал прежде гнилушками кости. Посылаю образчики.

Уголь я искал и прежде, и находил, но из боязни ошибиться и переврать умолчал об этом. Случай был такой. Роясь в сторону от скелета, я встречал даже под слоем чернозёма, на глине, угли и обуглившиеся

Лист 3, оборот

дерево и камень и тщательно подбирал их. Затем натыкался на каменные плитки, уложенные правильно. По поверхности этого участка сада нельзя было судить, чтобы когда-нибудь тут была постройка. Это был старый крытый задний двор. Правильно уложенные толстым слоем большие плитки указывали, понятно, на могилы под ними и проч. Снимая плитки, я каждую тщательно обмывал и осматривал, но надписей, или каких-либо знаков от человеческой руки не находил. Под плитами пошел уже слой глины и угольки, угольки... вдруг кирпич! Затем, оклад избы. Угольки потеряли всю цену, тем более, что ближе к скелету их не было. Начатым по другую сторону скелета, левую, где [зачёркнуго] на глубине, равной положению скелета, стали попадаться признаки угля, очевидно, неслучайного заброса. Два образчика высылаю. Косточка занимательна. Очевидно она от скелета, от руки, но почему позеленела и обуглилась, странно. Найдена она после первой раскопки и не могу сказать, обронена ли из скелета или так и была вне его.

За дальнейшие разыскания по Киренску не берусь. Понятно, что ко всем новым копаниям ям под постройки и пр. буду внимателен. В окрестностях

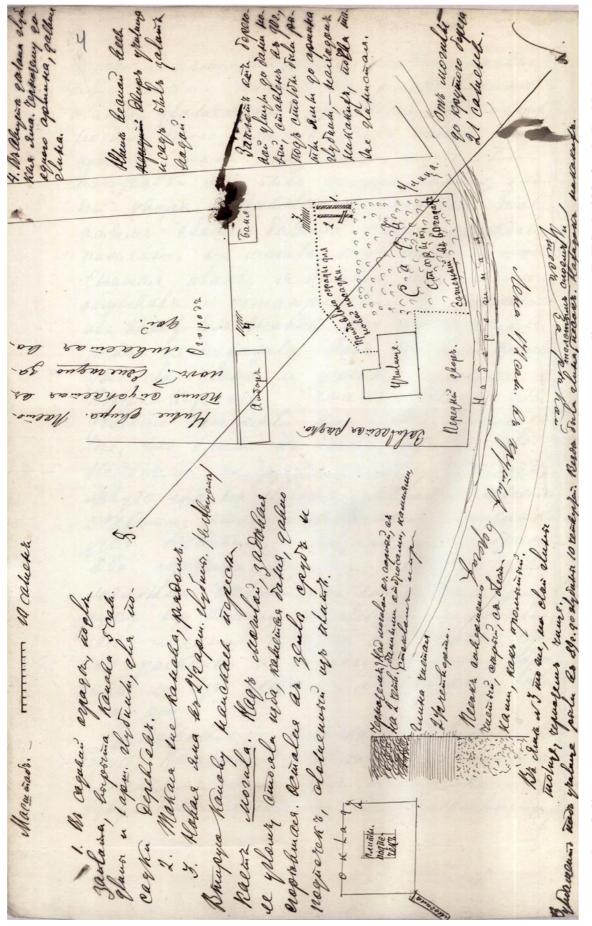

Fig. 2. Copy of the page 4 of the archive file of the archaeological findings in Kirensk. GAIO [State Archive of Irkutskaia Oblast' (SAIO)]. F. 293. Рис. 2. Копия листа 4 из архивного дела об археологических находках в городе Киренске. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 457. 6 л. Op. 1. D. 457. 6 pages.

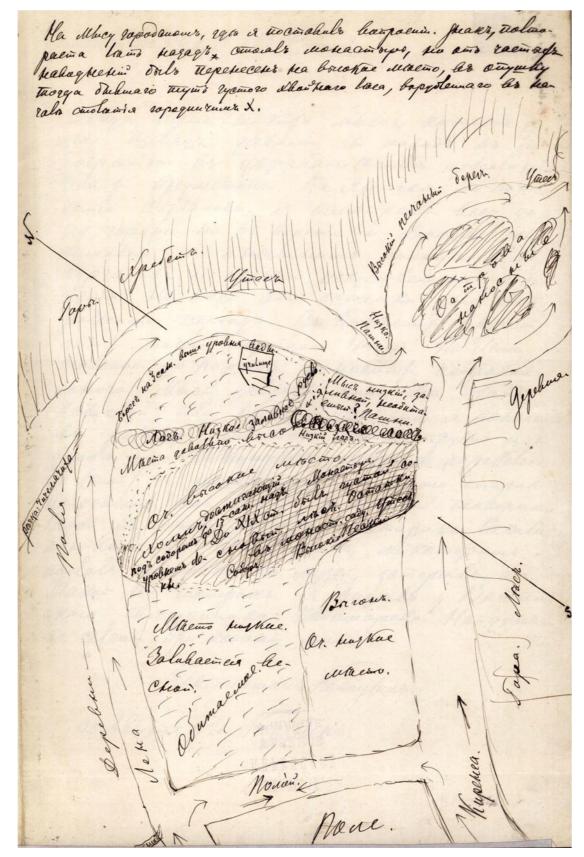

Рис. 3. Копия листа 5 из архивного дела об археологических находках в городе Киренске ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 457. 6 л.

Fig. 3. Copy of the page 5 of the archive file of the archaeological findings in Kirensk GAIO. F. 293. Op. 1. D. 457. 6 pages.

Лист 6

города нет таких мест, которые на мой взгляд [подчёркнуто], давали бы повод к подозрению в укрывательстве археологических предметов. В Якутске, по поручению Адрианова, я осматривал всю долину города на 60 вёрст и хорошо ознакомился с внешним видом всех курганов и насыпей искусственного образования. Но ведь это остатки уже исторического периода. В Киренских окрестностях ничего подобного нет.

По Лене и особенно по Киренге наносных островов много. Мысы указаны мною на плане. Пожалуй, если Отдел укажет, я покопаю в разных местах. Это не трудно и не дорого. – По Тунгуске (40 вёрст параллельно с Леной) я взял у одного старика найденный им там каменный топорик. Водой с этого топорика старик лечивал от колотья. М.В. Пихтин, с которым я послал топорик в Музей, затерял его. Такой же топорик я видел у Витимского священника Пономарева. Найден в селении при копании ямы.

Константин Кокоулин. 30 августа [18]92 г. Киренск.

Лист 4

Масштаб 10 саж.,

- 1. в садовой ограде подле заплота, вырыта канава 5 саж. [сажень=3 аршина 2,13 м] длины и 1 аршин [71 см] глубины для посадки деревьев
 - 2. такая же канава, рядом
 - 3. новая яма в 2 и $\frac{1}{2}$ аршин глубины (?)

Вторую канаву наискось пересекает могила [подчёркнуто]. Над могилой, задевая её углом, стояла изба, кажется баня, давно сгоревшая. Остался в земле сруб и подпечек, сложенный из плит.

- 1. Чернозём на 2 четв. [четверть=¹/₄ аршина=18см] /над могилой оч. серый, с банными отбросами, камнями, стёклом и пр.
 - 2. глина чистая 2 и 1/2 четв.
- 3. песок совершенно чистый, серый с блёстками, как промытый

В яме № 3 тоже, но слой глины толще, а чернозём чище

Фундамент под училище рыли в [18]89 году до глубины 10 четвертей. Везде была глина толстым слоем и песок. Находок никаких.

4. В августе делана глубокая яма чернозёму – до 1 аршина, дальше глина.

Нынче весной весь двор училища и сад был залит водой. Заплот от береговой улицы до бани – новый, ставлен в [18]90 году, под столбы были рыты ямы до аршина глубины – находок никаких, почва такая же глинистая. От могилы до крутого берега – 21 сажень.

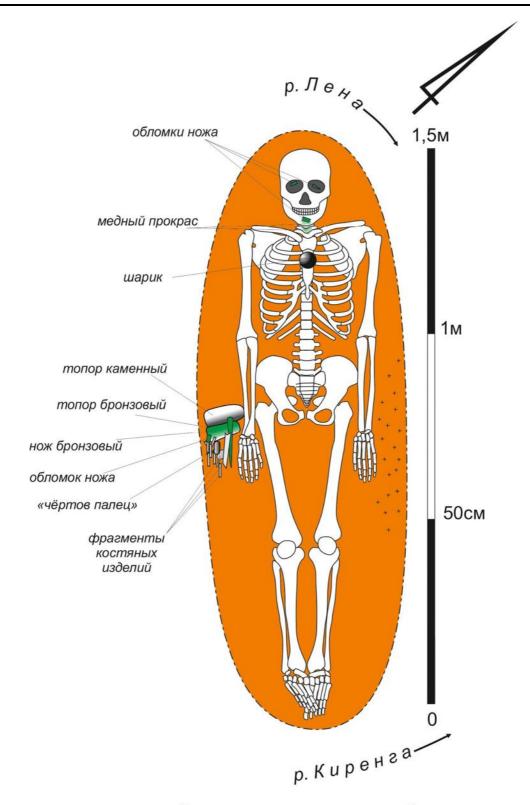
Лист 5

На мысу городском, где я поставил вопросит. знак, полтораста лет назад стоял монастырь, но от частых наводнений был перенесён на высокое место в опушку тогда бывшего тут густого хвойного леса, вырубленного в начале столетия городничим Х».

Материалы дела повествуют о погребении, но не ограничиваются городской территорией. Представляют также интерес сведения автора открытия о близлежащих и отдалённых территориях. В описях Иркутского краеведческого музея не удалось обнаружить следов вышеописанной коллекции. Существует вероятность, что интереснейшая коллекция затерялась.

При помощи местного исследователяисторика Л.С. Нератовой определено место обнаружения первого древнего погребения в городе. Примечательно, что место до сих пор занято садом — рядами лиственниц и елей. Гипсометрический уровень участка — 6 м. На рисунке 1892 года указан заливаемый лог южнее сада и училища. Из этого следует, что раскопанное погребение бронзового века располагалось на относительно возвышенном участке с субаэральными, как следует из описания, отложениями.

До вышеописанного погребения первым выявленным считалось погребение на левом приустьевом мысу р. Телячихи, в нынешнем жилом районе Мельничном. При рытье канавы под фундамент возводимого пристроя помещения кузницы Кирен-

Опыт реконструкции погребения по письму К. Кокоулина от 1892 года.

Puc. 4. Сад уездного училища в г. Киренске. Опыт реконструкции погребения по письму К. Кокоулина от 1892 года
Fig. 4. Garden of the Uesdny College in Kirensk. Reconstruction of the grave according to the letter written by K.Kokoulin in 1892

Ремонтно-эксплуатационной базы ской флота в 1963 году было обнаружено древнее погребение. Остатки древнего человека были найдены рабочим на глубине около 2 м. Упоминание об этом размещено в местной газете действительным членом ГО СССР Станиславом Францевичем Шабуневичем (Шабуневич С.Ф., 1963). В настоящее время здесь расположены строения силикатного цеха. Левый приустьевой мыс реки Телячихи в этом месте имеет гипсометрические отметки 3-4 м, однако основой ему служит скальная осыпь Соколиной горы. При открытии помимо костяка в погребении был обнаружен костяной трёхгранный наконечник. (Трёхгранный) наконечник с уплощённым насадом, вырезанный из трубчатой кости крупного млекопитающего, имеет угол заострения между гранями – 60 градусов. На насаде заметны волнообразные затёртые следы пиления или строгания. Грани наконечника выведены аккуратно, основное направление шлифовки - вдоль предмета, а «грубое» заострение граней – поперёк. На одной грани наконечника заметен длинный жёлоб (оставшийся от внутренней поверхности кости, где помещался костный мозг), который удачно дополняет убойные свойства изделия. Этот костяной наконечник был в 1963 г. передан Г.М. Зайцевой (Георгиевской) в ОФ ИОКМ № 9966-1 и ныне находится там.

К сожалению, в описании отсутствовали данные о наличии или отсутствии надмогильного сооружения и ориентировке костяка.

В 1994 году на территории школы № 1 в городе Киренске было обнаружено неолитическое захоронение. Впервые раскопки производились профессиональными археологами. Погребение находилось на выположенной площадке в наиболее возвышенной части острова с гипсометрическими отметками 23–23,5 м, в 2 м к югу от СВ угла здания школы. Костяк был ориентирован головой на юго-запад. На дне могильной ямы зафиксирована береста, с находя-

щимися на ней остатками кремированного погребённого и инвентаря (Задонин О.В., Дзюбас С.А., Луньков А.В., 1996. С. 102-104; Дзюбас С.А., Луньков А.В., Задонин О.В., 1998. С. 69-74.). Сопроводительный инвентарь: керамический круглодонный сосуд открытой формы со следами заглаженных оттисков «сетки-плетёнки» диаметром 13,5 см при такой же высоте, остатки берестяного колчана с 22 целыми и 2 фрагментированными наконечниками стрел удлинённо-треугольной формы со слегка вогнутыми основаниями, неопределимые фрагменты плоского линзовидного в сечении, изделия из рога, шлифованное тесло из серого сланца, небольшое шлифованное тесло из нефрита, обломки шлифованного сланцевого ножа, два целых и два фрагментированных наконечника стрел, два фрагмента вкладышевых лезвий-бифасов и 19 кремневых отщепов. Погребение отнесено исследователями к финальной стадии неолита. Недавно по углю из этого погребения получена дата – 4310 ± 85 лет (СОАН - 9458). Исследователями выделена охранная зона памятника, примыкающая к охранной зоне с остатками Киренского острога, куда относится и православное кладбище XVIII века.

Ни одно из выявленных к настоящему времени погребений на территории города Киренска из-за недостатка данных нельзя определить, как часть могильника. Вблизи всех трёх выявленных погребений выделены территории объектов археологического наследия. Дальнейшим раскопкам на перспективных территориях препятствует плотная городская застройка. В сложившейся ситуации необходимо тщательно отслеживать все мероприятия, которые несут потенциальную угрозу выявленным археологическим объектам.

Находки с мест, поступавшие в ВСОРГО, умножались год от года. Описи поступлений в Иркутский краеведческий музей говорят об этом. Полученные свидетельства послужили необходимым основанием для составления Археологической карты в 1921 году. Судя по материалам Ар-

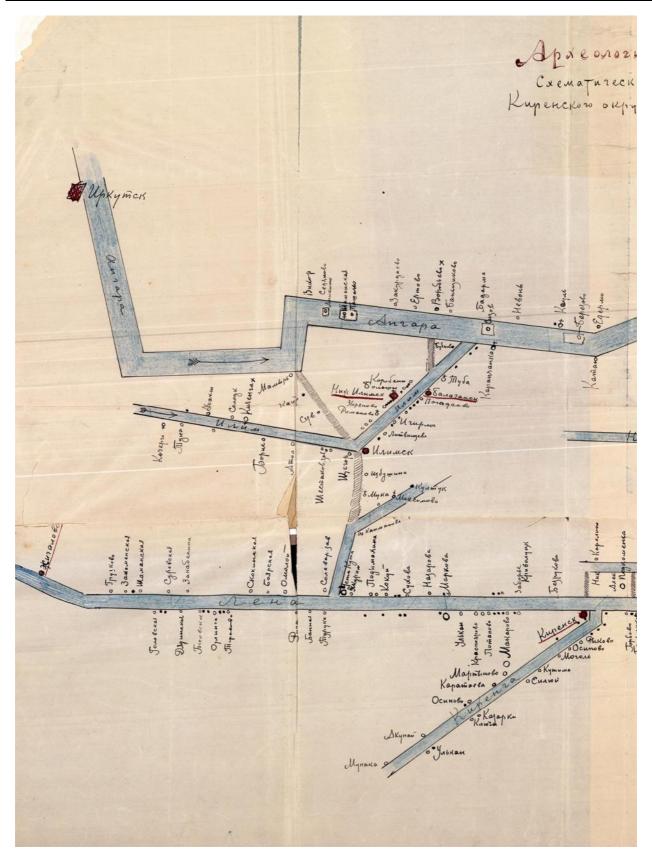

Рис. 5. Копия листа из архивного дела «Археологическая схематическая карта Киренского округа Иркутской губернии, 1921 год». ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 323. Л. 1. Fig. 5. Copy of the page from archive file "Archaeological schematic map of Kirensk District of Irkutskaya Gubernia, 1921". GAIO. F. R-565.Op. 1. D. 323. L. 1.

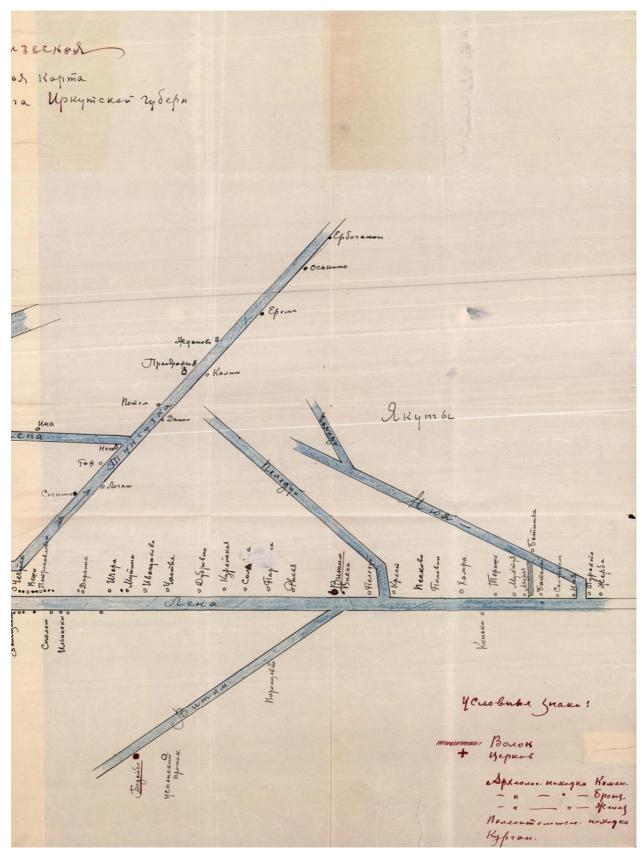

Рис. 5. Продолжение. Копия листа из архивного дела «Археологическая схематическая карта Киренского округа Иркутской губернии, 1921 год». ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 323. Л. 1. Fig. 5. The Continuation. Copy of the page from archive file "Archaeological schematic map of Kirensk District of Irkutskaya Gubernia, 1921". GAIO. F. R-565. Ор. 1. D. 323. L. 1.

хеологической комиссии ВСОРГО (Краснощёков В.В., 2004. С. 14—18) такая карта была составлена. Однако при просмотре архивного дела с многообещающим названием «Археологическая схематическая карта Киренского округа Иркутской губернии. 1921» обнаружилась незавершённая карта (ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 323. 1 л.). На карте были отражены места археологиче-

Статья поступила 26.02.2017 г.

Библиографический список

Дзюбас С.А., Луньков А.В., Задонин О.В. Новое неолитическое погребение на севере Верхней Лены // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы межд. Симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 69–74.

Задонин О.В., Дзюбас С.А., Луньков А.В. Неолитическое погребение на верхней Лене в г. Киренске // Археология, палео-экология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVI РАСК. Иркутск, 1996. Ч. 1. С. 102–104.

Краснощёков В.В. География археологических памятников города Киренска // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. Междунар. симпозиума. Улан-Удэ, 1999. С. 454—456.

Краснощёков В.В. Археология Киренска и его округи // Земля Иркутская. 2002. N 3. С. 2–7.

ских находок на территории Киренского округа, известные ко времени создания.

Приводимые сведения служат иллюстрацией к вопросу об археологическом картографировании Иркутской области. К сожалению, остаётся непонятным, почему столь обширная и доступная уже к 1921 году информация о ранее сделанных открытиях не была отражена на страницах академических изланий.

Article was received in February, 26, 2017

References

Dzyubas S.A., Lun'kov A.V., Zadonin O.V. Novoe neoliticheskoe pogrebenie na severe Verkhnei Leny [New Neolithic Grave on the North of Upper Lena River]. Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii. Materialy mezhd. Simpoziuma [Paleoecology of the Pleistocene and cultures of the Stone Age of the Northern Asia and surrounding areas]. Novosibirsk, 1998. Vol. 2. Pp. 69–74. (In Russian)

Zadonin O.V., Dzyubas S.A., Lun'kov A.V. *Neoliticheskoe pogrebenie na verkhnei Lene v g. Kirenske* [Neolithic Grave on Upper Lena River in Kirensk City]. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka. Tez. dokl. XXXVI RASK* [Archaeology, Paleoecology and Ethnology of Siberia and Russian Far East: proceedings of the XXXVI Regional Student Archaeological Conference]. Irkutsk, 1996. Part 1. Pp. 102–104. (In Russian)

Krasnoshchekov V.V. Geografiya arkheologicheskikh pamyatnikov goroda Kirenska [Geography of the archaeological sites in Kirensk]. Geokhimiya landshaftov, paleoekologiya cheloveka i etnogenez. Tez. Mezhdunar. Simpoziuma [Geochemistry of landscapes, paleoecology of the human and ethnogenesis: proceedings of the International Symposium]. Ulan-Ude, 1999. Pp. 454–456. (In Russian)

Krasnoshchekov V.V. *Arkheologiya Kirenska i ego okrugi* [Archaeology of Kirensk and its area]. *Zemlya Irkutskaya* [Land of Irkutsk]. 2002. No. 3. Pp. 2–7. (In Russian)

Краснощёков В.В. Археологическая комиссия ВСОРГО // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2004. Вып. 2. С. 14–18.

Радлов В.В. Из сочинений академика Г. Миллера и И. Гмелина // Сибирские древности: в 2 т. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 3. С. 107–114. (Материалы по археологии России, изд. Императорской Археологической комиссией. № 15).

Шабуневич С.Ф. Геологическая история окрестностей Киренска // Ленские зори. 1963. 17 марта.

Сведения об авторе Краснощёков Виталий Валерьевич –

специалист-археолог, ООО «Раритет», Российская Федерация, 664000 г. Иркутск, ул. Шапошникова, 2, e-mail: kurkula@mail.ru

Критерии авторства

В.В. Красношёков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Krasnoshchekov V.V. Arkheologiches-kaya komissiya VSORGO [Archaeological Commission East Siberian Branch of Russian Geographical Society]. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2004. Iss. 2. Pp. 14–18. (In Russian)

Radlov V.V. *Iz sochinenii akademika G. Millera i I. Gmelina* [From the works of academician G. Miller and I. Gmelin]. *Sibirskie drevnosti* [Siberian Antiquities in 2 vol.]. St. Petersburg, 1894. Vol. 1. Iss. 3. Pp. 107–114. (Materialy po arkheologii Rossii, izd. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissiei. № 15). (In Russian)

Shabunevich S.F. Geologicheskaya istoriya okrestnostei Kirenska [Geological history of the surrounding area of Kirensk]. Lenskie zori [Newspaper "Lena's dawns"]. 1963. March, 17. (In Russian)

Information about the author Vitaliy V. Krasnoschiokov –

specialist-archaeologist, OOO "Raritet",

2, Shaposhnikova Str., Irkutsk, 664000, Russian Federation,

e-mail: kurkula@mail.ru

Attribution criteria

Krasnoschiokov V.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 404/402

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-44-69

БАЛИН І – СТОЯНКА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ДОЛИНЕ РЕКИ КУДЫ

© Г.Л. Иванов*, А.В. Харинский**, Р.Дж. Лозей***, Т.Ю. Номоконова****, А.М. Клементьев****

* Иркутский областной краеведческий музей,

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 13.

** Иркутский национальный исследовательский технический университет,

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

*** Университет Альберта,

Tory Building 13–15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada.

**** Университет Британской Колумбии – Оканаган,

1147 Research Road, Kelowna, BC, V1V 1V7, Canada.

**** Институт земной коры СО РАН,

Российская Федерация, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128.

Публикация вводит в научный оборот материалы стоянки Балин I, расположенной в среднем течении реки Куды в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области. Общая вскрытая площадь на памятнике составила 14,5 кв. метров. На стоянке выделено 4 культуросодержащих слоя. Первый (верхний) из них предварительно датируется XV в., нижний — VII—III вв. до н. э. Большую часть находок составляют фрагменты керамической посуды. Среди фаунистических остатков найдены кости лошади, крупного рогатого скота, овцы (козы), косули, а также собаки и лисицы.

Ключевые слова: Предбайкалье, долина реки Куды, железный век, стратиграфия, кости животных, керамические сосуды, орнаментация, форма венчика.

Формат цитирования: Иванов Г.Л., Харинский А.В., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Клементьев А.М. Балин I — стоянка железного века в долине реки Куды // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 44–69. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-44-69

BALIN I – SITE OF THE IRON AGE IN THE VALLEY OF RIVER KUDA

© G.L. Ivanov*, A.V. Kharinsky**, R.J. Losey***, T.Yu. Nomokonova****, A.M. Klement'ev****

- * Irkutsk museum of regional studies,
- 13, Karl Marx Str., Irkutsk, 664003 Russian Federation.
- ** Irkutsk National Research Technical University,
- 83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.
- *** University of Alberta,

Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada.

**** University of British Columbia Okanagan,

1147 Research Road, Kelowna, BC, V1V 1V7, Canada.

***** Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

128, Lermontov Str., Irkutsk, 664033, Russian Federation.

This publication introduces new data on the habitation site Balin I located in the middle section of Kuda River (Ekhirit-Bulagatsk district of Irkutsk region). Total excavation area at this site was 14.5 square meters. The site contained 4 cultural layers. First (upper) is preliminary associated with 15th century AD, and lower layer is dated from 7th to 3^d centuries BC. Pottery fragments compose the majority of artefacts. Faunal remains consist of horse, bovines, caprines, roe deer, dog, and fox.

Keywords: Cis-Baikal, Kuda River valley, Iron Age, stratigraphy, animal remains, ceramic pots, ornamentation, rim shape

Citation format: Ivanov G.L., Kharinsky A.V., Losey R.J., Nomokonova T.Yu., Klement'ev A.M. Balin I – Site of the Iron Age in the Valley of River Kuda. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 44–69. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-44-69

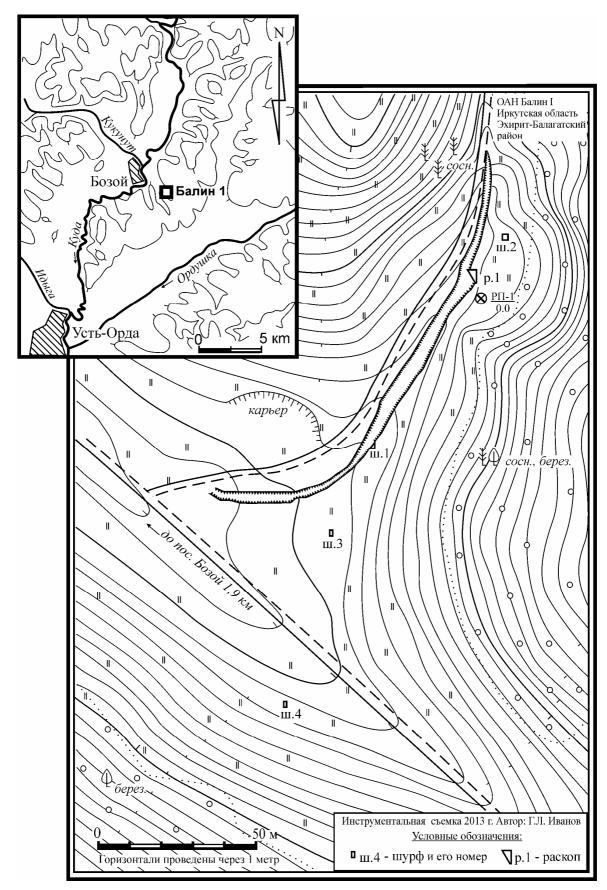
Введение

Стоянка Балин I расположена в 1,9 км к пос. Бозой Эхиритюго-востоку ОТ Булагатского района Иркутской области (рис. 1). Она занимает небольшой безымянный распадок, с северо-восточной стороны примыкающий к пади Балин. Падь ориентирована по линии юго-восток - северозапад. Она берет начало на возвышенности, состоящей из серии невысоких гор и являющейся водоразделом р. Куды и р. Ордушки. Устьем падь обращена к Кудинской долине. По её центру проходит проселочная дорога, следующая в сторону с. Гушит. Сама падь не залесена, а её борта в районе стоянки покрыты сосново-березовым лесом.

В месте, где безымянный распадок соединяется с падью Балин, его ширина составляет около 60 м. В средней части распадок сначала сужается до 17 м, а затем расширяется до 30 м. В этом месте безымянного распадка, с левого борта, находится пологая площадка размером 17 х 45 м. Выше её распадок вновь сужается. По его тальвегу проходит овраг длиной 174 м. Повторяя направление распадка, он приобретает вид дуги, изогнутой в юго-восточном направлении. В средней части распадка ширина оврага достигает 5 м. В устье он сужается до 3 м. Окружающие распадок холмы закрывают его от ветра и от посторонних глаз, создавая идеальные условия для организации небольшого поселения. Вдоль правого борта распадка проходит проселочная дорога (рис. 2).

Памятник был открыт в 1994 г. сотрудником Иркутского университета А.В. Харинским во время археологической разведки в долине р. Куды. В стенке оврага, проходящего по безымянному распадку, им обнаружены фрагменты гладкостенной керамической посуды, костяное изделие и остеологический материал. В месте сбора подъемного материала, в западной стенке нижней части оврага была сделана врезка 1 х 2 м, получившая название шурф 1. Во время раскопок выяснилось, что археологический материал, зафиксированный в овраге, залегает на разной глубине, в неоднородных геологических слоях. Выделено 4 культуросодержащих слоя, представленных разными типами керамических сосудов и остеологического материала.

В 2013-2014 гг. раскопки на стоянке были продолжены сотрудником Иркутскокраеведческого областного музея Г.Л. Ивановым. Работы носили рекогносцировочный характер. На памятнике заложены три шурфа, с помощью которых была определена площадь распространения археологического материала. В месте, где в стенке оврага была обнаружена наибольшая концентрация находок, заложен раскоп. Он располагался в средней части распадка, примыкая к восточной стенке оврага. Всего на памятнике вскрыта площадь размером 13,5 кв. м. В ходе раскопок подтверждено наличие 4-х культуросодержащих слоев, получен археологический материал, дополняющий и уточняющий возраст и культурную принадлежность стоянки на разных этапах ее существования.

Puc. 1. План стоянки Балин I Fig. 1. Plan of the site Balin I

1

2

Рис. 2. Стоянка Балин I: 1-вид с юго-запада; 2-вид с северо-востока **Fig. 2. Site Balin 1:** 1-view from south-west; 2-view from north-east

Подъемный археологический материал

Подъемный археологический материал был собран в стенках оврага, преимущественно в его средней и нижней частях. Большая часть находок — это фрагменты гладкостенных керамических сосудов. Среди них имеются остатки сосуда, украшенного треугольным в сечении горизонтальным валиком, шириной 7 мм и толщиной 3 мм. Валик рассечен наклонными овальными вдавлениями размером до 3 х 6 мм. Над валиком располагаются круглые вдавления диаметром 5 мм (рис. 4.3).

Костяные артефакты представлены двумя находками. Одна из них — черешковый наконечник стрелы с овальным в сечении пером (рис. 4.1). Черешок плоский. Его длина 4 см, ширина в основании 1,1 см, толщина в основании 0,7 см. На обеих плоскостях черешка имеются наклонные пересекающиеся прорези, предназначенные для более надежного крепления наконечника в древке. Перо наконечника овального типа. Его длина 6,3 см, ширина в средней части 1,6 см, толщина 0,8 см.

Другое изделие из кости напоминает ручку трапециевидной формы с закругленным углом у вершины и острым углом у основания (рис. 4.2). Один из краев изделия обломан. Длина сохранившейся части (основание) 4,3 см, высота 1,3–1,4 см, ширина основания 0,6–0,8 см. Через изделие от вершины к основанию проходит сквозное круглое отверстием диаметром 0,3 см.

В колее проселочной дороги, проходящей по территории распадка, и в стенках карьера археологические находки не обнаружены.

Материалы стоянки Балин I представлены костями животных и фрагментами гладкостенных сосудов. Они располагались в разных геологических отложениях. Наличие археологических материалов в неоднородных пластах земли способствовало выделению нескольких культуросодержащих слоев (к. с.), нумерация которых велась сверху вниз. Для каждой из земляных выработок (раскоп и шурфы) велась отдельная нумерация к. с. Каждый культуросодержа-

щий слой соответствовал отдельному геологическому слою. В разных земляных выработках количество к. с. было различным, поэтому они, как правило, не соответствовали одним и тем же геологическим отложениям.

Шурф 1

Шурф 1 (2 кв. м, глубина -1,5 м) был заложен в 1994 г. в южной части распадка, в виде врезки в восточную стенку оврага (рис. 1).

В районе шурфа отмечена следующая стратиграфическая ситуация (восточная стенка, сверху вниз) (рис. 3.2):

- 1) дерн -0.04-0.05 м;
- 2) серая супесь с дресвой и камнями размером до 3 см, плотная, опесчаненная 0,05–0,10 м;
- 3) желтая супесь с дресвой и камнями размером до 0.5 см, плотная, опесчаненная -0.06-0.10 м;
- 4) серая с желтым оттенком супесь с дресвой 0,02–0,06 м, из слоя заложена криогенная трещина глубиной 12 см;
- 5) черная гумусированая супесь, с угольками в основании 0,04–0,11 м;
- 6) серая опесчаненная супесь с дресвой и мелкой галькой размером до 2 см 0.03 0.07 m;
- 7) черная опесчаненная супесь 0,04–0,10 м;
- 8) желтый песок с дресвой и мелкими камнями размером до 2 см, в северной стенке шурфа слой читается слабо, приобретая серо-желтые оттенки 0,00—0,05 м, из слоя заложена криогенная трещина глубиной 25 см;
- 9) темно-серая супесь с пятнами желтого песка и морозобойными трещинами – 0,59–0,64 м;
- 10) желтый песок с дресвой и мелкими камнями размером до 2 см вскрыт на 0.15 м.

Археологический материал зафиксирован в 5-м (1-й культуросодержащий слой), 6-м (2-й к. с.), 7-м (3-й к. с.) и 9-м (4-й к. с.) геологических слоях. Девятый культуросодержащий слой разделяется на два уровня —

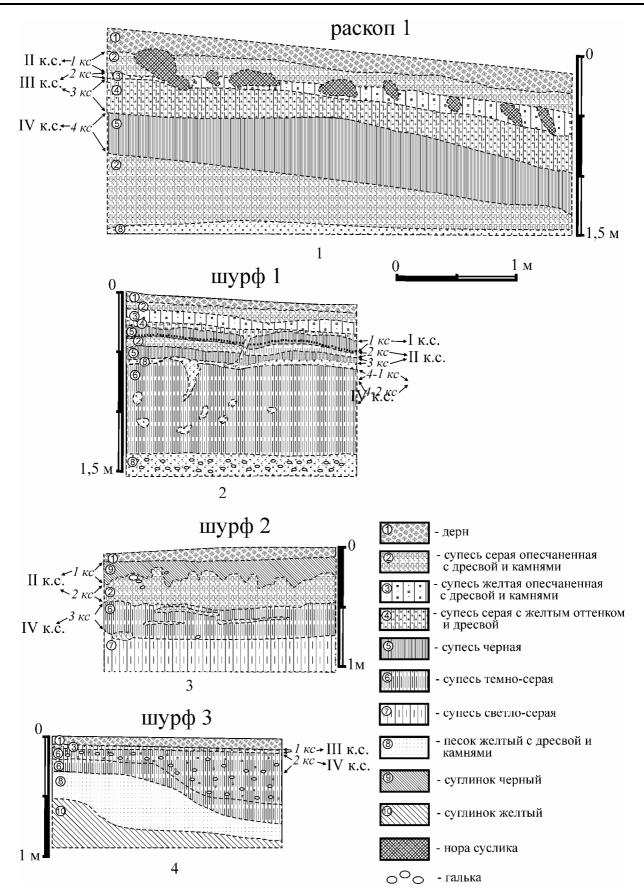

Рис. 3. Стоянка Балин I: стратиграфия отложений **Fig. 3. Site Balin I:** stratigraphy

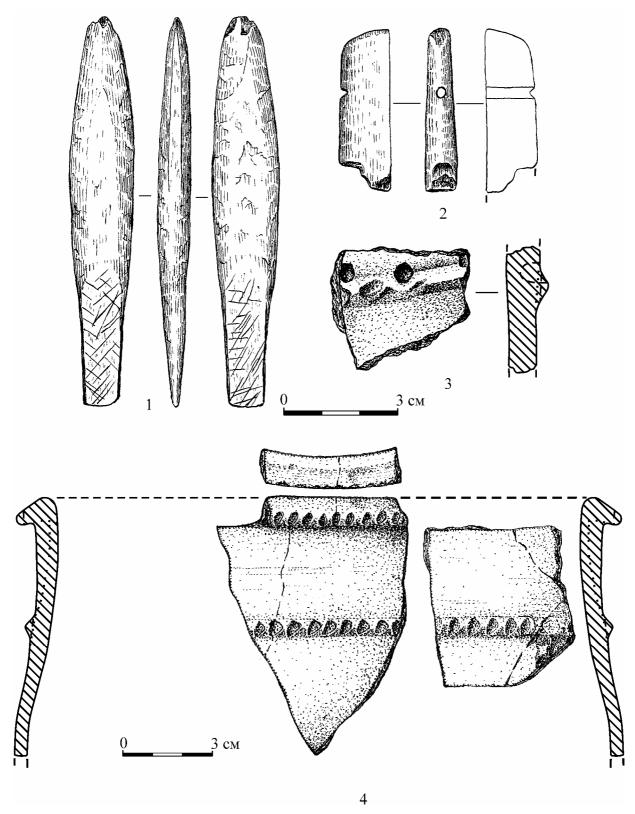

Рис. 4. Находки со стоянки Балин I: 1, 2 – кость; 3, 4 – керамика. 1–3 – подъемный материал; 4 – раскоп 1, 1-й κ . c.

Fig. 4. Findings from the site Balin I: 1, 2 – bone, 3, 4 – pottery. 1–3 – open air findings, 4 – excavation area 1, c.l. 1.

4а, залегающий в кровле черной гумусированой супеси (глубина от поверхности земли 42-51-50-58 см), и 4б, приуроченный к средней части слоя (на глубине 50-58-70-76 см).

1-й к. с. соотносится со слоем черной гумусированой супеси. Находки достаточно равномерно распространены по обоим квадратам шурфа. Фрагменты керамики в 1-м культуросодержащем слое отсутствуют. Весь материал представлен фаунистическими остатками (67 экземпляров, 20 из которых не диагностичны). Среди определимых остатков выделены следующие категории животных: собака, лисица, косуля, лошадь, корова/бык, коза/овца, оленьи крупного размера и парнокопытные среднего и крупного размеров.

Останки собаки представлены фрагментами верхней челюсти черепа с зубами от взрослой особи. По ним получена радиоуглеродная дата Ua-49342 возрастом 495±30 и показатели стабильных изотопов азота и углерода (δ^{15} N = 7.3, δ^{13} C = -18.5). Уровни азота низкие. В целом, показатели стабильных изотопов схожи с показателями рациона питания собаки наземными животными, поэтому корректирование даты для учета резервуарного эффекта не нужно (Ватерс и др., 2016). Калиброванный возраст по двум сигмам попадает в промежуток с 1400 по 1450 гг. н. э.

Среди костей лошади найдены фрагменты верхней челюсти, плечевых костей и фаланги минимум от одной особи возрастом старше 3,5 лет. Остатки семейства козы/овцы представлены дистальными частями лучевой и плечевой кости и фрагментами нижних челюстей минимум от двух особей возрастами 12–18 месяцев и старше 2,5 лет (Zeder, 2006). Элементы коровы/быка представлены зубами, проксимальной частью локтевой кости, метаподиями, фрагментом пяточной кости и фалангами минимум от двух особей возрастами до 2,5–3,5 лет и старше 2,5 лет (Silver, 1969).

Среди остальной фауны найдены дистальная часть большой берцовой кости ли-

сицы, фрагменты черепа косули от взрослой особи, дистальная часть большой берцовой кости представителя семейства оленьих крупного размера, фрагменты лопатки, позвонка, плечевой и бедренной костей крупного парнокопытного и фрагменты метаподий, коленной чашечки и позвонка от парнокопытного среднего размера.

2-й к. с. связан со слоем серой опесчаненной супеси. Находки – один фрагмент гладкостенной неорнаментированной керамики и фаунистические остатки (14 фрагментов). Остатки животных представлены фалангой и резцом коровы/быка, премоляром козы/овцы и недиагностичными фрагментами от млекопитающих.

3-й к. с. соотносится со слоем черной опесчаненной супеси. Здесь зафиксированы 2 фрагмента гладкостенной неорнаментированной керамики и 5 неопределимых костей млекопитающих.

4-й к. с. привязывается к слою черной гумусированной супеси и разделяется на 2 уровня. Материал 1-го уровня 4-го культуросодержащего слоя содержит в себе два фрагмента неорнаментированной керамики. Находки 2-го уровня представлены 7 фрагментами керамики без декора и фрагментом верхней части сосуда, орнаментированного двумя горизонтальными рядами прямоугольных вдавлений, украшающих верхнюю часть тулова. Расстояние между рядами 7 мм, высота вдавлений 8 мм, ширина 2 мм. Вдавления располагались вертикально на расстоянии 5-6 мм друг от друга. Сверху к тулову сосуда примыкает устье высотой 2,2 см. Его нижняя часть отогнута наружу, а верхняя имеет вертикальное положение. Венчик сосуда прямой с горизонтальным верхним краем шириной 8 мм. Снаружи он украшен косыми вдавлениями прямоугольного штампа, который использовался и для украшения тулова сосуда. Устье образовано с помощью ленточного налепа шириной 2,8 см, который крепился с внешней стороны к верхней части тулова сосуда. Ширина стыка между лентами глины, образующими устье и верхнюю часть тулова, составляет 1,8 см (рис. 5.8).

Фаунистические остатки из 4-го культуросодержащего слоя представлены 33 фрагментами. Среди них найдены фрагменты верхней челюсти, зубы и фаланга лошади минимум от одной особи возрастом старше 3,5 лет (Levine, 1982); зуб, проксимальная часть бедренной кости и фаланга коровы/быка минимум от одной особи возрастом до 3,5 лет; нижняя челюсть и дистальные части лучевых костей косули минимум от двух особей возрастами старше 16 месяцев (Tome, Vigne, 2003), а также зубы и дистальная часть большой берцовой кости козы/овцы минимум от одной особи возрастом до 18 месяцев. Остальная фауна представлена фрагментом нижней челюсти парнокопытного среднего размера, шейным позвонком парнокопытного и 18 недиагностичными фрагментами костей млекопитаюших.

Раскоп 1

Раскоп 1 был заложен в центральной части распадка и так же как шурф 1 прирезан к восточной стенке оврага. Глубина раскопа — 1,25 м (рис. 1).

Стратиграфия вскрытых отложений выглядит следующим образом (восточная стенка, сверху вниз) (рис. 3.1):

- 1) дерн -0.09-0.12 м;
- 2) серая супесь с дресвой и камнями размером до 3 см, плотная, опесчаненная 0,14–0,16 м;
- 3) желтая супесь с дресвой и камнями размером до 0,5 см, плотная, опесчаненная 0,08–0,16 м, в слое вскрыта нора суслика;
- 4) серая с желтым оттенком супесь с дресвой 0.07–0.12 м;
- 5) черная гумусированая супесь 0,20— 0,30 м;
- 6) серая супесь с дресвой и мелкой галькой размером до 2 см, опесчаненная (0,3 M).
- 7) желтый песок с дресвой и мелкими камнями размером до 2 см вскрыт на $0.1\ \mathrm{m}.$

Археологический материал отмечен во 2-м (1 к. с.), 3-м (2 к. с.), 4-м (3 к. с.) и 5-м (4 к. с.) геологических слоях.

1-й к. с. привязывается к слою серой плотной опесчаненной супеси, в котором присутствуют незначительные пятна прокала. Материал представлен фаунистическими остатками (217 фрагментов костей различной степени сохранности) и фрагментами керамической посуды – неорнаментированных и декорированных рассеченными налепными валиками в различных вариациях (24 фрагмента). Обнаружены остатки не менее трех сосудов. Наиболее полно удалось апплицировать верхнюю часть сосуда 1, состоящую из тулова и вертикального устья (рис. 4.4). Толщина стенок от 0,6 см (тулово) до 1,0 см (устье). Диаметр тулова сосуда 29,8 см, диаметр устья в основании 27 см, высота устья 4,6 см. Устье оканчивается венчиком грибовидной внешнеасимметричной формы. Ширина венчика 2 см, высота 1,6 см. Верхний край венчика закруглен, как и внешний борт, отстоящий на 1 см от стенки устья.

Верхняя часть сосуда состоит из двух накладывавшихся друг на друга горизонтальных лент толщиной 4-5 мм. Ширина верхней из них, образующей устье, 3,2-3,5 см. Она с наружной стороны наложена на нижнюю ленту. На её верхний край крепится овальный валик, образующий венчик. Сверху на венчике фиксируется оттиск пальца, с помощью которого он прижимался к стенкам сосуда. На внешней стороне ёмкости фиксируются горизонтальные полосы – следы заглаживания стенок. Сосуд изготовлен из хорошо отмученного теста с незначительной примесью песка. Цвет фрагментов - светло-коричневый с желтым оттенком.

Внешний борт венчика украшен поперечными овальными вдавлениями, расположенными на расстоянии 2—4 мм друг от друга. Размер вдавлений 5 х 6 мм. В 7,4 см от верхнего края венчика, в верхней части тулова сосуда располагается горизонтальный налепной валик, треугольный в сечении. Ширина валика 8 мм, толщина 3 мм.

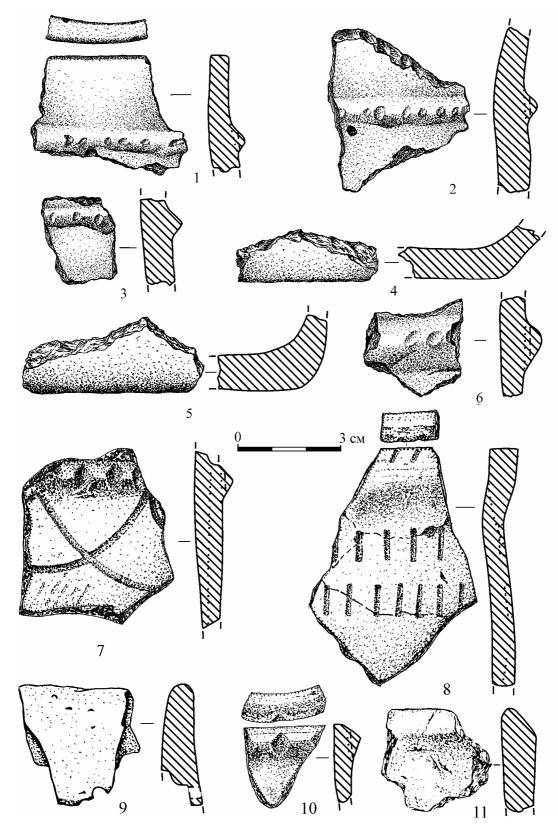

Рис. 5. Остатки керамических сосудов со стоянки Балин I: 1–4, 7 – раскоп 1, 1-й к. с.; 5, 6 – шурф 2, 1-й к. с.; 8 – шурф 1, 4-й к. с.; 9 – раскоп 1, 3-й к. с.; 10 – раскоп 1, 4-й к. с.; 11 – шурф 3, 1-й к. с. **Fig. 5. Remnants of the pottery vessels from the site Balin I:** 1–4, 7 – excavation area 1, 1st c. h.; 5, 6 – test-pit 2, 1st c. h.; 8 – test-pit 1, 4th c. h.; 9 – excavation area 1, 3rd c. h.; 10 – excavation area 1, 4th c. h.; 11 – test-pit 3, 1st c. h.

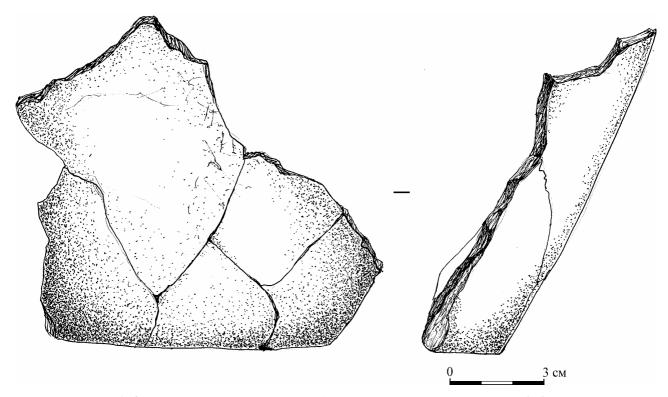
Он рассечен поперечными вдавлениями треугольного в сечении орнаментира. Вдавления приобрели ромбовидную форму размером от 4 х 8 мм до 7 х 8 мм. От горизонтального валика вниз отходит вертикальный валик шириной 6 мм. Длина сохранившейся части валика 1,1 см. Он, как и горизонтальный валик, рассечен поперечными треугольными в сечении вдавлениями

К сосуду 2 относятся 3 фрагмента (рис. 5.1, 2, 3) со слегка отогнутым наружу устьем. Высота устья 2,5 см. Толщина стенок сосуда: устье — 5–8 мм, тулово — 8—9 мм. Устье оканчивается прямым симметричным венчиком. В районе перехода тулова в устье сосуда (контрактура) располагается горизонтальный налепной валик, полукруглой формы в сечении. Валик рассечен овальными поперечными вдавлениями размером от 2 х 2 мм до 3 х 4 мм, расположенными на расстоянии 2—6 мм друг от друга. Ширина валика 7—10 мм, толщина 3 мм.

Сосуд 3 представлен одним фрагментом тулова (рис. 5.7). Толщина стенок 5—

6 мм. Верхняя часть тулова сосуда формировалась при помощи двух горизонтальных лент толщиной 5 мм. Верхняя лента с внутренней стороны сосуда накладывалась на нижнюю ленту. В верхней части тулова, в районе контрактуры, сосуд украшен горизонтальным налепным валиком треугольным в сечении. Ширина валика 1,4 см, толщина 0,5 см. Валик рассечен поперечными овальными вдавлениями размером 0,5 х 1,0 см, расположенными на расстоянии 0,3-0,5 см друг от друга. Ниже валика сосуд орнаментирован прочерченным дугообразным орнаментом. Дуги обращены изогнутой стороной вниз. Их высота 3 см, ширина около 8 см. Дуги прочерчивались слева направо, перекрывая друг друга. Их верхние концы соприкасались.

К 1-му культуросодержащему слою относятся и два фрагмента придонной части сосудов, которые сложно сопоставить с верхними частями емкостей, обнаруженных здесь же. Донышки плоские, толщиной 0,9–1,0 см. Угол стыковки дна и придонной части у одного из сосудов составляет 42° (рис. 5.4), у другого 28° (рис. 6). Стенки со-

Puc. 6. Остатки керамического сосуда со стоянки Балин I: раскоп 1, 1-й κ . c. **Fig. 6. Remnants of the pottery vessels from the site Balin I:** excavation area 1, 1st c.h.

суда стыкуются с дном под тупым углом.

Весь комплекс находок достаточно равномерно распространяется по всему раскопу, за исключением квадрата 3-A.

Фаунистические материалы представлены верхней челюстью и зубом козы/овцы от особи старше 18 месяцев и 15 костями лошади минимум от двух особей (до 2,5 лет и старше 3,5 лет). Они состоят из следующих элементов: нижние челюсти, зубы, 1-й шейный позвонок, дистальная часть плечевой кости, метаподия, и фаланги. В слое также найдены дистальная часть лучевой кости от семейства полорогих, зуб косули, премоляр семейства волчьих, фрагмент метаподии парнокопытного крупного размера, астрагал парнокопытного среднего размера и 195 недиагностичных обломков костей млекопитающих, восемь из которых со следами жжения.

2-й к. с. соотносится со слоем плотной опесчаненной супеси желтого цвета. Среди находок фрагменты гладкостенной керамической посуды (7 фрагментов) и кости животных (204 фрагмента). Находки полностью отсутствуют в квадрате 4-Б. В квадрате 3-А у западной стенки зафиксированы кости и зубы лошади.

Большинство определимых фаунистических остатков представлены костями и зубами лошади минимум от одной особи старше 3,5 лет, многие из которых были найдены в скоплении. Среди элементов определены нижние челюсти, зубы, плечевая, лучевая, большие берцовые кости, кости запястья и пясти, а также метаподии и фаланги. В слое также найдены зуб и дистальная часть плечевой кости семейства полорогих, зуб козы/овцы, зуб и часть черепа самца косули от черепа с недавно потерянными рогами, фрагменты астрагала, лопатки и лучевой кости (со следами погрыза хищниками) от парнокопытного среднего размера, и 175 недиагностичных костей млекопитающих, в основном от животного крупного размеров.

3-й к. с. связан со слоем серой с желтым оттенком супеси. Зафиксированный материал представляет собой фаунистиче-

ские остатки (6 фрагментов), куски шлака и керамическую посуду (4 фрагмента), в том числе фрагмент верхней части сосуда. Его устье высотой 2,7 см и толщиной 1 см располагается вертикально. Венчик овальной симметричной формы (рис. 5.9). В районе контрактуры, в 3 см от верхнего края располагаются сквозные отверстия диаметром 5 мм. Находки равномерно распределяются по всей площади раскопа. Среди фауны найдены зуб и фаланга лошади, фрагмент плечевой кости семейства полорогих, обломок лопатки от парнокопытного среднего размера, и недиагностичные фрагменты млекопитающих.

4-й к. с. соотносится со слоем черной супеси. Здесь зафиксированы два фрагмента керамики (в квадратах 2 и 3-Б соответственно), в том числе фрагмент верхней части гладкостенного сосуда. Толщина стенок 5 мм. Венчик заостренный кверху с треугольным в сечении налепом с внешней стороны. Высота венчика 1,3 см, толщина 0,8 мм. Уступ между вершиной венчика и налепом отсутствует. С внешней стороны налеп рассечен вертикальными вдавлениями треугольного в сечении орнаментира. Размеры вдавлений 7 х 7 мм, расстояние между ними 4 мм (рис. 5.10).

Шурф 2

Шурф 2 (2 х 2 м, глубиной 0,9 м), заложен в северо-восточной части распадка, в 14 м к северо-востоку от раскопа 1 (рис. 1). В районе шурфа отмечена следующая стратиграфическая ситуация (восточная стенка, сверху вниз) (рис. 3.3):

- 1) дерн -0.06-0.10 м;
- 2) черный жирный суглинок с окатанной галькой, диаметром 3-5 см и неровной нижней границей -0.15-0.3 м;
- 3) серая плотная супесь с дресвой и галькой, диаметром до 1,5 см -0,15 -0,32 м;
- 4) темно-серая легкая супесь с прослойками серой супеси 0.24–0.28 см;
- 5) свето-серая легкая супесь вскрыта на 0,3 м;

Археологический материал зафиксирован во 2-м (1 к. с.), 3-м (2 к. с.) и 4-м (3 к.с.) геологических слоях.

1-й к. с. соотносится со слоем жирного суглинка черного цвета. Археологический материал достаточно равномерно распределяется по вскрытой площади. Находки представлены фрагментами керамических сосудов (3 фрагмента). Среди них - фрагмент керамики от плоского дна толщиной 1 см. Угол стыковки дна и придонной части составляет 20° (рис. 5.5). Место перехода стенок в дно имеет закругление, как с наружной, так и с внутренней стороны. Другой фрагмент керамики орнаментирован налепным горизонтальным валиком полуокруглой в разрезе формы (рис. 5.6). Ширина валика 1,4 см, толщина 0,5 см. На валик нанесены овальные наклонные вдавления размером 4 х 6 мм, расположенные на расстоянии 3-8 мм друг от друга.

Среди фауны (19 фрагментов) найдены шесть костей и зубов лошади (зубы, кости запястья, пясти и фаланги), три от коровы/быка (моляр, фрагмент нижней челюсти и плюсневая кость) и дистальная часть лучевой кости косули. Остальные обломки костей – от копытных крупного размера.

2-й к. с. связан со слоем серой плотной супеси. Обнаруженный материал представлен фрагментом гладкостенной неорнаментированной керамики из сильно отощенного теста. Большая часть находок фиксируется в северо-западном квадрате шурфа. Среди фаунистического материала (общим количеством 27 фрагментов) найдены четыре кости от лошади (пястная, коленная чашечка, челночная и сезамовидная), пять остатков от коровы/быка (премоляр, нижняя челюсть, метаподия и фаланги), три от козы/овцы (зубы и нижняя челюсть) и 15 от копытных крупных размеров.

3-й к. с. приурочен к слою легкой супеси темно-серого цвета. Единственная находка — кость животного, зафиксирована у западной стенки шурфа.

Шурф 3

Шурф 3 (2 х 1 м, глубиной 0,9 м) заложен в южной части распадка, в 30 м к югу от шурфа 1 (рис. 1). В районе шурфа отмечена следующая стратиграфическая ситуация (восточная стенка, сверху вниз) (рис. 3.4):

- 1) дерн -0.06-0.1 м;
- 2) серо-желтая легкая супесь с дресвой и нечеткой нижней границей 0,02–0,04 м;
- 3) темно-серая плотная супесь с дресвой и окатанной галькой диаметром до 5 см -0.06–0.5 м;
- 4) темно-серая плотная супесь -0.10-0.17 м;
- 5) желтый крупно-зернистый песок с рыхлой конкрецией в основании -0.15-0.46 м;
- 6) желтый суглинок с окатанной галькой вскрыт на $0.34 \, \text{м}$.
- 1-й к. с. соотносится со слоем серожелтой легкой супеси. Археологический материал представлен 4 фрагментами неорнаментированных керамических ёмкостей, среди которых имеется и верхняя часть сосуда. Её венчик приостренной внешнеасимметричной формы, имеет наружный скос (рис. 5.11). Высота венчика 1 см, толщина 1 см. Среди 10 фрагментов костей и зубов животных найдены кость запястья от коровы/быка, фаланга козы/овцы и четыре от косули (моляр, верхняя челюсть, плюсневые кости). Остальные представлены фрагментами копытных крупного (3 экз.) и среднего (1 экз.) размеров.
- **2-й к. с.** размещается в слое темносерой плотной супеси. Находки представлены пятью фрагментами костей животных, включая премоляр и фрагмент верхней челюсти от козы/овцы и три обломка от копытных крупного размеров.

Шурф 4

Шурф 4 (2 х 1 м, глубиной 0,8 м) заложен в 56 м к югу от шурфа 3, у левого борта пади Балин (рис. 1). В районе шурфа отмечена следующая стратиграфическая ситуация (восточная стенка, сверху вниз):

1) дерн -0.11-0.15 м;

- 2) серая легкая супесь с включениями дресвы и гумуса 0,05–0,1 м;
- 3) темно-серая супесь с включениями дресвы и нечеткой нижней границей -0.2-0.3 м;
 - 4) темно-желтый суглинок -0.3-0.35 м;
- 5) плотная серая супесь с дресвой вскрыта на 0.25 м.

Археологический материал в шурфе 4 зафиксирован не был.

Натурные и земляные работы, проведенные на стоянке Балин I, позволили определить территорию памятника. Он занимает нижнюю и среднюю часть безымянного распадка, примыкающего к пади Балин. В самой пади археологический материал обнаружен не был. Стоянка протянулась вдоль распадка на 150 м. В юго-западной части её ширина составляет 50 м, в северовосточной части — 30 м.

Корреляция материалов

В процессе раскопок выяснилось, что на стоянке Балин I археологический материал залегает в различных геологических слоях, корреляцию которых не всегда можно провести. Большая часть находок, обнаруженных в них, не обладает ярко выраженными диагностическими признаками, которые можно учитывать при сопоставлении артефактов друг с другом. Все это создает сложности при интерпретации материала, полученного во время раскопок стоянки.

В трёх земляных выработках (шурфы 2 и 3, раскоп 1), заложенных на стоянке, первый культуросодержащий слой приурочен к слою поддерновой супеси. Исключение составляет шурф 1, в котором он перекрывается слоями супесей серого, желтого и серо-желтого цветов. Археологический материал в шурфе 1 фиксируется только на глубине 30 см от поверхности земли, в слое черной супеси с угольками. Находки представлены лишь костями животных. Самый распространенный и диагностичный материал на стоянке — остатки керамических сосудов, в слое отсутствует. По челюсти собаки, обнаруженной в 1 культуросодер-

жащем слое, получена радиоуглеродная дата — 495±30 л. н. (Ua-49342). С учетом калибровки¹ её возраст соотносится с 1402—1449 гг. н. э. (Two Sigma), то есть с первой половиной XV в. Вероятно, археологические материалы из верхнего культуросодержащего слоя шурфа 1 можно рассматривать как наиболее поздние для Балин 1 и соотнести их с I культуросодержащим слоем стоянки. В это время в Кудинской долине уже не производилась керамическая посуда. Она была полностью вытеснена металлическими и деревянными емкостями.

В состав следующей группы археологических находок включены материалы из 2-го и 3-го к. с. шурфа 1, 1-го к. с. раскопа 1, 1-го и 2-го к. с. шурфа 2. Они объединены во II культурный слой стояки. Во всех трех земляных выемах находки располагались в слое серой опесчаненной супеси с дресвой и камнями, что свидетельствует о близости их возраста. Ко II культуросодержащему слою стоянки отнесены и находки из поддернового слоя черного суглинка шурфа 2. Нижняя граница слоя четко не фиксируется, проникая небольшими клиньями в нижележащий слой серой супеси. Вероятно, взаимопроникновение слоев способствовало перемещению материала из третьего геологического слоя шурфа в основание второго. Об общности материала из слоя черного суглинка шурфа 2 с находками из слоя серой супеси свидетельствует схожесть керамической посуды. Обнаруженный в 1 к. с. шурфа 2 фрагмент керамики имеет такую же структуру теста и орнаментацию, как и фрагменты из первого слоя раскопа 1 (рис. 5.1, 2, 3, 6). В единый культуросодержащий слой стоянки вместе со слоем серой супеси шурфа 1 объединен нижележащий слой супеси черного цвета. Его подстилает желтый слой песка с камнями, в котором залегают материалы, отнесенные к III культуросодержащему слою стоянки.

Calibration was made according to the program Calib Rev 7.0.2 (Stuiver, Reimer, 1993).

¹ Калибровка выполнялась по программе Calib Rev 7.0.2 (Stuiver, Reimer, 1993).

Предметы из 2-го и 3-го к. с. раскопа 1, залегавшие в желтой опесчаненной супеси с дресвой и с камнями, а также в серожелтой супеси с дресвой, и 1-го к. с. шурфа 3 из желтой опесчаненной супеси с дресвой и камнями объединены в III культуросодержащий слой стоянки.

К IV культуросодержащему слою стоянки отнесены материалы 4-го к. с. раскопа 1, 4-го к. с. шурфа 1, 3-го к. с. шурфа 2 и 2-го к. с. шурфа 3. Находки этого слоя залегают в верхней части темно-серой супеси, которая снизу подстилается слоем желтого песка (в шурфе 2 светло-серой супесью).

Керамические сосуды

Все керамические сосуды, остатки которых обнаружены на стоянке Балин I, изготовлены без применения гончарного круга, гладкостенные, лишенные технического декора. Подавляющая часть из них орнаментирована горизонтальными налепными рассеченными валиками, поперечными вдавленниями. Аналогичная керамика является частой находкой на археологических объектах Предбайкалья, но её бытование имеет различный хронологический диапазон. В Приольхонье (западное побережье озера Байкал) гладкостенная керамика, украшенная налепными рассеченными валиками, получает распространение на елгинском этапе – в III в. до н. э. – IV в. н. э. (Xaринский, 2005; 2014). Со второй половины I тыс. н. э. традиции украшать керамические сосуды налепными валиками у населения Приольхонья не встречаются.

В Кудинской долине к числу наиболее ранних гладкостенных керамических емкостей, украшенных налепными валиками, относятся сосуды со стоянки Манхай IV. Они зафиксированы в 1-м и 2-м культурных слоях памятника. Причем во втором слое стоянки обнаружены остатки сосуда сосновоостровского типа. Его устье украшено вертикальными рядами дугообразных вдавлений. В одном ряду находятся 5 вдавлений, обращенных выгнутой частью вверх. Расстояние между рядами 1,0–1,4 см. В районе контрактуры располагается гори-

зонтальный налепной валик шириной 9 мм. Он рассечен наклонными вдавлениями. От валика вниз отходит прочерченный криволинейный зигзагообразный закрытый орнамент. Образующие его элементы располагаются горизонтально, примыкая друг к другу острыми углами. Внутри зигзагообразных фигур находятся треугольные вдавления. По костям животных, обнаруженных во 2 слое Манхая IV, получена радиоуглеродная дата 2165±150 л. н. (COAH 3585) (Харинский, 2005), соответствующая с учетом калибровки (One Sigma) 391-42 гг. до н. э. Доверительный интервал даты составляет 150 лет, поэтому учитывая общие тенденции, связанные с распространением керамики сосновоостровского типа в Прибайкалье, возраст слоя можно ограничить III-I вв. до н. э.

Помимо подъемных сборов, сосуды, орнаментированные налепными валиками, обнаружены во время раскопок еще на двух археологических объектах Кудинской долины – городище Манхай I и стоянке Уту-Елга. Материалы с первого из них частично опубликованы И.В. Асеевым (Асеев, 1980. Табл. 29-33). На вопросах датировки материалов с городища автор подробно не останавливался, поэтому однозначно судить об их возрасте не представляется возможным, тем более что Манхай I имел несколько периодов существования (Харинский, 1990). Материалы со стояки Уту-Елга так же были опубликованы лишь частично (Петри, 1923). Ознакомиться с керамикой с этого археологического объекта можно благодаря сохранившимся коллекциям (Харинский, 2001. Рис. 7-15). Судя по ним, находки, обнаруженные Б.Э. Петри, неоднородны и относятся к разным временным периодам (Дашибалов, 2006).

Однако, несмотря на все разнообразие сосудов с налепными рассеченными валиками, известными к настоящему времени в Кудинской долине, среди них практически не встречаются емкости, имеющие сильно отогнутый наружу венчик грибовидной внешнеасимметричной формы в виде карниза, как у сосуда из раскопа 1 (рис. 4.4).

Керамические емкости, украшенные подобными венчиками, известны на территории Предбайкалья лишь в захоронениях первой половины II тыс. К их числу можно отнести сосуд, обнаруженный в погребении № 6, могильника Сэгенут на левом берегу р. Лены (Окладников, 1958). Он состоит из тулова и устья, заканчивающегося приостренным вертикальным венчиком. С наружной стороны к венчику крепится горизонтальный налеп, треугольный в сечении. Толщина налепа в два раза превышает его ширину в основании, что делает его похожим на карниз (козырек). Сосуд не орнаментирован. У него круглое дно и выпуклые стенки (рис. 7.1). В погребении № 1 Сэгенутского могильника обнаружены остатки еще одного сосуда. Он аналогичен вышеописанному, отличие состоит лишь в том, что венчик не имеет столь ярко выраженного выступа. А.П. Окладников датирует Сэгенутский могильник XI-XII вв. (Окладников, 1958). В.С. Николаев определяет его возраст XII – первой половине XIII вв. и относит к усть-талькинской археологической культуре (Николаев, 2004).

Еще два сосуда, имеющие подобные пропорции, обнаружены Б.Б. Дашибаловым в 1985 г. во время раскопок могильника Хапсагай на левом берегу р. Куды (Дашибалов, 2005. С. 235). Сосуд из погребения № 1 имел выпуклые бока и небольшое плоское донышко. Венчик слегка отогнут и по краю украшен насечками (рис. 7.2). В целом, горшок можно охарактеризовать как переходный тип от круглодонных к плоскодонным сосудам. В погребении № 2 обнаружены фрагменты круглодонного сосуда с выпуклыми боками и отогнутым декорированным венчиком. В верхней части тулова сосуда, на 4,3 см ниже его верхнего края, располагается налепной валик, рассеченный поперечными вдавлениями. Поверхность сосуда между валиком и венчиком покрыта косым сетчатым орнаментом, образованным пересекающимися друг с другом прочерченными линиями (рис. 7.3). По обоим захоронениям могильника Хабсагай получены радиоуглеродные даты: погребение $1-800\pm40$ (ГИН 4826), погребение $2-700\pm50$ (ГИН 4827). С учетом калибровки возраст первого погребения по Тwo Sigma соотносится с 1166-1277 гг., то есть со второй половиной XII–XIII в., второго погребения с 1223-1394 гг., или с XIII–XIV вв.

Фрагмент керамического сосуда с отогнутым наружу венчиком обнаружен и во время раскопок погребения № 1 могильника Урлэхэ-Хушун II на левом берегу р. Кукунут (правый приток р. Куды). (Авраменко, Харинский, 1995. С. 108). Керамика не орнаментирована. Венчик толщиной 7 мм круго отогнут наружу. Он образует горизонтальный бордюр, закругляющийся на конце (рис. 7.4). По человеческим костям из погребения № 1 получена радиоуглеродная дата - 550±50 (COAH-3343) (Орлова, Сулержицкий, Харинский, 1996. С. 149). С учетом калибровки она соотносится с 1299-1441 гг. (Two Sigma), то есть с XIV-XV вв. В настоящее время сосуд, обнаруженный на могильнике Урлэхэ-Хушун II, является самым поздним керамическим изделием Кудинской долины до её вхождения в состав Русского государства. Вновь керамическая посуда в Предбайкалье распространяется лишь в XVII в. вместе с появившимся здесь русским населением.

Сосуды из Сэгенутского могильника, Хабсагая и Урлэхэ-Хушун II близки по морфологическим особенностям. Они круглодонны или имеют небольшое уплощенное дно. Тулово имеет форму вертикально расположенного овала. Венчик отогнут наружу и в некоторых случаях преобразован в горизонтальный бордюр. Сосуд из Сэгенутского могильника состоит из двух конструктивных элементов - слабо выраженного устья и тулова. У остальных емкостей устье отсутствует. Только у сосудов из Хабсагая имеется орнаментация. У емкости из погребения № 1 венчик рассечен наклонными вдавлениями. Сосуд из погребения № 2 украшен горизонтальным налепным валиком, рассеченным поперечными вдавлениями. Венчик украшен вертикальными насечками, а пространство меж-

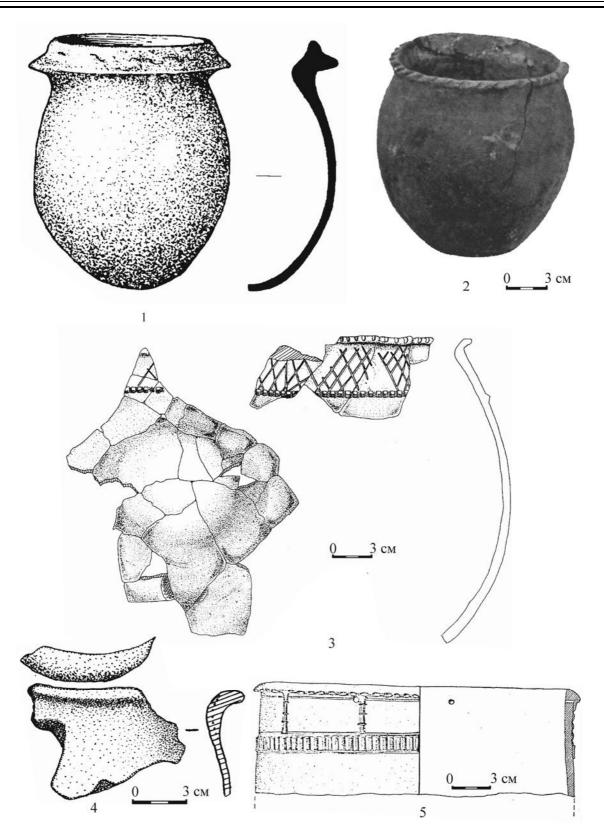

Рис. 7. Керамические сосуды с территории Предбайкалья: 1 — Сэгенутский могильник, погребение № 6 (Окладников, 1958); 2 — Хапсагай, погребение № 1; 3 — Хапсагай, погребение № 2 (Дашибалов, 2005); 4 — Урлэхэ-Хушун II, погребение № 1; 5 — Харанса I, комплекс № 10 **Fig. 7. Pottery vessels from Cisbaikalia Region:** 1 — necropolis Segenut, grave No. 6 (Okladnikov, 1958); 2 — Khapsagai, grave No. 1; 3 — Khapsagai, grave No. 2 (Dashibalov, 2005); 4 — Urlekhe-Khushun II, grave No. 1; 5 — Kharansa I, complex No. 10

ду венчиком и валиком орнаментировано косой прочерченной сеткой. Все сосуды обнаружены в захоронениях, имеющих сходный погребальный ритуал и датирующихся в пределах XII-XV вв. Культурная и хронологическая общность керамических сосудов, обнаруженных в погребениях, исследованных в Кудинской долине и на Верхней Лене, позволяет объединить их в единый керамический тип, который предлагается назвать сэгенутским. Керамика с формальными признаками похожими встречается и в соседних с Кудинской долиной районах - на западном побережье Байкала и в южной части долины Ангары.

В Приольхонье остатки сосуда, украшенного венчиком-карнизом, обнаружены в кладке комплекса № 10 могильника Харанса I (Свинин, Зайцев, 1992. С. 86). Следов захоронения под кладкой не обнаружено. Венчик сосуда, оформленный в виде грибовидного карниза шириной 10 мм и толщиной 6 мм, с внешней стороны орнаментирован насечками. В 4,3 см от верхнего края сосуда, в верхней части тулова располагается налепной горизонтальный валик, четырёхугольный в сечении. Он рассечен вертикальными вдавлениями треугольного в сечении орнаментира. От нижнего края венчика к налепному горизонтальному валику отходят тонкие рубчатые вертикальные валики. Под венчиком располагается серия круглых вдавлений. Диаметр верхней части сосуда 26 см, толщина стенок 0.6 см.

К сожалению, находка остатков сосуда в каменной кладке, под которой не было захоронения, не позволяет напрямую связывать его с погребениями могильника. Можно лишь предполагать, что он являлся частью погребального или поминального обряда, имеющего отношение к основной части захоронений некрополя. Для памятника Харанса I были получены две абсолютных даты − 670±70 (ГИН-7571) (комплекс № 11) и 860±50 (ГИН-5501) (комплекс № 33) (Орлова, Сулержицкий, Харинский, 1996. С. 148). С учетом калибровки они соотносятся с 1224–1413 гг. и 1041–

1262 гг. (Тwo Sigma), что соответствует второй половине XI–XIV вв. Вероятно, с этим временным промежутком можно связывать и остатки сосуда с налепным валиком и грибовидным внешнеасимметричным венчиком из 1-го культуросодержащего слоя раскопа 1 (II к. с. стоянки Балин I).

В 1-м к. с. раскопа 1 (II к. с. стоянки) зафиксирован фрагмент тулова сосуда, орнаментированного горизонтальным налепным валиком и прочерченным дугообразным орнаментом (рис. 5.7). Хотя на территории Кудинской долины известны находки остатков керамической посуды с дугоообразным прочерченным орнаментом (Асеев, 1980. Табл. 29-1, 4, 5; табл. 30-3), однозначно определить время их существования в этом районе к настоящему времени проблематично. В Приольхонье памятники, на которых обнаружены фрагменты подобной керамики, датируются концом І – началом II тыс. н. э. (Зайцев, Свинин, Харинский, 1996. С. 71; Номоконова, 2005. С. 227; Харинский, 2001. Рис. 20, рис. 30-16). В бассейне Ангары памятники с керамикой, украшенной прочерченным дугообразным орнаментом относятся ко 2-й половине I тыс. н. э. – началу II. тыс. н. э. (Николаев, Кустов, 2007. С. 194). Предварительно этим периодом можно датировать и сосуды с подобной орнаментацией в долине реки Куды.

В III к. с. стоянки Балин I не обнаружено орнаментированных фрагментов керамики, что затрудняет их датировку. Поэтому при определении возраста материалов из этого слоя, будем учитывать возраст артефактов, обнаруженных в перекрывающих и подстилающих его культуросодержащих слоях.

Из 4-го к. с. шурфа 1 стоянки Балин I происходит фрагмент верхней части сосуда с рядами вдавлений прямоугольного штампа (рис. 5.8). Остатки сосуда с аналогичной орнаментацией были обнаружены в плиточной могиле № 2 памятника Хужир II, по которой имеется радиоуглеродная дата 2530±60 л. н. (ГИН-7638), соответствующая VIII – началу V в. до н. э. (Харинский, Зай-

цев, Свинин, 1995. С. 68, 76). Керамический сосуд с такой же орнаментаций найден и в плиточной могиле Хужир-Нугэ 3–9, которая датируется VII–III вв. до н. э. (Туркин, 2003. С. 23). Учитывая приольхонские параллели, IV к. с. стоянки Балин I можно датировать VII–III вв. до н. э. В материалах из плиточных могил и IV к. с. Балина I присутствуют кости домашних животных, разведение которых было основой хозяйственной деятельности как «плиточников», так и обитателей стоянки.

Фауна стоянки

Общее количество проанализирован-

ных остатков животных со стоянки Балин I составило 607 экземпляров (табл.), все от млекопитающих. Видовое определение ниже класса стало возможным по 34,5 % фаунистических остатков. Среди них выделены три вида (косуля, собака и лисица), два рода (лошади и быки), четыре семейства (оленьи, волчьи, козьи и полорогие), а также парнокопытные среднего и крупного размеров. Большинство костей и зубов животных принадлежит домашним животным, таким как лошадь, корова/бык, овца/коза и собака.

Наибольшее количество фауны найдено в 1-м культурном слое таблицы. Здесь

Видовое определение животных со стоянки Балин I

Таксон Тахоп	Название Name	Слой 1 Level 1 Кол-во ос	Слой 2 Level 2	Слой 3 Level 3 ин. кол-во	Слой 4 Level 4	Всего
		Number of residues / min number of individuals				Total
Artiodactyla – крупное Artiodactyla – large	Парнокопытные – крупное Artiodactyls – large	17/1	18/1		1/1	36
Artiodactyla – среднее Artiodactyla – middle	Парнокопытные – среднее Artiodactyls – middle	6/2	3/1	1/1	1/1	11
Bovidae	Семейство полорогие Family of Paroxylons	1/1	1/1			2
Bos sp.	Род настоящих быков The genus of real bulls	22/2	7/1	1/1	2/1	32
cf. Bos sp.	cf. Род настоящих быков The genus of real bulls		1/1		1/1	2
Cervidae – крупное Cervidae – large	Семейство оленьи Deer family	1/1				1
Capreolus pygargus	Косуля Roe	9/1	4/1		4/2	17
Caprinae	Семейство козьи Goat Family	7/1	5/1		3/1	15
c.f Equus	cf. Род лошади The genus of horse		1/1			1
Equus sp.	Род лошади The genus of horse	27/2	23/1	2/1	4/1	56
Canidae	Семейство волчьих Family of wolfs	1/1				1
Canis familiaris	Собака Dog	6/1				6
Vulpes vulpes	Лисица Fox	1/1				1
Mammalia – крупное Mammalia – large	Млекопитающие – крупное Mammals – large	13	10		6	29
Mammalia – неопр. Mammalia – unidentified	Млекопитающие – неопр. Mammals – unidentified	202	177	7	11	397
Всего по слоям Total		313	250	11	33	607

преобладают остатки лошади и рода быков минимум от двух особей. Также найдены кости косули, коз/овец, оленьих, парнокопытных, лисицы и собаки. Кости козы/овцы возрастом 12-18 месяцев могут косвенно указывать на забой этого животного в конце лета – до зимы, если использовать позднюю весну как месяц рождения этого животного. Определимые кости и зубы 2-го культурного слоя представлены в основном лошадью минимум от одной особи. Она представлена почти всеми элементами скелета, большинство из которых найдено в скоплении у восточной стенки раскопа 1. Также найдены остатки от рода быков, семейства коз/овец, косули и парнокопытных. Кости косули от черепа самца с недавно потерянными рогами могут указывать на возможную добычу этого животного в конце осени. Материалы фауны 3-го и 4-го слоя немногочисленны и, в целом, повторяют ситуацию по видовому составу животных. найденных в вышележащих слоях.

Большинство остатков животных, найденных на стоянке Балин I принадлежат взрослым особям. Возраст лошадей в основном старше 3,5 лет, за исключением особи из 1-го слоя — до 2,5 лет. Кости и зубы коровы/быка — в промежутках или до 2,5—3,5 лет или старше 2,5 лет. Остатки коз/овец от животных до или старше 18 месяцев, между 12—18 месяцами или старше 2,5 лет.

Заключение

Каждая земляная выработка, заложенная на стоянке Балин I, демонстрировала особую стратиграфическую ситуацию, однако наличие сходных по структуре и цветовой гамме слоев земли позволило провести корреляцию рыхлых отложений на всей территории археологического объекта. С учетом типологических особенностей артефактов, находки на Балине I были соотнесены с отдельными культуровмещающими слоями, которые соответствовали одному или двум слоям рыхлых отложений. На памятнике выделено 4 сводных культуросодержащих слоя, объединяющих археоло-

гические материалы из раскопа и трех шурфов. Коллекция артефактов преимущественно представлена фрагментами керамической посуды, орнаментация которой и послужила основным критерием при датировки разных групп находок.

Первый культуросодержащий слой стоянки, включающий материалы шурфа 1, не включал керамику. Вероятно, он представляет тот период в истории Кудинской долины, когда керамическая посуда уходит из обихода проживавших здесь людей. К настоящему времени самое позднее свидетельство использования керамики в Кудинской долине зафиксировано в погребении № 1 могильника Урлэхэ-Хушун II, датируемого XIV–XV вв.

По костям собаки, обнаруженным в I культуросодержащем слое стоянки, получена радиоуглеродная дата, соответствующая первой половиной XV в. Ниже располагался слой, содержавший фрагменты керамической посуды, напоминавшей по морфологическим и орнаментальным особенностям емкости из кудинских погребений XII—XV вв. С учетом этого фактора, возраст I культуросодержащего слоя Балина I был ограничен XV в.

При определении возраста второго культуросодержащего слоя стоянки учитывались три фактора: датировка вышележащего к. с.; время бытования в Кудинской долине керамических сосудов с налепными рассеченными валиками и отогнутым наружу венчиком; датировка на территории Прибайкалья керамики с прочерченным дугообразным орнаментом. Сосуды с налепными валиками в Кудинской долине встречаются с III в. до н. э. по XIV в. Керамика с прочерченным дугообразным орнаментом на территории соседнего с Кудинской долиной Приольхонья к настоящему времени датируется в пределах VIII-XIV вв. Сосуды с отогнутым наружу венчиком, порой образующим карниз, встречаются в Кудинской долине с XII по XV вв. Следовательно, наиболее приемлемым возрастом для II к. с. стоянки будут VII-XIV вв.

В *третьем культуросодержащем* слое стоянки отсутствуют хорошо диагностируемые находки, поэтому время его существования определяется возрастом выше- и нижележащих к. с., что позволяет отнести его ко **II** в. до н. э. – **VII** в. н. э.

Возраст четвертого культуросодержащего слоя стоянки определяется VII-**III вв. до н. э.** Это обусловлено находкой в слое фрагмента венчика сосуда с треугольным налепом с внешней стороны, рассеченного поперечными вдавлениями, и керамического сосуда, украшенного вдавлениями прямоугольного штампа. Подобная орнаментация встречается на сосудах из плиточных могил Приольхонья, датирующихся VII-III вв. до н. э. И хотя орнаментация сосудов вдавлениями прямоугольного штампа фиксируется на керамике и более раннего времени, но в археологических комплексах, включающих её, отсутствуют кости домашних животных. Их появление к западу от Байкала связано с распространением здесь носителей культуры плиточных могил, т. е. с поздним бронзовым – ранним железным веком (Харинский, 1995; 2005; Nomokonova et al, 2011).

Предложенная датировка культуросодержащих слоев стоянки Балин I носит предварительный характер и с появлением новых данных может быть подвергнута корректировки. Тем не менее уже сейчас можно утверждать, что с середины I тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э. на территории стоянки жили люди. Размеры распадка невелики, поэтому в нем не могло разместиться большое число поселенцев. Вероятно, здесь проживала одна семья. Наиболее удобным местом для размещения её жилища являлась площадка в средней части распадка, где был заложен раскоп 1. Как и у большинства представителей скотоводче-

Статья поступила 11.05.2017 г.

Библиографический список

Авраменко В.Н., Харинский А.В. Новые данные о средневековых захоронениях в бересте на западном побережье Байкала //

ских сообществ, жилище обитателей стоянки Балин I было наземным. Его нижняя часть не заглублялась в землю. В противном случае следы котлована, оставленного им, прослеживались бы на поверхности земли в виде западины.

Если учесть, что основой хозяйственной деятельности людей, живших в безымянном распадке, соединяющемся с падью Балин, было скотоводство, то встает вопрос, в какой части стоянки располагались загоны для скота. Сооружать их рядом с человеческим жильем не практично, да и места для этого в средней части пади недостаточно. Вероятней всего они занимали приустьевую часть распадка, более удобную для содержания и выпаса скота. Распадок невелик по размерам и хорошо укрыт от ветра. Скотоводы могли его использовать для зимнего поселения. С наступлением тепла жители Балина I перекочевывали в широкую Кудинскую долину с обширными пастбищными угодьями. О том, что стоянка Балин I являлась сезонной (осенневесенней), свидетельствуют и фаунистические находки. В 1-м к. с. раскопа обнаружены кости козы/овцы, забой которой производился в период с конца лета – по зиму. Во 2-м к. с. раскопа найдены кости черепа косули, у которой были сброшены рога, что указывает на добычу этого животного в конце осени. Преобладание в остеологической коллекции стоянки костей крупных домашних животных также подтверждает ее осенне-весенний характер. В летний период года скотоводы, как правило, забивали овец или коз. Большое количество мяса негде было хранить. Поэтому лишь с наступлением холодов начинался забой крупного скота - бычков и коней, останки которых преобладают на стоянке Балин I.

Article was received in May, 11, 2017

References

Avramenko V.N., Kharinskii A.V. Novye dannye o srednevekovykh zakhoroneniyakh v bereste na zapadnom poberezh'e Baikala Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. 2. С.143–144.

Асеев И.В. Прибайкалье в Средние века (по археологическим данным). Новосибирск: Наука, 1980. 152 с.

Ватерс-Рист А.Л., Лозей Р. Дж., Номоконова Т.Ю., Туркин Г.В., Горюнова О.И. Первые данные по анализам стабильных изотопов скотоводов позднего голоцена Прибайкалья и их радиоуглеродное датирование // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 90–109.

Дашибалов Б.Б. Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б.Э. Петри // Этнокультурные процессы в южной Сибири и Центральной азии в I–II тыс. н. э. Кемерово, 1994. С. 190–207.

Дашибалов Б.Б. Средневековые захоронения саянтуйской культуры на р. Куде // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 230–236.

Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Шатровые сооружения западного берега залива Куркут (озеро Байкал) // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: сб. науч. тр. Иркутск: ИГУ, 1996. С. 67–71.

[New data on medieval burials in birch bark on the western coast of Lake Baikal]. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archeology, paleoecology and ethnology of Siberia and the Far East]. Irkutsk, 1996. Part 2. Pp. 143–144.

Aseev I.V. *Pribaikal'e v Srednie veka (po arkheologicheskim dannym*) [The Baikal region in the Middle Ages (according to archaeological data)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 152 p.

Waters-Rist A.L., Lozei R. Dzh., Nomokonova T.Yu., Turkin G.V., Goryunova O.I. Pervye dannye po analizam stabil'nykh izotopov skotovodov pozdnego golotsena Pribaikal'ya i ikh radiouglerodnoe datirovanie [The first data on the analysis of stable isotopes of the late Holocene pastoralists and their radiocarbon dating]. Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya. 2016. Vol. 18. Pp. 90–109. (In Russian)

Dashibalov B.B. *Nakhodki kul'tury «kurumchinskikh kuznetsov» iz raskopok B.E. Petri* [Findings of the culture of "Kurumchinsky blacksmiths" from the excavations of B.E. Petri]. *Etnokul'turnye protsessy v yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi azii v I–II tys. n. e.* [Ethnocultural processes in southern Siberia and Central Asia in the I–II millennia AC] Kemerovo, 1994. Pp.190–207. (In Russian)

Dashibalov B.B. *Srednevekovye zak-horoneniya sayantuiskoi kul'tury na r. Kude* [Medieval burials of Sayantui culture on the River Kuda]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. 2005. Iss. 3. Pp. 230–236. (In Russian)

Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinskii A.V. Shatrovye sooruzheniya zapadnogo berega zaliva Kurkut (ozero Baikal) [Tent structures of the western shore of the Curkut Bay (Lake Baikal)]. Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie: sb. nauch. tr. [Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use: collection of the scientific articles]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 1996. Pp. 67–71.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII—XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток, Иркутск. 2004. 306 с.

Николаев В.С., Кустов М.С. Средневековые археологические комплексы в местности Хабсагай (по материалам Ангарской экспедиции АН СССР 1957 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. С. 183–195.

Номоконова Т.Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 221–229.

Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 200–213.

Орлова Л.А., Сулержицкий Л.Д., Харинский А.В. Радиоуглеродное датирование и некоторые аспекты истории населения западного побережья озера Байкал в XI–XVI вв. // Археология, палеоэкология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXXVI Региональной археологической студенческой конференции. Иркутск: ИГУ, 1996. Ч. II. С. 147–150.

Nikolaev V.S. *Pogrebal'nye kompleksy kochevnikov yuga Srednei Sibiri v XII–XIV vekakh: ust'-tal'kinskaya kul'tura* [Funeral complexes of nomads in the south of Central Siberia in the 12th–14th centuries: Ust-Tal'kin culture]. Vladivostok, Irkutsk. 2004. 306 p.

Nikolaev V.S., Kustov M.S. Srednevekovye arkheologicheskie kompleksy v mestnosti Khabsagai (po materialam Angarskoi ekspeditsii AN SSSR 1957 g.) [Medieval archaeological complexes in the Khabsagai area (based on the materials of the Angarsk expedition of the USSR Academy of Sciences in 1957)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2007. Iss. 5. Pp. 183–195. (In Russian)

Nomokonova T.Yu. Ornamentatsiya srednevekovykh sosudov Priol'khon'ya (oz. Baikal) [Ornamentation of the medieval vessels of Priolkhonye (Lake Baikal)]. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient tehnologies]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2005. Iss. 3. Pp. 221–229. (In Russian)

Okladnikov A.P. Arkheologicheskie dannye o poyavlenii pervykh mongolov v Pribaikal'e [Archaeological data on the appearance of the first Mongols in the Baikal region]. Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov [Philology and History of the Mongolian Peoples]. Moscow, 1958. Pp. 200–213.

Orlova L.A., Sulerzhitskii L.D., Kharinskii A.V. *Radiouglerodnoe datirovanie i nekotorye aspekty istorii naseleniya zapadnogo poberezh'ya ozera Baikal v XI–XVI vv.* [Radiocarbon dating and some aspects of the history of the population of the western coast of Lake Baikal in the 11th–16th centuries.]. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tez. dokl. k XXXVI RASK* [Archeology, paleoecology and ethnography of Siberia and the Far East. XXXVI Regional Archaeological Student Conference]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 1996. Part II. Pp. 147–150. (In Russian)

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. К вопросу о доисторическом прошлом якутов // Известия Института народного образования. Чита, 1923. № 1. С. 21–39.

Свинин В.В., Зайцев М.А. Памятники курумчинской культуры Приольхонья. Иркутск, 1992. 156 с.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в конце II—I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов) : автореф. дис.... канд. ист. наук. Иркутск, 2003.24 с.

Харинский А.В. Городище Манхай (особенности конструкции) // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990. С. 155–156.

Харинский А.В. О появлении скотоводства в Предбайкалье // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1995. Ч. 2. С. 95–98.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 238 с.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198-215.

Харинский А.В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 20–44.

Petri B.E. *Doistoricheskie kuznetsy v Pribaikal'e. K voprosu o doistoricheskom proshlom yakutov* [Prehistoric blacksmiths in the Baikal region. On the question of the prehistoric past of the Yakuts]. *Izvestiya Instituta narodnogo obrazovaniya* [Reports of the Institute of Public Education]. Chita, 1923. No. 1. Pp. 21–39. (In Russian)

Svinin V.V., Zaitsev M.A. *Pamyatniki kurumchinskoi kul'tury Priol'khon'ya* [Sites of Kurumchyn culture of Priolkhonye]. Irkutsk, 1992. 156 p.

Turkin G.V. Lesostepnoe Predbaikal'e v kontse II–I tys. do n. e. (po materialam pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov): avtoref. dis.... kand. ist. Nauk [Forest-steppe Cisbaikalia at the end of the II–I millennium BC. E. (Based on the materials of funerary-memorial complexes): thesis of the dissertation for the PhD degree]. Irkutsk, 2003. 24 p.

Kharinskii A.V. Gorodishche Mankhai (osobennosti konstruktsii) [Hillfort Manhay (design features)]. Paleoetnologiya Sibiri [Paleoethnology of Siberia]. Irkutsk, 1990. Pp. 155–156. (In Russian)

Kharinskii A.V. *O poyavlenii skotovodstva v Predbaikal'e* [On the appearance of cattle breeding in the Baikal region]. *Tret'i istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Third historical reading of the memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk, 1995. Part 2. Pp. 95–98. (In Russian)

Kharinskii A.V. *Priol'khon'e v srednie veka: pogrebal'nye kompleksy* [Cis-Olkhon Area in the Middle Ages: funerary complexes]. Irkutski Irkutskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2001. 238 p.

Kharinskii A.V. *Zapadnoe poberezh'e ozera Baikal v I tys. do n. e. – I tys. n. e.* [The western coast of Lake Baikal in the I millennium BC. – I millennium AC]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. 2005. Iss. 3. Pp. 198–215. (In Russian)

Kharinskii A.V. *Elginskie zakhoroneniya Pribaikal'ya* [Elginsky burials of the Baikal region]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of an-

Levine, M.A. 1982. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In Ageing and Sexing Animal Bone from Archaeological Sites, eds. B. Wilson, C. Grigson, and S. Payne, BAR British Series 109, Oxford. P. 223–250.

Nomokonova T., Losey R., Weber A., Goriunova O. and Novikov A. Late Holocene Subsistence Practices Among Cis-Baikal Pastoralists, Siberia: Zooarchaeological Insights from Sagan-Zaba II // Asian Perspectives, Vol. 49, No.1. 2011 by the University of Hawai'i Pres. P. 157–179.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology. – London: Thames & Hudson, 1969. P. 283–302.

Tomé, C. and J-D. Vigne. 2003. Roe deer (Capreolus capreolus) age at death estimates: New methods and modern reference data for tooth eruption and wear, and for epiphyseal fusion. Archaeofauna 12. P. 157–173.

Zeder M.A. Recinciling rates of long bone fusion and tooth eruption and wear in sheep (Ovis) and goat (Capra) // Recent advances in ageing and sexing animal bones, ed. D. Ruscillo. – Oxford: Proceedings of the 9th ICAZ Conference, 2006. P. 87–118.

Сведения об авторах

Иванов Григорий Леонидович -

заведующий сектором научно-фондового отдела ИОКМ,

Иркутский областной краеведческий музей, Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 13,

e-mail: ivanov85@mail.ru

Харинский Артур Викторович -

доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,

e-mail: kharinsky@mail.ru

cient technologies]. 2014. No. 3 (12). Pp. 20–44. (In Russian)

Levine, M.A. 1982. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In Ageing and Sexing Animal Bone from Archaeological Sites, eds. B. Wilson, C. Grigson, and S. Payne, BAR British Series 109, Oxford. P. 223–250.

Nomokonova T, Losey R, Weber A., Goriunova O. and Novikov A. Late Holocene Subsistence Practices Among Cis-Baikal Pastoralists, Siberia: Zooarchaeological Insights from Sagan-Zaba II // Asian Perspectives, Vol. 49, No.1. 2011 by the University of Hawai'i Pres. P. 157–179.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology. – London: Thames & Hudson, 1969. P. 283–302.

Tomé, C. and J-D. Vigne. 2003. Roe deer (Capreolus capreolus) age at death estimates: New methods and modern reference data for tooth eruption and wear, and for epiphyseal fusion. Archaeofauna 12. P. 157–173.

Zeder M.A. Recinciling rates of long bone fusion and tooth eruption and wear in sheep (Ovis) and goat (Capra) // Recent advances in ageing and sexing animal bones, ed. D. Ruscillo. – Oxford: Proceedings of the 9th ICAZ Conference, 2006. P. 87–118.

Information about the authors Grigorii L. Ivanov –

Head of sector of museum funds IMRS, Irkutsk museum of regional studies, 13, Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation,

e-mail: ivanov85@mail.ru

Artur V. Kharinskii –

doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,

Irkutsk National Research Technical University,

83, Lermontova Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation,

e-mail: kharinsky@mail.ru

Лозей Роберт Джастин -

профессор,

Департамент Антропологии,

Университет Альберта,

Tory Building 13–15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,

e-mail: robert.losey@ualberta.ca

Номоконова Татьяна Юрьевна -

лектор Антропологии,

Направление «Общество, культура и глобальные исследования, блок 1»,

Университет Британской Колумбии – Оканаган,

1147 Research Road, Kelowna, BC, V1V 1V7, Canada,

e-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

Клементьев Алексей Михайлович -

кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории кайнозоя,

Институт земной коры СО РАН,

Российская Федерация, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128,

e-mail: klem-al@bk.ru

Критерии авторства

Г.Л. Иванов, А.В. Харинский, Р.Дж. Лозей, Т.Ю. Номоконова, А.М. Клементьев выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Robert Justin Losey -

Associate Professor,

University of Alberta, Department of Anthropology,

Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,

e-mail: robert.losey@ualberta.ca

Tatiana Yu. Nomokonova -

Term Lecturer in Anthropology,

University of British Columbia Okanagan Comminuty, Culture, and Global Studies, Unit 1,

1147 Research Road, Kelowna, BC, V1V 1V7, Canada.

e-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

Alexey M. Klementiev -

Candidate of Sciense (Geography), Senior Researcher of the Laboratory of Cenozoic,

Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

128, Lermontov Str., Irkutsk, 664033, Russian Federation,

e-mail: klem-al@bk.ru

Attribution criteria

Ivanov G.L., Kharinsky A.V., Losey R.J., Nomokonova T.Yu., Klement'ev A.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustration for publication, they owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 902/904

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-70-86

РОЛЬ БУРХОТУЙЦЕВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ

© С. Улзийбаяр

Институт Истории и Археологии, Монгольская Академия наук (МАН), 13343, Монголия, г. Уланбатор, ул. Жукова, 77.

На территории городища Чингис (Углэгчийн) хэрэм в Батширээт сумоне Хэнтэйского аймака обнаружены и раскопаны несколько погребений бурхотуйской культуры. Это свидетельствует о переселении носителей бурхотуйской культуры от устья р. Онон и из долины р. Аргунь в верховья Онона. Вероятно, они построили стены городища, а своих умерших посоронили на его территории. По данным радиокарбоного анализа, стены городища были построены в середине VIII века н. э., а полуземлянки с канами на территории городища чуть позже — на границе VIII—IX вв. Это свидетельствует о том, что городище было основано ранними монголами, а не киданями. По монгольским преданиям, примерно, в это же самое время, предводитель ранних монголов Борте-Чино (Бөртэ чиной) переселился в район Бурхан халдуна — к верховьям Онона. Мы считаем, что Чингис (Углэгчийн) хэрэм был местом, вокруг которого расселились ранние монголы во главе с Борте-Чино (Бөртэ чиной). Поэтому их потомки рассматривали Углэгчийн хэрэм как святое место.

Ключевые слова: Бурхотуйская культура, городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм, Земля предков, Борте-Чино (Бөртэ чиной).

Формат цитирования: Улзийбаяр С. Роль бурхотуйцев в этнокультурной истории монголов // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 70–86. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-70-86

THE ROLE OF BURHOTUITES IN THE ETHNOCULTURAL HISTORY OF THE MONGOLS

© S. Ulziibayar

Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences, Jucov street – 77, Ulaanbaatar – 13343, Mongolia

On the territory of the ancient settlement of Chingis (Ugleghchiin) kherem in Batshireet sumon of the Khentei aimak, several burials of Burhotui culture were discovered and excavated. This testifies to the migration of the Burkhotui culture carriers from the mouth of the River Onon and from the valley of the River Argun to the upper reaches of River Onon. Probably, they built the walls of the settlement, and their dead were buried on its territory. According to radiocarbon analysis, the walls of the site were built in the middle of the 8th century AC, and pit-houses with canoes on the site of the settlement a little later – on the border of the VIII–IX centuries. This indicates that the fort was founded by early Mongols, not Khidan. According to Mongolian legends, approximately, at the same time, the leader of the early Mongols, Borte-Chino (Berthe Chinoy), moved to the Burhan Khaldun area – to the upper reaches of River Onon. We believe that Chinghis (Ugleghchiin) kheram was the place around which the early Mongols, led by Borte-Chino (Berthe chinoy), settled. Therefore, their descendants considered Uglechchin kheram as a holy place.

Keywords: Burkhotuy culture, ancient settlement Chingis (Uglegchiin) heram, Land of ancestors, Borte-Chino (Berthe cinoy)

Citation format: Ulziibayar S. The Role of Burhotuites in the Ethnocultural History of the Mongols. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 70–86. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-70-86

В конце І тыс. н. э. на территории Забайкалья проживали монголоязычные, тюркоязычные и тунгусоязычные племена, активно взаимодействовавшие друг с другом. По р. Шилке и ее притоку р. Онон локализовалась, выделяемая археологами Бурхотуйская культура. Впервые памятники бурхотуйской культуры были обнаружены в 1950 г. Агинским отрядом Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Данная культура была датирована А.П. Окладниковым II-VIII вв. н. э. (Окладников, 1976. 361-367). Ю.С. Гришин считал, что бурхатуйская культура развивалась параллельно хуннуской, т. е. относилась к периоду с III в. до н. э. – II в. н. э., поскольку в ней встречаются украшения, известные в плиточных могилах (Гришин, 1981. С. 200). По результатам более поздних исследований, бурхотуйская культура была датирована ранним средневековьем IV-IX вв. (Асеев и др., 1984) или VI-X вв. (Ковычев, Яремчук, 2003). Бурхотуйскую культуру совершенно справедливо связывают с племенами шивэй, позднее дада китайских источников или отуз татар тюркских эпитафий (Коновалов, С. 149). Данное мнение поддерживается большинством исследователей.

Во время работы в 2002, 2003 годах совместной Монголо-Американской археологической экспедицией в долине реки Онон было обнаружено немало могил с каменными кладками, похожими на бурхотуйские. Три из них, расположенные на территории городища Чингис (Углэгчийн) хэрэм 1

в долине реки Хурх, Батширээт сомона Хэнтэйского аймака, были раскопаны.

Погребение № 1 (2002 г.). Оно имело курганообразную надмогильную насыпь диаметром около 3 м. Под насыпью, в южной части раскопа располагалась конструкция в виде ящика, сложенного из каменных плит. Внутри ящика располагался человеческий скелет с только появившимися зубами мудрости (возраст около 13 лет), ориентированный головой на запад. Из костей скелета лучше всего сохранился череп, бедренные и берцовые кости. Слева от головы погребенного обнаружен керамический сосуд (рис. 5 боронзовых изделий виле колокольчиков (рис. 1.2). Также были найдены железный нож-стрела и 3 пряжки с петлями на одной стороне. Под головой покойника было более 20 каменных бусин.

Погребение № 2 (2003 г.). В 2003 году рядом с погребением № 1 раскопано еще одно захоронение, надмогильная насыпь которого имела курганообразную форму диаметром 6 метров (рис. 1.3). Могильная яма забутована камнями (рис. 1.4). Под ними были найдены плохо сохранившиеся останки погребенного, лежавшего головой на юго-запад. Справа от его головы располагался керамический сосуд (рис. 1.5). У левого бедра погребенного найден нож с деревянными ножнами, а у правого бедра — 4 железных наконечника стрел (рис. 1.6) (Наваан, 2002; 2003).

Погребение № 3 (2003 г.). Размеры однослойной надмогильной кладки 5 х 6 м. Костяк сохранился полностью. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, на глубине 135 см, внутри конструкции из плоских камней. У левого плеча покойника стоял керамический сосуд, аналогичный обнаруженным в погребениях 1 и 2. Грудь покойника покрывал доспех из

¹ Это городище называется местными жителями как «Чингисийн хэрэм» (Крепость Чингис хана) и сегодня носит это название.

This hillfort is called by the local inhabitants as "Chinggisien cheram (Fortress Chinggis Khan)" and today bears this name.

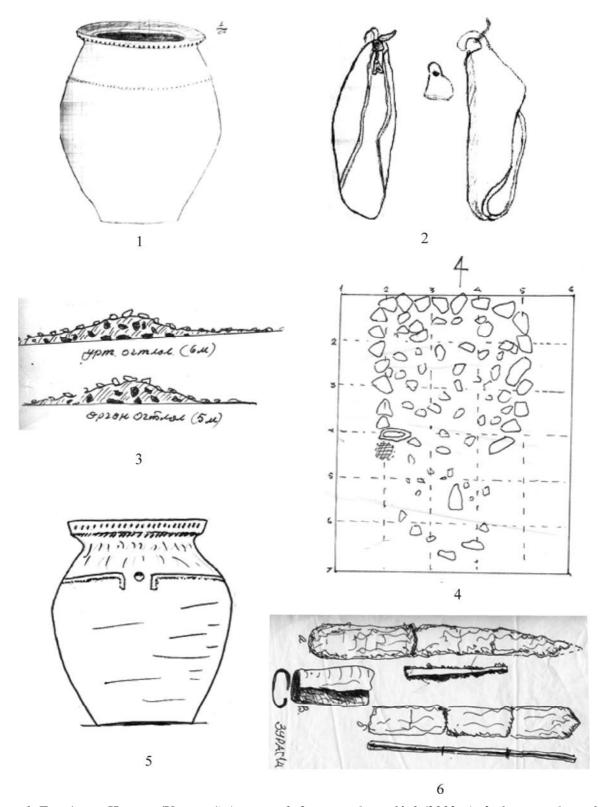

Рис. 1. Городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм: 1, 2 – погребение № 1 (2002 г.); 3–6 – погребение № 2 (2003 г.); 1, 5 – керамические сосуды; 2 – бронзовые колокольчики; 3 – разрез надмогильной кладки; 4 – план надмогильной кладки; 6 – железные изделия (по Д. Наваану) **Fig. 1. Settlement Chingis (Uglegchiin) heram:** 1, 2 – graye No. 1 (2002); 3–6 – graye No. 2 (2003);

Fig. 1. Settlement Chingis (Uglegchiin) heram: 1, 2 – grave No. 1 (2002); 3–6 – grave No. 2 (2003); 1, 5 – ceramic vessels; 2 – bronze small bells; 3 – section of the over grave pavement; 4 – plan of the over grave pavement; 6 – iron artifacts (according to D. Navaan)

железных пластинок. Это была первая находка полностью сохранившегося панциря (рис. 2) (Улзийбаяр, 2006).

В каждой из раскопанных могил обнаружены лепные керамические сосуды с короткой шейкой, которые не отличаются от типично бурхотуйских сосудов из погребений Забайкалья (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 153-158). В одной из могил (погр. № 3/03) с неполным каменным обводом внутри могильной ямы обнаружен полный пластинчатый панцирь, находившийся на груди погребенного. В семнадцати могилах Бурхотуйской культуры Забайкалья обнаружены железные панцирные пластины (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 161), но надо подчеркнуть, что полный пластинчатый панцирь найден только на городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм.

Погребение № 4 (2013 г.). Экспедиция «Онон» Института Истории МАН с 2013 года по 2014 год провела раскопки еще 2 могил на городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм. Из этих двух могил одна являлась кенотафом, а другая содержала очень интересные находки. Эта могила имеет однослойную кладку почти квадратной формы (рис. 3.1). Под северной частью

кладки располагалось могильное пятно размером 1,8 х 0,9 м овальной формы, ориентированное по линии запад-восток. На глубине 1,4 м от поверхности земли в могильной яме зафиксирована внутримогильная конструкция из установленных вдоль стенок вертикальных каменных плит (рис. 3.2). Располагавшийся внутри нее погребенный был ориентирован головой на запад (рис. 3.3). У ключицы погребенного располагался сосуд высотой расширяющийся кверху (рис. 4.1). У него широкая шейка и плоское дно. На плечиках сосуда располагается горизонтальный валик, от которого вниз отходят четыре вертикальных фестона, как у бурхотуйских сосудов. На груди погребенного располагалась золотая гривна в виде луны со скрученными концами (рис. 4.2). Рядом с погребенным, с двух сторон от груди, найфрагменты железных (рис. 4.3, 6, 7, 12-14). На правой плечевой кости зафиксировано 3 панцирных пластины (рис. 4.4). Еще три пластины обнаружены у фаланги правой руки (рис. 4.5). Снаружи от колена погребенного найден наконечник железного копья, верхняя часть которого не сохранилась (рис. 4.11). Кроме того, у правого бедра снаружи были

Puc. 2. Городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм, погребение № 3 (2003 г.) Fig. 2. Settlement Chingis (Uglegchiin) heram, grave No. 3 (2003)

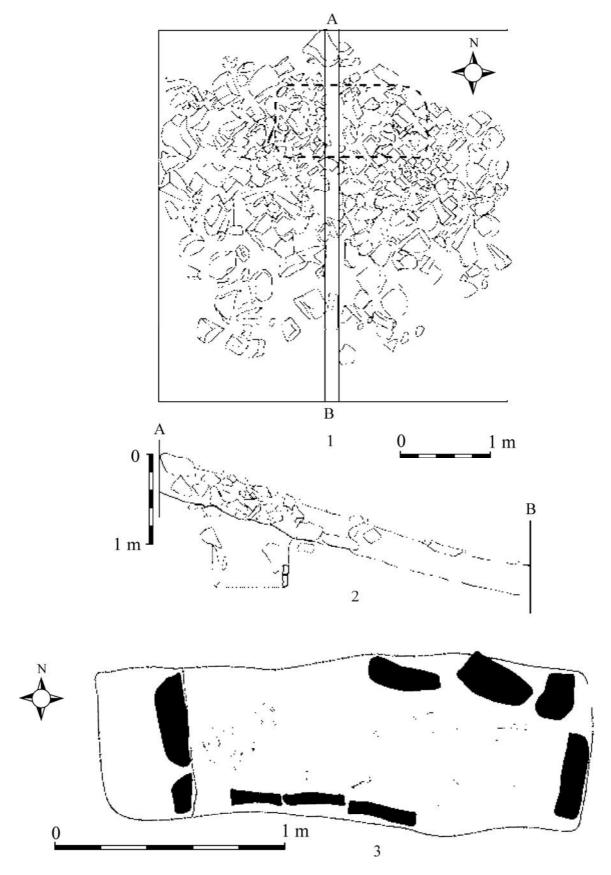

Рис. 3. Городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм, погребение № 4 (2013 г.) Fig. 3. Settlement Chingis (Uglegchiin) heram, grave No. 4 (2013)

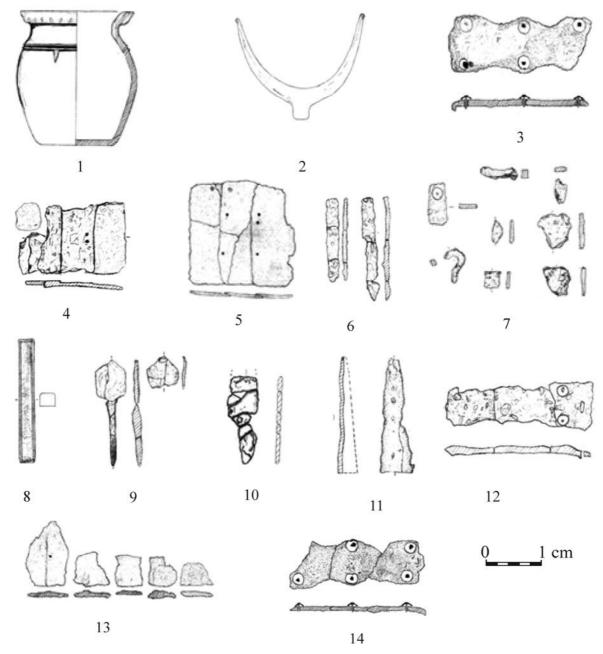

Рис. 4. Городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм, погребение № 4 (2013 г.), находки: 1— керамический сосуд; 2— золотая гривна; 3, 12, 14— железное изделие; 4, 5— панцирные пластины; 6, 7— фрагменты железных изделий; 8— каменное изделие; 9, 10— железный наконечник стрелы; 11— наконичник копья; 13— фрагмены панцирных пластин

Fig. 4. Settlement Chingis (Uglegchiin) heram, grave No. 4 (2013), findings: 1 – ceramic vessel; 2 – golden hryvnia; 3, 12, 14 – iron implements; 4, 5 – armor blades; 6, 7 – fragments of the iron artifacts; 8 – stone implement; 9, 10 – iron arrowhead, 11 – spear point, 13 – fragments of armor blades

обнаружены два наконечника, которые скреплены между собой (рис. 4.9). Снаружи правой голени располагались фрагменты какого-то железного рубящего орудия, возможно, короткая сабля (рис. 4.10) (Улзийбаяр, Батсүрэн, Очир, Уртнасан, 2013).

Несколько гривен, подобных найденной на городище, было обнаружено в погребениях бурхотуйской культуры в восточной части Забайкалья. Скорее всего, они служили символом определенной власти или знатности погребенного – факт, требующий дополнительной проверки,

75

поскольку многие погребения с такими гривнами оказались разрушенными (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 45. Табл. 30).

Если предположить, что строители стен Чингис (Углэгчийн) городища принадлежали к другой этнической группе, чем представители бурхотуйской культуры, прояснить необходимо отношениях они с ними состояли.

Исследованные на Чингис (Углэгчийн) хэрэме погребения идентичны захоронениям бурхотуйской культуры, которая была распространена в Восточном Забайкалье. Об этом свидетельствует внешняя внутренняя структура могил, ориентировка погребенных головой на запад, наличие керамического сосуда у их левого плеча и набор сопроводительного инвентаря. Вероятно, носители одной из групп бурхотуйской культуры могли переселиться в верховья р. Онон и построить здесь укрепленное поселение.

Городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм впервые было открыто С.В. Кондратьевым, предположившим, что стены этой крепости XII-XIV вв. служили для защиты лучников (Кондратьев, 1926). Видный монгольский археолог Х. Пэрлээ считал, что крепость является киданьским фортификационным сооружением (Пэрлээ, 1957). Впоследствии, вслед за Х. Пэрлээ, последующие исследователи также относи-Чингис (Углэгчийн) хэрэм киданьскому (Ивлиев, времени 1983; Данилов, 2004: Мон-Сол. 1997-1998: Монгол-Японы, 1991; Энхтөр, 2008. C. 123-126).

Харинский A.B. считает, что Углугчийн хэрэм можно рассматривать как сакральный центр киданей, так как у этой крепости и у Рашаан хад, который был сакральным местом в течение многих веков, были найдены фрагменты киданьской керамики (Харинский, 2015. С. 323-331).

По нашему мнению, с высокой долей вероятности можно говорить о ранней датировке этого археологического объекта, о чем свидетельсвуют материалы

раскопанных территории на его погребений.

Во-первых, киданьская традиция градостроительства совсем другая. Она не имеет ничего общего с конструктивными особенностями, топографией и формой Чингис (Углэгчийн) хэрэм. Киданьские города имеют почти квадратную форму, они обнесены земляными стенами, в то время как стены Чингис (Углэгчийн) хэрэма построенны из камней. Городище не имеет правильной формы, оно приспособлено к геоморфологическим особенностям участка местности, на котором располагается. Это указывает на то, что строители Чингис (Углэгчийн) хэрэма не были знакомы с традицией. Особенностью киданьской фортификационного градокиданьского строительства «...является использование рек для усиления обороны города», при «...ранние наиболее киданьские города, построенные в начале X века» (Ивлиев. 1983). Городище Чингис (Углэгчийн) находится хэрэм труднодоступном месте, среди гор и не имеет четырехугольной формы, поэтому, можно сделать вывод о том, что оно было построено не киданями, а иным пришлым населением. Сложные фортификационные обнаруженные на Чингис сооружения, (Углэгчийн) хэрэме, также подтверждают тот факт, что вопросы защиты от внешних врагов были актуальны для жителей этого городища.

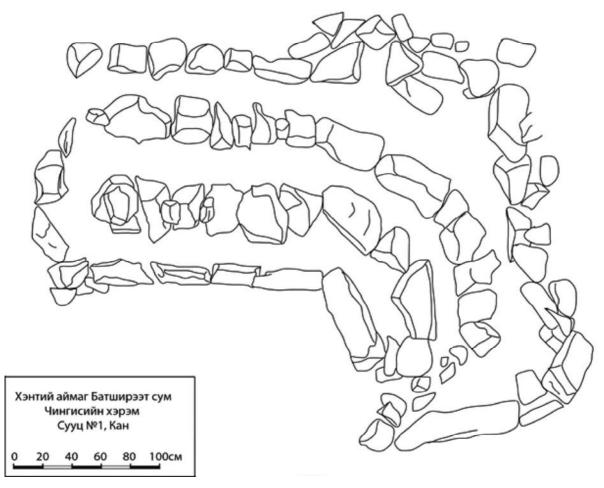
Некоторые исследователи отмечали, что Чингис (Углэгчийн) хэрэм, который находится в 100 км от киданьского городища Зүүн (Восточный) хэрэм, в бассейне реки Керулен, «не походит на киданьские городища, остальные что, указывает на его возможно, иное функциональное назначение. Топография, планиграфия И конструкция этого памятника сближает его с городищами, известными на территории Прибайкалья» (Харинский, 2015. С. 323-331).

Во-вторых, особенностью Чингис (Углэгчийн) хэрэма наличие является жилищ, нижняя часть которых углублена в

землю – полуземлянок, их обогрев осуществлялся с помощью кана. Одно из таких жилищ раскопано участниками экспедиция «Онон» Института Истории МАН в 2013 г. (рис. 5). Жилища подобного типа с Г-образным каном известны у чжурчженей Приамурья. Можно предположить, что городище построено группой людей, переселившихся из Приамурья и принявших бурхотуйскую культуру.

В-третьих, подтверждением древности Чингис (Углэгчийн) хэрэма жилища радиоуглеродного результат является лаборатории сделанного анализа, США. Аризонского университета проб Большинство из жилищ принадлежат VII-IX векам. Самая ранняя из них соотносится к 612-682 годам. Две даты соответствуют концу VIII - середине IX вв. (Oxcal 3.5) (рис. 6.1).

В-четвертых, в 2014 году участники «Онон-2014» Института экспедиции раскопки у Истории MAH провели подножия стен городища, для отбора образцов, по которым можно получить даты, определяющие возведение фортификационной системы этого археологического объекта. Образцы были получены в северовосточной, южной и западной частях городища. Два из них (ch.h.d-1, ch.h.d-2) отправлены в лабораторию США. По одному из них получена дата, соответствующая 676-870 годам (рис. 6.2). Покровочный грунт у подножия стены, из которого отообразцы, сформировался браны полного завершения строительства горокаменную дища. Поэтому стену полуземлянки с внутренней стороны от нее построили приблизительно в одно и то же время, не позже IX в. н. э. Кроме этого, как

Puc. 5. Городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм, жилище № 1, кан (2013 г.) Fig. 5. Settlement Chingis (Uglegchiin) heram, dwelling No. 1, kan (2013)

уже упомяналось выше, на территории городища было раскопано несколько могил бурхотуйского типа.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что строителями городища Чингис (Углэгчийн) хэрэм были представители бурхотуйской культуры.

Полуземлянки с канами и фрагменты

киданьской керамики найдены в югозападной части городища, которая была отделена внутренней стеной, что вызывает интерес. Может быть, это является свидетельством временного проживания населения в этой части памятника киданского периода. Например, анализ пробы древесины, обнаруженной во время раскопок участниками экспедиции «Онон–2014»

Sample Name	Method	Locus #	C 14 Lab	Sample Type	C 14 age years BP	Date Range
UGL-RC001	AMS	B 44 (feature 1)	Arizona	Charcoal	1303±35	612 AD- 682 AD
UGL-RC003	AMS	B 96 (feature 5)	Arizona	Partially burnt wood	1129±35	786 AD- 853 AD
UGL-RC004	AMS	B 88 (feature 6)	Arizona	Charcoal	1124±35	791 AD- 861 AD
UGL-RC007	Benzine	B 72 (feature 1)	Geochron	Charcoal	1090±110	750 AD- 970 AD

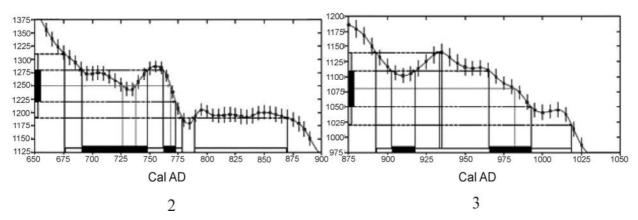
1

Laboratory number Beta-406776 Ch.h.d.2 Convertional radiocarbon age 1250±30 BP

Calbrated Recut Col AD 675 to 780 Col AD 790 to 870 Laboratory number Beta-406776 Ch.h.d.1

Convertional radiocarbon age 1060±30 BP

Calbrated Recut Col AD 895 to 1020

Puc. 6. Радиоуглеродные даты образцов с городища Чингис (Углэгчийн) хэрэм: 1 — жилище № 1 с каном; 2, 3 — из-под покровочного грунта с внутренней стороны стены городища **Fig. 6. Radiocarbon dates from the settlement Chingis (Uglegchiin) heram:** 1 — dwelling No. 1 with the kan; 2, 3 — under the covering earth inside the settlement wall

(ch.h.d-1), доказывает это (рис. 6.3).

Падение мощи древних тюрков в ходе распрей привело внутренних подчинению династии Тан (630-680 гг.), что явилось, на наш взгляд, благоприятным моментом для перекочевки бурхотуйцев вверх по реке Онон. Это дало возможность хозяйственного освоения ими пространств степных сооружения И укрепленного городища.

Вблизи Чингис (Углэгчийн) хэрэм находится несколько ритуальных оградок из каменных плит с балбанами, образующими дугу, протянувшуюся с севера на юг. Вероятно, они установлены древними тюрками. Д. Наваан предпринял раскопки 6 этих сооружений, расположенных на равнине, локализующейся к северу от городища и к востоку от горы перед Баянголом. Анализируя лишайники на камнях, он решил, что сооружения Углэгчийн хэрэм И ЭТИ относятся к одному периоду - ко времени Тюркского каганата (Наваан, 2002). Во время раскопок аналогичных сооружений в этом районе экспедицией «Онон» в 2016 г. отобраны образцы, возраст которых определяется в пределах (2 σ) 625 – 679 гг. н. э. (95,4 %).

Монгольские ученые старшего поколения Х. Пэрлээ и С. Бадамхатан искали могилу Чингис хана, ориентируясь на гору Бурхан Халдун, описанную в «Сборнике летописей». Д. Базаргур с сотрудниками искал её на Земле предков «yekes-e qajaru» («СС»). Эти исследования имеют интересную историю и дают немало поучительной информации для последующих археологов. Д. Базаргур вместе с соавторами на основании топонимических данных «Сокровенного сказания» определил Углэгчийн хэрэм в долине реки Хурх, Батширээт сомона Хэнтэйского аймака как «yekes-e gajaru» («СС»). Они пишут: «Если считать, что весной во время жертвоприношения Тайчудцы были на весеннем стойбище возле реки Барх, то расстояние до Углэгчийн хэрэм составляет примерно 20 км. После жертвоприношения приехали вечером, а утром следушего дня перекочевали, оставив Оэлун с детьми. Поэтому местность, где приносили жертву предкам, по времени и расстоянию не река Керулен, а Углэгчийн хэрэм». (Базаргур и др., 2002. С. 4). Участники экспедиции под руководством Д. Базаргура совместно с американскими исследователями провели археологические изыскания в Углэгчийн хэрэм в 2002 и 2003 годах. Однако археологические раскопки ничего не дали, кроме находки могилы с долбленной деревянной колодой. Не было найдено ни одного захоронения, которое могло бы быть погребением знати. Д. Цэвэндорж подверг критике исследования Д. Базаргура и его соавторов. Он писал: «...Д. Базаргур и др. "нашли" «Ихэсийн газар» Сокровенного сказания, в результате, исследователи и некоторые любители стали рассматривать Углэгчийн Хэрэм как «Ихэсийн газар» или «Их хориг» (эти топонимы обозначают одно и то же место,-С.У.), или место погребения Чингис хана, однако все эти попытки не подтверждаются археологическими раскопками отечественных и зарубежных исследователей и письменными источниками» (Цэвэндорж, 2007).

Тем не менее на городище было найдено несколько погребений доимперского периода и жилища-полуземлянки с канами (Улзийбаяр, 2003. С. 76–81; 2004. 57–65; 2010. С. 290–296). Исследования Д. Базаргура по исторической географии и основанные на них обоснования нельзя оставить без внимания. Если учитывать быт кочевников-скотоводов, среднее расстояние перекочевок и другие условия, то предположение Д. Базаргура о том, что за сутки можно было добраться от места жертвоприношения на городище Углэгчийн Хэрэм до стойбища, выглядит не таким фантастическим, т. е. объективно все сходится.

Во время археологических исследований вблизи каменных изваяний тюркских каганов и знатных лиц не были обнаружены погребения, что привело исследователей к выводу о раздельном расположении с кладбищами. Высказывались предположения, что каменные изваяния и оградки с балбалами в честь каганов и военачальни-

ков были поминальными комплексами или культовыми сооружениями для жертвоприношений. Можно с высокой долей вероятности предположить, что аналогичная традиция существовала у всех центрально-азиатских кочевников-скотоводов. В пользу этого свидетельствует культ предков, бытовавших у всех народов региона с древности. Например, в местности Тавантолгой, Онгон сомона Сухэ-Баторского аймака к югу от каменных изваяний хана и его супруги (как называют местные жители) на южном склоне горы нашли погребения знатных монголов (Улзийбаяр, Наваан, Эрдэнэ, 2010).

Хан и его супруга на изваяниях держат в руках четки, что указывает на то, что они буддисты. Эти изваяния дополняются находками самых разных видов, найденными в погребениях к югу от них. Около десяти из тридцати могил бронзового века и средневековья, найденных в Дунд Овоо Тавантолгоя, ранее были подвергнуты раскопкам. Эти могилы имеют кольцеобразную насыпь, похожую на основание юрты. В погребении № 9, в западной части гроба была свалена большая часть костей человеческого скелета, а череп был развернут лицом на юго-запад. По расположению некоторых длинных костей ног было ясно, что покойник был ориентирован головой на запад. Дно гроба, вероятно, было устлано берестой. Самое интересное заключалось в том, что в задней стене ямы была сделана небольшая полость. В неё был уложен череп лошади, ориентированный мордой на запад. Под черепом находились кости четырех ног лошади, создающие образ скачущего коня. Над ним располагалось седло. В прошлом, при раскопках в Тавантолгое, уже встречались погребения с конем, но не было найдено таких захоронений, в которых кости конечностей лошади были уложены в таком положении, что напоминали бы скачущего оседланного коня. Череп лошади был сожжен и во рту находились кольчатые удила. На дне гроба найдены полностью сохранившиеся ножницы, со сломанным концом одной из ручек. Исследования могил, проведенные в Тавантолгой, дали новые материалы для классификации одной из культур монгольского периода, которая раньше не была известна на территории Монголии (захоронение коня вместе с хозяином, ориентация покойника головой на восток, особо украшенные седла, влияние буддийстской культуры). В 1984 г. экспедиция Читинского института исследовала две могилы, относящиеся к монгольскому периоду, в местности Улугуй недалеко от с. Усть-Борзя. В них обнаружены человеческие захоронения в своеобразном гробу. Покойник ориентирован головой на север, на левой стороне гроба были уложены конечности и голова лошади, а на них располагался колчан (Ковычев, Беломестнов, 1985). Погребальный обряд этих захоронений напоминает погребальный обряд могилы № 9 в Тавантолгой. Седла и удила этих захоронений очень похожи. Следовательно, можно говорить о возможности существования самостоятельной археологической культуры «Погребение с конем монгольского периода» (Улзийбаяр, Наваан, Эрдэнэ, 2010; Улзийбаяр, 2008).

С другой стороны, наличие в Ордосе крупного культового центра «Онгон Чингис хана» может свидетельствовать в пользу тезиса о раздельном расположении мест погребений и жертвоприношений у монголов. Следовательно, исходя из сложившейся традиции, «yekes-e qajaru — Ихэсийн газар» Сокровенного сказания не кладбище, а место онгона.

Гипотеза Д. Базаргура и др. о том, что Углэгчийн Хэрэм является «yekes-e qajaru» — «земля великих/предков», является местом, где совершались жертвоприношения предкам или онгон, имеет под собой довольно прочную основу. Обоснованием этому служат результаты их исследований по исторической географии и наши археологические исследования на Углэгчийн хэрэм. Однако Д. Базаргур считает, что городище также является и родовым кладбищем. С этим трудно согласиться.

Таким образом, Углэгчийн хэрэм был построен не в киданьское время, а в середине VII в. носителями бурхотуйской культуры, которые также населяли среднее и нижнее течение Онона и верховье р. Шилки. Поэтому возникают вопросы; почему монголы среднего периода Углэгчийн хэрэм считали «Ихэсийн газар»? Какая связь между бурхотуйцами и монгольской высокой знатью?

После падения I Тюркского каганата, в период зависимости от империи Тан (630-680 гг.), появилась возможность переселения носителей бурхотуйской культуры в верховье Онона. Результаты лабораторного анализа образцов из жилищ, датируемые 612-682 гг., свидетельствуют о большой вероятности того, что пришельцы бурхотуйцы первым делом защищали свои поселения фортификационными сооружениями. Не только радиоуглеродные даты, но и наличие киданьских керамических сосудов свидетельствуют, что люди жили на городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм вплоть до начала XI в. и имели широкие связи с империей Ляо. Большинство исследователей отождествляет бурхотуйцев с отуз татарами рунических памятников или с шивэйцами китайских источников, впоследствии отмеченные «дада». То обстоятельство, что в окрестностях Углэгчийн хэрэм не было обнаружено большого могильника, свидетельствует о кратковременном существовании поселения. Вероятно, пришлые бурхотуйцы были кочевыми скотоводами и долго не задерживались на одном месте (Улзийбаяр, 2011).

В углу одного из раскопанных жилищ, под полом обнаружили череп девочки подросткового возраста, располагавшийся в специально выкопанной яме. На черепе находился большой камень, на дне ямы, вокруг черепа также располагались камни (Улзийбаяр, 2002). Очевидно, не обитатели этого жилища, а люди последующего времени совершили такое жертвоприношение. Вспомним записку европейского путешественника о том, что монголы среднего периода хоронили покойников внутри юрты

[«И хоронят его со всей его юртой, с ним в центре, и по средине перед ним ставят стол и блюдо, полное мяса, и чашу кобылего молока» (Карпини, 1997. С. 38–39), перевод А.И. Малеиныму]. С этим сообщением источника ближе всего сходится наш вышеупомянутый материал. Возможно, такого рода ритуал жертвоприношения позже стал похоронным обрядом, который европейский путешественник ошибочно принял за похороны.

На юго-западной стороне внутри укрепления Углегчийн хэрэм на вершине большого камня имеется специально сделанное углубление в форме корыта. К югу от западных ворот, вдоль стены до угла городища уложены камни, образующие дорожку, которая, возможно, была сделана позже. Вполне возможно, что все эти описанные атрибуты были делом рук тех, кто весной совершал ритуал жертвоприношения, как описано в § 70 «Сокровенного сказания». Вероятно, они считали, что их далекие предки пришли издалека и построили укрепление. Возможно, обнаруженное внутри укрепления монгольское погребение начального периода Юань, или датированное 1257-1325 годами, имеет прямое отношение к культу «yekes-e qajaru» - «Ихэсийн газар». Городище Углэгчийн хэрэм, где оно располагалось, находится в теснине горной пади, что противоречит традиции выбора места для погребения у монголов. То, что до сих пор местные жители называют городище «стеной Чингис хана», скорее связано с традицией особого отношения к основателю Монгольского государства. Она берет свое начало от «Ихэсийн газар» и передается из поколения в поколение, из уст в уста, как традиция культа предков, как существующая народная память.

Некоторые племена бурхотойской культуры, которые кочевали в нижнем течении бассейна реки Онон в Забайкальском крае нынешней РФ, перекочевали вверх пореке Онон до Хентейских хребтов в VII—VIII веках. В представленной статье сделана попытка соотнести городище Чингис (Углэгчийн) хэрэм с «Землей предков

(yekes-e qajaru)» «Сокровенного сказания монголов».

Слова «Земля предков» и «Великии гурук» имеют разные значения. «Земля предков» в горах Бурхан Халдун, куда перекочевали носители бурхотуйской культуры,

Статья поступила 10.05.2017 г.

Библиографический список

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. І.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984.

Базаргур Б., Энхбаяр Б. Место рождения и смерти Чингис хана (исследование по исторической географии). Улан-Батор, 2002. (На монг. яз.).

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. Москва, 1981.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.

Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ, 2005.

есть нынешний Чингисийн хэрэм (Углэгчийн стены) в сомоне Батширээт, Хентийского аймака и это место почитается как священная земля предков, то есть «yekes-e qajaru».

Article was received in May, 10, 2017

References

Alkin S.V., Vasil'ev S.G., Kolosov V.K., Nesterenko V.V. Rezul'taty polevykh issledovanii na levoberezh'e reki Shilki [Results of field research on the left bank of the Shilka River]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Materialy godovoi sessii IAET SO RAN [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, 2006. Vol. XII. Part I.

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. Kochevniki Zabaikal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebenii) [Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (based on burial materials)]. Novosibirsk, 1984.

Bazargur B., Enkhbayar B. *Mesto rozhdeniya i smerti Chingis khana (issledovanie po istoricheskoi geografii)* [Place of birth and death of Genghis Khan (a study of historical geography)]. Ulan Bator, 2002. (In Mongol).

Grishin Yu.S. *Pamyatniki neolita,* bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaikal'ya [Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe Transbaikalia]. Moscow, 1981.

Danilov S.V. Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii [Cities in the nomadic societies of Central Asia]. Ulan-Ude, 2004.

Dashibalov B.B. *Na mongolo-tyurkskom pogranich'e (Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka)* [On the Mongol-Turkic borderlands (Ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages)]. Ulan-Ude, 2005.

Ивлиев А.Л. Городище Киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий: Сб. научных трудов. Владивосток, 1983.

Плано Карпини Дж. дель. История Монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. Москва, 1997.

Кондратьев. С.В. Краткая заметка о старинной крепости в Углекчи 1926 // ШУА. Түүхийн хүрээлэнгийн Баримтын сан. 1926.

Коновалов П.Б. Корелляция средневековых археологических культур Забайкальского региона и проблема историко-археологического синтеза; Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (Древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999.

Ковычев Е.В, Беломестнов Г.И. Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность. 1985.

Ковычев Е.В., Яремчук О.А. Древние монголы и проблема Эргунэ-Кун // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003.

Мон-Сол. Отчеты по Монголо-Корейскому проекту от 1997 по 1998 гг. / Национальный Музей Кореи и Национальный Исторический музей Монголии, Институт Истории, АНМ. Улан-Батор, 1999. (На монг. яз.) Ivliev A.L. Gorodishche Kidanei [Settlement of Kidan]. Materialy po drevnei i srednevekovoi arkheologii yuga Dal'nego Vostoka SSSR i smezhnykh territorii. Sb. nauchnykh trudov [Materials on ancient and medieval archeology of the south of the Far East of the USSR and adjacent territories: collection of scientific papers]. Vladivostok, 1983.

Plano Karpini Dzh. del'. *Istoriya Mongalov*. Rubruk G. de. *Puteshestvie v vostochnye strany. Kniga Marko Polo*. [History of Mongals. Rubruck G. de. Journey to the eastern countries. The book of Marco Polo]. Moscow, 1997.

Kondrat'ev. S.V. Kratkaya zametka o starinnoi kreposti v Uglekchi 1926 [A brief note about the ancient fortress in Uglechi 1926]. ШУА. Түүхийн хүрээлэнгийн Баримтын сан. 1926. (In Mongol)

Konovalov P.B. Korellyatsiya srednevekovykh arkheologicheskikh kul'tur Zabaikal'skogo regiona i problema istorikoarkheologicheskogo sinteza [Correlation of medieval archaeological cultures of Transbaikal region and the problem of historical and archaeological synthesis]. Konovalov P.B. Etnicheskie aspekty istorii Tsentral'noi Azii (Drevnost' i srednevekov'e) [Ethnic aspects of the history of Central Asia (Antiquity and the Middle Ages)]. Ulan-Ude, 1999.

Kovychev E.V, Belomestnov G.I. *Pogrebeniya s konem iz Poonon'ya: khronologiya i etnicheskaya prinadlezhnost'* [Burials with the horse from Onon Area: chronology and ethnicity]. 1985.

Kovychev E.V., Yaremchuk O.A. *Drevnie mongoly i problema Ergune-Kun* [Ancient Mongols and the Ergune-Kun problem]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii* [Genghis Khan and the destinies of the peoples of Eurasia]. Ulan-Ude, 2003.

Mon-Sol. Otchety po Mongolo-Koreiskomu proektu ot 1997 po 1998 gg. Natsional'nyi Muzei Korei i Natsional'nyi Istoricheskii muzei Mongolii, Institut Istorii, ANM [Mon-Sol. Reports on the Mongolian-Korean project from 1997 to 1998 / National Museum of Korea and National Historical Museum of Mongolia, Institute of History, ASM].

Монгол-Японы. Отчеты по Монголо-Японской экспедиции «Гурван гол» от 1991 по 1992 гг. / Информационный фонд Института Истории. 1992. (На монг. яз.)

Наваан Д. Отчет Монголо-Американской совместной экспедиции «Чингис хан». 2002; Наваан Д. Отчет Монголо-Американской совместной экспедиции «Чингис хан». 2003 год // Центр информации документов Института истории археологии И Монгольской академии наук. Х 11, Д 1, ХН-100. (На монг. языке)

Окладников А.П. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье // История и культура Бурятии: Сб. ст. Улан-Удэ, 1976.

Пэрлээ X. Обзор об археологических исследований Монголии. Улаанбаатар, 1957. (На монг. яз.)

Пэрлээ X. Где находится «Их хориг» (брошюра). Улан-Батор, 1964. (На монг. яз.)

Улзийбаяр C. Одно монгольское погребение Углугчийн хэрэм. Археология, Антропология и Этнография, журнал Научных работ 210 (19) институт общественных наук, Монгольского государственного университета. Улан-Батор, 2003. (На монг. яз.)

Улзийбаяр С. О находке в виде цельных доспехов из металлическик пластинок // Этнография. Т. XVI. Fasc 9.

Ulan Bator, 1999. (In Mongol)

Mongol-Yapony. Otchety po Mongolo-Yaponskoi ekspeditsii «Gurvan gol» ot 1991 po 1992 gg. Informatsionnyi fond Instituta Istorii. [Mongol-Yapony. Reports on the Mongol-Japanese expedition "Gurvan Gol" in 1991–1992. Information Fund of the Institute of History]. 1992. (In Mongol)

Navaan D. Otchet Mongolo-Amerikanskoi sovmestnoi ekspeditsii «Chingis khan». 2002; Navaan D. Otchet Mongolo-Amerikanskoi sovmestnoi ekspeditsii «Chingis khan». 2003 [Report of the Mongol-American joint expedition "Genghis Khan". 2002; Navaan D. Report of the Mongol-American joint expedition "Genghis Khan". 2003]. Tsentr informatsii i dokumentov Instituta istorii i arkheologgii Mongol'skoi akademii nauk [Center for Information and Documents of the Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences]. Kh 11, D 1, KhN-100. (In Mongol)

Okladnikov A.P. *Burkhotuiskaya kul'tura zheleznogo veka v yugo-zapadnom Zabaikal'e* [Burkhotuyskaya culture of the Iron Age in the south-western Transbaikalia] // *Istoriya i kul'tura Buryatii. Sb.st.* [History and culture of Buryatia. Collection of articles]. Ulan-Ude, 1976. (In Russian)

Perlee Kh. *Obzor ob arkheologicheskikh issledovaniya Mongolii* [Overview of Mongolian archaeological research]. Ulaanbaatar, 1957. (In Mongol)

Perlee Kh. *Gde nakhoditsya «Ikh khorig»* (broshyura) [Where is "Their Choirig" (pamphlet)]. Ulan Bator, 1964. (In Mongol)

Ulziibayar S. Odno mongol'skoe pogrebenie v Uglugchiin kherem [One Mongolian burial in Uglugchiin heram]. Arkheologiya, Antropologiya i Etnografiya, zhurnal Nauchnykh rabot 210 (19) institut obshchestvennykh nauk, Mongol'skogo gosudarstvennogo universiteta [Archeology, Anthropology and Ethnography, Journal of Research 210 (19) Institute of Social Sciences, Mongolian State University]. Ulan Bator, 2003. (In Mongol)

Ulziibayar S. *O nakhodke v vide tsel'nykh dospekhov iz metallicheskik plastinok* [About the find in the form of solid armor from metal

Улан-Батор, 2004. (На монг. яз.)

Улзийбаяр С. О панцире из железных пластинок и найденных в целостности // SE. Tom XVI, fasc. 9. Улан-батор, 2006. (На монг. яз.)

Улзийбаяр С. О монгольские погребении с конем // Чингис хаан судлал. ЭШБ б.10, дэвтэр 19. Улан-Батор, 2008. (На монг. яз.)

Улзийбаяр С. Памятник Бурхотуйской культуры в бассейне р. Хурха // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010.

Улзийбаяр С. О различиях терминологии "Yekese gajaru" и "Великий гурук" // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011.

Улзийбаяр С., Наваан Д., Эрдэнэ М. Захоронения Тавантолгойской культуры Восточной Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск. 2010. Вып. 8. С. 221–234.

Улзийбаяр С., Батсүрэн Б., Очир Б., Уртнасан Э. «Онон-2013» хээрийн судалгааны багийн тайлан // ШУА-ийн ТАХ-ийн БМТ. Φ 10, д 2, хн-22., Улаанбаатар, 2013.

Харинский А.В. Северное пограничье империи Ляо // Вестник ИрГТУ. Иркутск. 2015. № 10 (105).

Цэвээндорж Д. Очаг истории многих эпох Монголии. SA.Tom. (IV) XXIV. Fas 1. Улан-Батор, 2007. (На монг. яз.)

Энхтөр А. Некоторые вопросы об исследовании градостройтельства хятана на территории Монголии, (диссертация на соискание кандидатской степени (Ph. D))

plates]. *Etnografiya* [Ethnography]. Vol. XVI. Fasc 9. Ulan Bator, 2004. (In Mongol)

Ulziibayar S. *O pantsire iz zheleznykh plastinok i naidennykh v tselostnosti* [About the armor shell of iron plates found in integrity]. SE. Tom XVI, fasc. 9. Ulan-bator, 2006. (In Mongol)

Ulziibayar S. *O mongol'skie pogrebenii s konem* [About Mongolian burials with a horse]. Чингис хаан судлал. ЭШБ б.10, дэвтэр 19. Ulan Bator, 2008. (In Mongol)

Ulziibayar S. *Pamyatnik Burkhotuiskoi kul'tury v basseine r. Khurkha* [Site of Burhotuiy culture in the basin of the River Khurkha]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Ude, 2010.

Ulziibayar S. *O razlichiyakh terminologii* "Yekese gajaru" i "Velikii guruk" [On the differences between the terminology "Yekese gajaru" and "Great Guruk"]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk, 2011.

Ulziibayar S., Navaan D., Erdene M. Zakhoroneniya Tavantolgoiskoi kul'tury Vostochnoi Mongolii [Burials of the Tavantolgoy culture of Eastern Mongolia]. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk. 2010. Iss. 8. Pp. 221–234.

Улзийбаяр С., Батсүрэн Б., Очир Б., Уртнасан Э. «Онон-2013» хээрийн судалгааны багийн тайлан // ШУА-ийн ТАХ-ийн БМТ. Φ 10, д 2, хн-22., Улаанбаатар, 2013. (In Mongol)

Kharinskii A.V. Severnoe pogranich'e imperii Lyao [Northern borderland of the Liao Empire]. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. Irkutsk. 2015. No. 10 (105). (In Russian)

Tseveendorzh D. *Ochag istorii mnogikh epokh Mongolii* [The center of history of many epochs of Mongolia]. SA.Tom. (IV) XXIV. Fas 1. Ulan Bator, 2007. (In Mongol)

Enkhter A. Nekotorye voprosy ob issledovanii gradostroitel'stva khyatana na territorii Mongolii. Dissertatsiya na soiskanie kandidatskoi stepeni (Ph. D) [Some questions about

Улан-Батор, 2008. (На монг. яз.)

Сведения об авторе

Улзийбаяр Содномын -

доктор (Ph. D), старший сотрудник, сектор Хунну и древней истории,

Институт Истории и Археологии, Монгольская Академия наук (МАН),

Монголия, 13343, г. Уланбатор, ул. Жукова, 77

e-mail: ulziibayars@yahoo.com

Критерии авторства

С. Улзийбаяр выполнил исследование, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

the study of town planning in the territory of Mongolia, (Ph.D. thesis)]. Ulan Bator, 2008. (In Mongol)

Information about the author Sodnom Ulziibayar –

Ph.D, Senior research fellow, Institute of History and Archaeology, Department of Xiongnu and Ancient History, Mongolian Academy of Sciences, Jucov street – 77, Ulaanbaatar – 13343, Mongolia,

e-mail: ulziibayars@yahoo.com

Attribution criteria

Ulziibayar S. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 27-564(=512.157)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-87-94

ЛУННЫЙ И ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРИ ЯКУТОВ

© В.В. Ушницкий

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск),

Российская Федерация, 670007, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1.

Статья посвящена изучению лунного и православного календаря якутов. Лунный календарь раньше существовал у многих народов. Поэтому лунный календарь якутов сравнивается с календарем многих народов: майя, инков, древних египтян и китайцев. После принятия православия якуты приняли православный календарь.

Ключевые слова: этнография, астрономические знания, календарь, Луна, православие. Формат цитирования: Ушницкий В.В. Лунный и православный календари якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 87–94. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-87-94

LUNAR AND ORTHODOX CALENDARS OF THE YAKUT

© V.V. Ushnitsky

Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk),

1, Petrovsky Str., Yakutsk, The Republic of Sakha (Yakutia), 670007, Russian Federation.

The article is devoted to the study of the lunar and orthodox calendar of the Yakuts. The lunar calendar used to exist in many nations. Therefore, the lunar calendar of the Yakuts is compared with the calendar of many peoples: the Maya, the Incas, the ancient Egyptians and the Chinese. After the adoption of Orthodoxy, the Yakuts adopted an Orthodox calendar.

Keywords: ethnography, astronomical knowledge, calendar, moon, orthodoxy Citation format: Ushnitsky V.V. Lunar and Orthodox Calendars of the Yakut. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 87–94. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-87-94

Традиционный календарь якутов изучается А.И. Гоголевым. Однако его исследования касаются в основном лунносолнечного календаря и астрономических знаниий якутов (2009). Е.Н. Романова написала раздел о лунном календаре якутов в коллективной монографии «Якуты» (2013а). Сведения о якутском лунном календаре есть в монографиях Н.В. Дашиевой (2015).

Лунный календарь

В старину якуты как и другие тюркские народы имели Лунный календарь. Якуты пользовались десятичной системой счисления, принятого тюркскими народами. Десятичная непозиционная система счисления с единичным кодированием десятичных цифр (от 1 до 1 000 000) возникла во второй половине третьего тысячелетия до н. э. в Древнем Египте (египетская система счисления). Лунный календарь — разновидность календаря, в основе которо-

го лежит период смены фаз Луны, то есть синодический месяц.

Лунный календарь никоим образом не привязан к годичному движению Солнца, поэтому ежегодно лунный календарь смещается относительно солнечного на 365,24222-354,36708=10,87514 дней. Примерно за 34 солнечных года набегает один лишний лунный год.

Смена фаз Луны является одним из самых легко наблюдаемых небесных явлений. Не удивительно, что множество народов на ранней стадии своего развития пользовались лунным календарём. Однако в период становления оседлого образа жизни лунный календарь переставал удовлетворять потребности населения, так как земледельческие работы привязаны к смене сезонов, то есть движению Солнца. Поэтому лунные календари, за редким исключением (например, исламский календарь), неизбежно заменялись лунно-солнечными или солнечными календарями.

«Якуты вели счет дням соответственно движению луны на небе. Вечер новолуния - "ый бютюютэ" или "бютэрдээх ый" или "ый сана тёрюэтэ" – луна первого вечера, первая луна, новолуние. Второй вечер "ый иккитэ" или "иккилээх ый" - вторая луна, луна второго вечера и т. д. Так ведут порядковый счет до полноты дня; с ущербом луны продолжают считать дни месяца до тридцати или считают, сколько дней прошло от новолуния и осталось до конца месяца. Четвертый вечер лунного месяца они сравнивают с рогами молодой коровы, пятый вечер называют "куобах куттага" - желудок зайца, восьмой – "саа кирсэ" – тетива лука. Четырнадцатый лунный вечер показывают "ый аччыгый туолара" или "ый кыра туолара" - малая полнота луны, пятнадцатый вечер – "ый улахан туолара" – большая полнота луны, полнолуние.

В следующий за полнолунием вечер луна появляется на небе с красной зарей и сама красная, почему и якуты называют этот вечер "ый кысыл киэсээтэ" – "красный вечер луны". Про семнадцатый лунный вечер якуты говорят: "куба ыал кюёсюн кута-

ра" – скупой житель ждет свой горшок (Сойкконен).

По буддийскому календарю начало первого месяца нового лунного года приходится на первый день убывающей луны в декабре месяце. Таким образом, порядковые номера месяцев лунного календаря смещены на 1 месяц назад по отношению к солнечному календарю. Месяцы лунного календаря не имеют названий, они лишь нумеруются по порядку.

Примечательно, что в календаре западных бурят с традицией деления года на зимне-весенний и летне-осенний сезоны начало сезона холодов приходится на полнолуние, а его завершение — на астрономическое новолуние. Соответственно, отсчет месяцев в сезоне тепла начинается с новолуния и завершается на полнолунии. В модели года движение времени от холода к теплу проходит под знаком убывающей Луны, а от тепла к холоду — прибывающей (Дашиева, 2015. С. 63).

По сообщению Р.И. Маака, в календаре вилюйских якутов насчитывалось тринадцать месяцев (Маак, 1887. С. 112–113). А.И. Гоголев уточняет, что это был вставной месяц високосного года (Гоголев, 1983. С. 6), имея в виду тип лунно-солнечного календаря. Н.В. Дашиева предполагает, что сообщение Маака имеет отношение к типу лунно-звездного календаря, в котором стабильно учитывались тринадцать месяцев (Там же. С. 65).

По словам Н.В. Дашиевой, свидетельством бытования в прошлом в народном календаре вилюйских якутов именно тринадцати месяцев является предание об установлении Богом по просьбе быка, спорившего с жеребцом, восьми зимних и пяти летних месяцев (Худяков, 1969. С. 236), т. е. тринадцати месяцев. Якуты зимние месяцы считали по циклическим возвращениям Луны к Плеядам, т. е. по сидерическим месяцам, поэтому их учет в летнем сезоне года ввиду отсутствия созвездия производился по синодическим месяцам. В пользу предположения, такого ПО мнению Н.В. Дашиевой, выступает принцип разделения в фольклоре якутов зимних и летних месяцев на две противопоставленные группы, каждой из которых приписывался свой зооморфный код (Дашиева, 2015. С. 65). В традиционном мировоззрении якутов с понятием «зима» связан образ быка, а с периодом лета, Солнца и светлых небесных божеств Айыы, дарующих жизнь, соотносится образ коня (Серошевский, 1993. С. 26).

«Месяцы у якутов лунные. Месяц делится на две половины: первая половина — новая (саната) — до полнолуния, вторая — старая (эргэтэ) — после полнолуния. Счет дней идет в прямом порядке натуральных чисел только в первой половине месяца (до полнолуния), во второй же половине — счет обратный, т. е. после 15-го, например, после дня какого-нибудь месяца следует не 16-й день, а 15-й день второй (старой) половины, далее — 14-й, и т. д.» (Ионов, 1913).

По словам Е.Н. Романовой, первой наиболее ранней системой счета времени была лунная, основанная на чередовании фаз луны. Якуты тоже делили год на лунные месяцы (ый-сыл), привычный нам год включал как бы два года по якутскому календарю. Новый месяц начинался с появлением на небе новой луны и считался равным тридцати суткам (Романова, 2013. С. 236).

«По якутским представлениям, от первого дня новолуния и до десятого дни считались в возрастающем порядке: (биир сана) – первый день новолуния сана ый төрүтэ, основа нового месяца; четвертый вечер лунного месяца сравнивали с рогами молодой коровы; биэс сана, пятый день новолуния, образно назывался куобах куртага и т. д. Дни от 11 до 20-го обозначались по степени полноты лунной фазы, для которых имелись свои образные определения: 11-й день – биир толору анаара (первый день половины полноты), 12-й день - икки толору анаара (второй день половины полноты), 13-й день – икки толоруу анаара (второй день половины полноты) и т. д. В 16-й вечер Луна появляется на небе с красной зарей и сама красная, потому так и называлась — ый кыныл киэнээтэ (красный вечер Луны), 17-й — күбэ киэнээтэ (вечер скупости)» (Гоголев, 2002. С. 44–45).

«Первый день полнолуния якуты называли кыныл тулуна, т. е. "красное совершенство", второй день полнолуния — үрүн тулуна — "белое совершенство". Месяц у якутов делился на три декады, которые соответствовали фазам луны: сана ый — новолуние, толору ый — полнолуние. На 16-й день Луна начинает убывать, на 22-й она снова достигает половины своего размера и, постепенно уменьшаясь, на 29—30-й день исчезает. Последняя декада называлась ый эргэтэ — старение месяца» (Романова, 2013а. С. 237).

Согласно Г.Ф. Миллеру, деление года у якутов на 13 месяцев по ходу луны. Многие названия месяцев совпадают с современными. Однако есть и отличия. Так ыам ыйа он обозначил как балык ыамын ыйа, т. е. когда рыба мечет икру. В наше время думают, что название месяца обозначает месяц, когда приступают к дойке коров. Г.Ф. Миллер говорит, что балаган ыйа обозначает октябрь, сейчас это месяц сентябрь. Этот месяц называется тёрдённьё, т. е. четвертый месяц, после чего дальнейшие месяцы обозначаются и различаются по числам. Такой месяцеслов им сравнивается с римским, но в отличие от них, по нему якуты не могут объяснить данное явление. Не могут объяснить и тот факт, почему при обратном отсчете первое число приходится на сосновый месяц, или бэс ыйа (Миллер, 2009).

У вилюйских якутов в календаре зафиксировано 13 месяцев. О.Е. Донская, проанализировав календарь вилюйских якутов, пришла к выводу, что по структуре он являлся лунно-звездным, с комбинированным учетом времени по месяцам в холодном и теплом сезонах года (цит. по: Романова, 2013а. С. 238). Подобная система календаря существовала у хоринских бурят. Раньше весь хозяйственный цикл сочетался с языческим верованием «У якутов сен-

тябрь месяц в хозяйственном календаре отмечен как переезд с летника на зимник, т. е. завершение теплого сезона и наступление холодов. По всей видимости, в этих календарных представлениях сохранился архетип осеннего Нового года. Так, якуты осенью устраивали празднество в честь злого божества верхнего мира Улуутуйар Улуу Тойону, где совершались ритуальные жертвоприношения Земле. По данным М.Н. Андросовой-Ионовой, «это пирушка, когда уходит (в вечность) старый год и вступает новый год, называется "празднованием рубежа годов" (дьыл кирбиитин, дьыл ыпсыытын). В.Л. Приклонский приводил легенду об установлении нового времени якутами на Лене, так год у них начинался, когда выпадал снег (сентябрь) и заканчивался, когда снег таял (март)» (цит. по: Романова, 2013а. С. 238).

Скотоводческие предки саха со степей принесли представления о падении рогов быка, с которым связан уход холодной зимы: «В визуализированной образности метафорой движения времени в сезоне холодов выступают «истощение» рога быка -Луны от месяца к месяцу и его "рост" в движении времени в сезоне тепла. Астрономические реалии красноречиво иллюстрируют мифологические представления скотоводческих народов о Луне как покровительнице рогатого скота» (Дашиева, 2015. C. 63).

«Зиму якуты олицетворяли в образе белого быка с голубыми пятнами. К концу января (тохсунньу) зима достигала своей вершины. За день перед концом месяца с юга прилетал могучий орел - символ небесного тепла, он сгребал снег со своего гнезда и издавал звонкий клекот. От орлиного клекота дух зимы отступал, у него поочередно ломались рога, а затем к весне отваливалась и голова. В ледоход туловище быка зимы плывет вниз по Лене в Ледовитый океан, ледоход уносит души умерших за зиму людей и скота» (Романова, 2013б. C. 243).

«Некоторые моменты в фазах луны отмечаются особыми, иногда картинными выражениями.

Тохсунньу ый тогус эргэтэ. Девять старых изменений месяца январь.

Календарь дней месяца. Бютэй сана. Совсем новый (закрытый).

Кыыс дьахтар кыламанын кылбайан тахсыыта (кёстюютэ). Появление с блеском, подобно реснице девушки (икки сантата. Первый день новой половины).

Ый халын кэлбит. Месяц явился вместе с оболочкой (Юс саната. Второй день новой половины).

Бургунас муоһун ынах курдук орбостонон (кёстюютэ). тахсыыта Появление с заострением подобно рогу трехтравой коровы (Тюёрт бас саната. Четвертый-пятый день).

Марда (мадда) айа кёхсё буолбут. Сделался как наружная часть старого самострела.

Аччыгый туолара. Почти полный (Уон тюёрт саната. Четырнадцатый ордуга день).

Улахан туолара. Полный (Уон ордуга биэс саната).

Ыйбытын бу кюн тёбё кырсабыт. Месяц в эту ночь расцепляется пополам.

Ый кыһыла (красный цвет месяца). Юс ордуга тюёрт эргэтэ. Четырнадцатый день старой половины, т. е. 16 день данного месяна.

Халын кэлбит. Пришел с оболочкой (Юс эргэтэ. Третий день второй половины, т. е. 27 день).

Хотун дьахтар ытарбатын йамабын са ба эргиччи бараныыта. Величиною с кольцо серьги госпожи-женщины, закругляясь оканчивается (Икки эргэтэ. 2-й день второй половины, т. е. 28-й день).

Саспыт. Скрылся (29-30-й день)» (Ионов, 1913).

«Два первых месяца составляют у якутов весну - саас (Кулун тутар, муус устар т. е. по современному календарю март и апрель). Три следующих – лето, по-якутски Сайын (Балык ыама, бэс ыйа и от ыйа по современному календарю май, июнь и июль). Затем следуют два осенних месяца (атырдьах ыйа и балаган ыйа, по соврем. август и сентябрь), по якутски кынын. Пятый месяц – это бэсинныи. Шесть последних месяцев составляют зиму, по-якутски кюнюн. Сейчас зиму называют кынын, осень кюнюн» (Миллер, 2009. С. 77).

«"Кюёс быстына" – время, необходимое для того, чтобы в поставленном к огню горшке сварилось мясо. Обычно это один час. "Солуурчах бастына" - время, необходимое для сварки пищи в поставленном к огню бедерке. Обычно полчасу. "Самабаар бастына" - время кипения самовара. «Сыа сыллыыта» - время, необходимое, чтобы поджарить на огне кусочек жира, воткнутый на деревянную палочку. "Сыа сыллыыта" - равняется приблизительно одной минуте. Обыкновенно их употребляют без всякого сравнения с часами и минутами. "Хамсалаах табах быстына" время выкуривания табаку. "Xapax чыпчылыйыыта" – скорость мигания» (Сойкконен).

«Куба ыал кюёһюн ёрюютэ. Приготовление пищи (кюёс - горшок) в скупом хозяйстве (Уон ордуга юс эргэтэ. Тринадцатый день старой половины, т. е. 17-й день данного месяца). В силу гостеприимства обязательного якуты угощают всякого, зашедшего (по делу и без дела) соседа тем, что готово в данный момент. Скупые, чтобы избавиться от этой обязанности, начинают варить пищу позже, когда вечерные посещения прекращаются. Приведенное выше выражение означает, что в этот день месяц всходить поздно, когда скупой ставить свой горшок (кюёс) на огонь» (Ионов, 1913).

«Определение дней конечно приблизительное. Якуты считают тридцать дней в месяце. И двенадцать месяцев в году. Всех названий месяцев больше двенадцати. Кроме числовых обозначений для месяцев есть атырдьах ыйа и бала Банна киирэр ый. Они вставлялись

вместо тёрдюннью – четвертого месяца» (Ионов, 1913).

В танских летописях сохранилось упоминание о том, что в стране гулиганей поставленный в костер горшок с едой не успевает свариться, когда взошедшее солнце скрывается за горизонтом: «Их страна на север достигает моря, отстоит от столицы очень далеко. Еще на север, если перейти через море, то дни длинны, ночи коротки...» (Кюнер, 1961, с. 281). В этом сообщении сохранились древние календарные представления, которые совпадают с якутским учетом времени.

Православный календарь

После перехода в православие якуты перешли в православный календарь. Стали считать дни по церковным праздникам: «Якуты отмечали следующие православные праздники. Кириһиэнньэ (Кирисиэнньэ, 6 января). Охонооһойоп ("Афанасьев, 18 января). Буласты=Ынах танарата ("Власьев", февраля). 11 Хайах сиир (Масленица). Была Быанньа haп = чыычаах уйа туттубата ("Птица гнездо не вьет", Благовещение). Талах тутар (верву держать = вход в Иерусалим). Киристиэп (Христов = Рождество). Дьөгүөрэйэп ("Егорьев", Григорий Победоносец, 23 апреля). Сааскы Ньукуолун (Весенний Николин). Торуойуһун (Троица). Дуухап (Духов). Бөтүрүөп (Петров день, июня). 29 Борокуоппайап (Прокофьев, июня). Ортоку, Кэнники, Сыђарым Бастакы, Ыспааһап (Первый, второй, средний и последний "Спасов", - 1, 2, 15 августа). ("Семенов" – 1 Сэмэнэп сентября). Исийээнэп ("Воздвижение" – 15 сентября). Бокуруоп ("Покров день" – 1 октября). Микээйлэп (Михайлов). Кыһынны Ньукуолун. Ороһостуба (Рождество)» (Ионов, 1913).

Появились деревянные календари, отмечавшие время церковных праздников, приуроченных к трудовому сезону. Такие календари попали в экспозиции краеведческих музеев и даже Американского музея естественной истории: «Якутский годовой календарь XIX в. Принадлежал Петру Герасимову из местности Юнкюрь Джебарского наслега Западно-Кангаласского улуса.

Календарь составлен по старому стилю:

1 сентября — Семенов день. Конец летних полевых работ и начало потребления заготовленного запаса пищи. Постепенный переход с летников на зимники.

14 сентября — Исакьев день. Завершается переезд в зимники.

1 октября — Покров день. Начало настоящего зимнего сезона, с этого дня скот держат в хотоне. Начинается рыбная ловля на мелких озерах.

26 октября — Дмитриев день. Забой скота. Возвращение охотников из тайги. Начало сезона "городчиков", везущих на продажу в город мясо, масло, дичь и т. д.

1 января – Новый год (перенят от русских).

18 января – Середина зимы.

25 марта – Благовещение.

23 апреля – День святого Георгия – покровителя скота.

9 мая – Николин день. Переход на лето. Начало весенних полевых работ. Начало

Статья поступила 20.03.2017 г.

Библиографический список

Дашиева Н.В. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историкоэтнографического и культурногенетического исследования. М. : Наука—Вост. лит., 2015. 239 с.

Гоголев А.И. Традиционный календарь якутов. Якутск, 1999.

Ионов В.М. Примечания. Орел по воззрениям якутов: 1. Почитание орла у якутов, 2. Песня о наступлении года. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1913. [4], 28 с. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии

найма батраков на летние полевые работы. Начало ледохода и летнего плавания.

29 июня — День Петра и Павла. Начало сенокоса и сезона летних работ. Этот праздник всегда проходил многолюдно с национальными танцами и играми.

8 июля – Прокопьев день. Начало массового сенокоса.

20 июля – Ильин день.

1 августа — 1-й Спасов. Полное вызревание хлебов и массовой его уборки. Сбор голубики и черной смородины.

6 августа — 2-й Спасов. Время метания стогов и скирдования хлеба.

Якутские традиционные календари, образуют вертикальный ряд в левом краю правого стенда постоянной экспозиции Американского музея естественной истории в Нью-Йорке (США), посвящённой жизни и традициям народа саха в конце XIX века. Экспозиция называется "The Yakut, a Turkic Tribe of Siberia"» (Николаев Аф.).

Таким образом, календарные представления якутов отражают их этническую историю. Влияние тенгрианской тюркомонгольской цивилизации и православной российской культуры.

Article was received in March, 20, 2017

References

Dashieva N.V. *Kalendar' v tradicionnoj kul'ture buryat: opyt istoriko-ehtnografiches-kogo i kul'turno-geneticheskogo issledovaniya* [A calendar in the traditional Buryat culture: the experience of historical and ethnographic and cultural-genetic research]. Moscow, Nauka Vost., 2015. 239 p.

Gogolev A.I. *Tradicionnyj kalendar' yakutov* [Traditional calendar of the Yakuts]. Yakutsk, 1999.

Ionov V.M. *Primechaniya. Orel po vozz-reniyam yakutov: 1. Pochitanie orla u yakutov, 2. Pesnya o nastuplenii goda* [Notes. Eagle according to the views of the Yakuts: 1. Honoring the eagle from the Yakuts, 2. Song of the coming of the year]. St. Petersburg: type. Imp.

наук; [т. 1], вып. 16).

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 281 с.

Сойкконен И.П. Семейный быт якутов Якутского округа // Материалы Комитета изучения Якутской Республики. Ф. 47. Оп. 2. № 158.

Николаев А. Традиционный календарь якутов. [Электронный ресурс]. http://yakutiafuture.ru/2017/02/05/tradicionnyj -kalendar-saxa/ (15.03.2017)

Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. СПб.: Тип. и хромолитогр А. Траншеля, 1887. Ч. 3. 300 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Романова Е.Н. Лунный и звездный календарь якутов // Якуты (Саха). Сер. Народы и культуры. М.: Наука, 2013а. 599 с.

Романова Е.Н. Календарные символы весна-зима // Якуты (Саха). Сер. Народы и культуры. М.: Наука, 2013б. 599 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 441 с.

Сведения об авторе Ушницкий Василий Васильевич –

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской акадеAcad. Sciences, 1913. [4], 28 p. (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography under the Imperial Academy of Sciences, vol.1, issue 16).

Kyuner N.V. *Kitajskie izvestiya o narodah YUzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Publishing house "Eastern Literature", 1961. 281 p.

Soykkonen I.P. Semejnyj byt yakutov YA-kutskogo okruga [Family life of the Yakuts of the Yakut district]. Materials of the Committee for the Study of the Yakut Republic. F. 47. Op. 2. No. 158. (In Russian)

Nikolaev A. *Tradicionnyj kalendar' yakutov* [Traditional calendar of the Yakuts]. Electr. Resource: (In Russian) Available at: http://yakutiafuture.ru/2017/02/05/tradicionnyj-kalendar-saxa/ (accessed 03.15.2017)

Maak R.K. *Vilyujskij okrug YAkutskoj oblasti* [Vilyui district of the Yakutsk region]. St. Petersburg, Type and chromolithograph A. Tranchelya, 1887. Part. 3. 300 p.

Miller G.F. *Opisanie sibirskih narodov* [Description of the Siberian peoples]. Moscow, Monuments of historical thought, 2009. 456 p.

Romanova E.N. *Lunnyj i zvezdnyj kalendar' yakutov* [The lunar and star calendar of the Yakuts]. Yakut (Sakha). (Peoples and Cultures). Moscow, Nauka Publ., 2013a. 599 p. (In Russian)

Romanova E.N. *Kalendarnye simvoly vesna-zima* [Calendar symbols spring-winter]. Yakut (Sakha). (Peoples and Cultures). Moscow, Nauka Publ., 2013b. 599 p. (In Russian)

Khudyakov I.A. *Kratkoe opisanie Verhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansk district]. Leningrade, Nauka Publ., 1969. 441 p.

Information about the author Vasiliy V. Ushnitsky –

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Ethnography Sector,

Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciмии наук (Якутск),

Российская Федерация, 670007, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: voma@mail.ru

Критерии авторства

В.В. Ушницкий выполнил исследование, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ences (Yakutsk),

1, Petrovsky Str., Yakutsk, The Republic of Sakha (Yakutia), 670007, Russian Federation, e-mail: voma@mail.ru

Attribution criteria

Ushnitsky V.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article **УДК 94(47)**«1915/17»

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-95-108

ПОДВИГ КАВАЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ

© А.В. Олейников

Астраханский государственный технический университет, Российская Федерация, 414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16.

Статья посвящена конной атаке 2-й бригады русской 14-й кавалерийской дивизии, состоявшейся 3 июля 1915 г. у деревни Нерадово. Эти действия стали важнейшим эпизодом Третьего Праснышского сражения — оборонительной операции 1-й и 12-й русских армий против германской группы М.-К.-В. фон Гальвица 30 июня — 5 июля 1915 г. Планируя наступление, немцы рассчитывали в Польше организовать огромный «котел». Потеснив ряд русских полков, они прорвались на стыке 1-го Сибирского и 1-го Туркестанского армейских корпусов. Стрелковые резервы еще только подходили, и командиры корпусов генералы М.М. Плешков и С.М. Шейдеман решили кавалерией атаковать части противника, обходящие фланг русской пехоты.

Командующий 14-й кавалерийской дивизией генерал-майор В.Н. Петерс (Камнев) задействовал 2-ю бригаду (14-й гусарский Митавский и 14-й Донской казачий полки), поскольку 1-я бригада, спешившись, уже вела напряженный бой. Возглавили атаку командиры указанных полков полковники А.И. Вестфален (убит в атаке) и А.А. Карнеев, развернув подчиненных в три линии. «За первыми волнами всадников двигались следующие, которые сметали все живое, попадавшееся им на пути, не беря пленных и не обращая внимания ни на трофеи, ни на собственные потери» – все заняло не более 10 минут. Опрокинута германская 50-я резервная дивизия (229-й, 230-й и 231-й резервные полки), оставившая деревню Нерадово, села Найево-Велки и Найево-Цыты. «Атака была произведена при крайне неблагоприятных условиях – совершенно открытая местность на протяжении 6 верст, пересеченная осушительными канавами, покрытая сплошь густою высокою рожью, под ураганным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, при сильном дожде и ветре». После атаки немцы (на 5 часов) прекратили наступление по всему фронту, а их артиллерия спешно отошла в тыл.

Ключевые слова: Первая мировая война, Нерадово, Третье Праснышское сражение, Конная атака, 14-й гусарский Митавский полк, 14-й Донской казачий полк, Георгиевские награды, потери.

Формат цитирования: Олейников А.В. Подвиг кавалерийской бригады // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 95–108. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-95-108

FEAT OF THE CAVALRY BRIGADE

© A.V. Oleinikov

Astrakhan' State Technical University, 16, Tatischeva Str., Astrakhan', 414025, Russian Federation.

The article is devoted to the cavalry attack of the 2nd Brigade of the Russian 14th Cavalry Division, held in July 3, 1915 near the village of Neradovo. These actions became the most important episode of the Third Prasnysh battle – the defensive operation of the 1st and 12th Russian armies

against the German group of M.-K.-V. fon Galvitz in June 30 – July 5, 1915. Planning the offensive, the Germans hoped to organize a huge "mousetrap" in Poland. Having pushed aside a number of Russian regiments, they broke through at the junction of the 1st Siberian and 1st Turkestan army corps. The rifle reserves were only approaching, and the commanders of the corps generals, M.M. Pleshkov and S.M. Sheydeman decided to attack by cavalry the enemy units, bypassing the flank of the Russian infantry.

Commander of the 14th Cavalry Division Major-General V.N. Peters (Kamnev) involved the 2nd Brigade (the 14th Hussar of Mitav and the 14th of the Don Cossack Regiments), since the 1st Brigade, having dismounted, was already engaged in a tense battle. Attack was led by the commanders of the above-mentioned regiments A.I. Westfalen (killed in attack) and AA. Karneev. "Behind the first waves of riders moved the following, which swept away all the living things that they found on the way, without taking captives and paying no attention to either trophies or their own losses" – all took no more than 10 minutes. The German 50th Reserve Division (229th, 230th and 231th Reserve Regiments), which left the village Neradovo, the villages Nayevo-Velki and Nayevo-Tsyty, was overturned. "The attack was carried out under extremely unfavorable conditions – a completely open area for 6 miles, crossed by drainage ditches covered with thick, high rye, under hurricane artillery, gun and machine gun fire, with heavy rain and wind". After the attack, the Germans (for 5 hours) stopped the offensive along the entire front, and their artillery hastily withdrew to the rear.

Keywords: World War I, Neradovo, Third Prasnysh battle, cavalry attack, the 14th Hussar of Mitav Regiment, the 14th of the Don Cossack Regiment, St. George's awards, losses Citation format: Oleinikov A.V. Feat of the Cavalry Brigade. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 95–108. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-95-108

Третье (или Летнее) Праснышское сражение - одна из важнейших операций кампании 1915 г. на Русском фронте мировой войны. Это оборонительная операция 1-й и части сил 12-й армий русского Северо-Западного фронта против армейской группы М.-К.-В. фон Гальвица (12-й армии) Восточного германского фронта 30 июня -5 июля 1915 г. Третий Прасныш пресек развитие северной клешни летних стратегических «Канн» группы Гальвица, которая совместно с войсками А. фон Макензена, наступавшими из Галиции, должна была замкнуть русские войска в Польше в огромный «котел». В ходе этой операции 3 июля 1915 г. произошло событие, прославившее 14-ю кавалерийскую дивизию конная атака у деревни Нерадово.

В этот день 1-я гвардейская резервная германская дивизия при поддержке частей 50-й резервной дивизии в 8 часов начала атаку русских позиций. 119-й Коломенский и 120-й Серпуховский пехотные полки 30-й

пехотной дивизии не выдержали натиска немцев.

Кроме того, около 10 часов 50-я резервная дивизия, оттеснив 7-й Туркестанский стрелковый полк к д. Конаржево Скузе, начала обходить фланг, поддерживающей стрелков спешенной 1-й бригады 14-й кавалерийской дивизии (14-й драгунский Малороссийский и 14-й уланский Ямбургский Ее Императорского Высочества великой княгини Марии Александровны полки).

Немцы, большие любители наносить удары в стыки объединений и соединений своего противника, прорвались на стыке 1-го Туркестанского и 1-го Сибирского армейских корпусов. Прорыв был многообещающим — и устойчивость двух армий на северном фланге «Польского балкона» оказалась под угрозой. Следовало срочно прикрыть стык, но вследствие отсутствия серьезных резервов и артиллерийских снарядов (шло лето 1915 г. и «снарядный голод» был в самом разгаре) прорыв противника приобретал все более угрожающий характер.

Штаб 1-го Сибирского армейского корпуса направил к месту прорыва последний резерв — 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду, но она не успевала вовремя. Обстановка для 30-й пехотной дивизии становилась критической — во что бы то ни стало нужно было задержать напор немцев и выиграть время. И тогда командование 1-го Сибирского армейского корпуса решило использовать для этой цели единственный мобильный резерв — 2-ю бригаду 14-й кавалерийской дивизии, приказав ей атаковать войска противника, обходящие фланг пехоты.

Приказ предписывал атаковать наступающего противника в направлении на д. Колачково, чтобы парировать германское наступление, грозящее на стыке корпусов разрезать фронт армии. Приказ был отдан командующим дивизией генерал-майором В.Н. Петерсом (Камневым) на основании распоряжения командира 1-го Сибирского армейского корпуса генерала от кавалерии М.М. Плешкова, получившего, в свою очередь, просьбу командира 1-го Туркестанского армейского корпуса генерала от кавалерии С.М. Шейдемана. Оба корпусных командира очень беспокоились за судьбу межкорпусного стыка, палочкой-И выручалочкой для них стала кавалерийская бригада. Задействовать для конной атаки всю 14-ю дивизию возможным не представлялось - спешенная 1-я бригада, как отмечалось, уже завязла в боях.

В соответствии с приказом В.Н. Петерса командование над бригадой принял генерал-майор М.М. Махов, но руководил атакой бригады старший из полковых командиров — командир 14-го гусарского Митавского полка полковник А.И. Вестфален (Ишеев, 1969. № 98. С. 3) (рис. 1).

3 июля в 9 угра А.И. Вестфален приказал бригаде «По коням!», и 14-й гусарский Митавский, и 14-й Донской казачий атамана Ефремова полки развернулись в конном строю на рубеже леса, проходящего западнее д. Луково до д. Конаржево-Скузе (Корольков, 1928. С. 103).

Как вспоминал очевидец, А.И. Вестфален, расставаясь перед боем с командиром 14-го Донского казачьего полка А.А. Карнеевым, на слова казачьего полковника: «Ну, до свидания. Может быть, увидимся», – ответил, протягивая ему на прощание руку: «Безусловно, увидимся, но где? Здесь или там?» – и указал на небо (рис. 2).

Puc. 1. A.И. Вестфален Fig. 1. A.I. Westfalen

Puc. 2. A.A. Карнеев Fig. 2. A.A. Karneev

Около 11-ти часов бригада двинулась в атаку.

Командир гусарского полка, перекрестив свой полк, вытащил шашку, скомандовав: «Полк – за мной!». 1-й, 3-й и 5-й эскадроны развернулись в три линии, в то время как 4-й и 6-й эскадроны под командованием подполковника А.А. Суражевского были выдвинуты к д. Конаржево-Скузе, поддерживая связь с туркестанскими стрелками, а 2-й эскадрон штабс-ротмистра Гурова, рассыпавшись в авангардную лаву перед фронтом бригады, непосредственно атаковал д. Нерадово (рис. 3).

Действовавший левее 14-й Донской казачий полк также развернул в три линии свои пять сотен. Как и А.И. Вестфален, А.А. Карнеев с полковым штабом также находились впереди первой линии полка.

Поддерживая атаку, 23-я конная батарея нанесла огневой удар по д. Нерадово, но вскоре, израсходовав имевшийся запас снарядов, замолкла.

Подполковник А.А. Суражевский, командир гусарского дивизиона, обеспечивавшего развертывание бригады, оставил в д. Конаржево-Скузе 2 пулемета под прикрытием взвода 6-го эскадрона под общим командованием командира 6-го эскадрона ротмистра Брониковского. Сам подполковник с 4-м эскадроном и 3-мя взводами 6-го, развернувшись уступом за левым флангом донцов, галопом также двинулся в направлении д. Нерадово (рис. 4).

Puc. 3. A.A. Суражевский Fig. 3. A.A. Surazhevsky

Впереди бригады мчалась лава 2-го эскадрона.

Атака проходила под дождем, но, несмотря на то, что через поле шла широкая канава, лошади преодолевали ее отлично. Кавалеристы двигались молча, без крика «ура», как и полагается по уставу.

Конники попали под огонь трех легких и одной тяжелой батарей противника. Но остановить кавалерийскую атаку артогнем немцам не удалось — основная часть снарядов ложилась позади бригады. Лишь одна-

Puc. 4. 14-й гусарский Митавский полк. Групповое фото. 1908 г. Fig. 4. The 14th Hussar Mitavsky Regiment. Group photo. 1908

жды 5-я сотня донцов была накрыта германскими снарядами — и от нее отделились несколько лошадей без седоков. Вахмистру 3-го гусарского эскадрона подпрапорщику Дуброву разрывом снаряда оторвало голову, и залитый кровью гусарский конь продолжал мчаться на положенном месте в рядах эскадрона.

Невзирая на ураганный огонь батарей противника, развертывание бригады проходило как на смотру — в образцовом порядке. Равнение, интервалы и дистанции были безукоризненны. Движение сопровождалось большим подъемом духа, перешедшим в искренний энтузиазм.

Донцы прошли через цепь 7-го Туркестанского стрелкового полка. Причем, как только левый фланг бригады проходил стрелковую цепь, солдаты выскакивали из окопов и с криками: «Кавалерия, выручай!» бежали за конницей, которая, тем временем атаковала первую линию германской пехоты.

Попав под интенсивный винтовочный и пулеметный огонь германцев, бригада стала нести большие потери. Наиболее сильно пострадал 2-й гусарский эскадрон, первым врубившийся в германскую пехотную цепь. Несколькими пулями был убит его доблестный командир штабс-ротмистр Гуров, контужен (при падении с убитой лошади) поручик Волковицкий. Но, потеряв большую часть личного состава и оставшись без офицеров, эскадрон, теперь под командой вахмистра эскадрона подпрапорщика Шаповалова, продолжал колоть и рубить немцев.

Эскадроны главных сил также уничтожали доблестно оборонявшихся немцев – лишь немногие из последних побросали оружие и поднимали руки, но никому и в голову не приходило остановиться около сдавшихся, обезоружить и отправить под конвоем в тыл.

На точно отмеренных дистанциях и интервалах, тщательно равняясь, шли гусарский полк, и левее — казачий. Во главе с командирами и штабами.

По воспоминанию очевидца, внезапно атакованная германская пехота оказала упорное сопротивление — солдаты образовывали небольшие кучки-каре и отстреливались вовсе стороны. Но за первыми волнами всадников двигались следующие, которые сметали все живое, попадавшееся им на пути, не беря пленных и не обращая внимания ни на трофеи, ни на собственные потери. Но, сблизившись с противником, кавалеристы понесли под его огнем большие потери — особенно на левом фланге и в центре.

Немцы вели огонь из винтовок и пулеметов, от которого бригада серьезно поредела. Десятки гусар и казаков свалились с лошадей, многие из которых без седоков мчались по полю.

Видя, что остановить кавалерию не удастся, германские артиллеристы решили отойти в тыл. Две батареи уходили, а за ними бежало их пехотное прикрытие.

Вторая волна конницы обрушилась на левый фланг 229-го и правый фланг 230-го резервных пехотных полков. Несмотря на очень тяжелые потери, 1-й эскадрон митавцев пересек германские линии между внутренними флангами немецких полков.

Во 2-й линии германских окопов находился двор с высоким забором, находящийся на околице деревни Нерадово. В деревне занял оборону 3-й батальон и пулеметный взвод 229-го резервного пехотного полка под командованием майора Айльсбергера. Немцы сосредоточили в деревенском дворе несколько пулеметов — один был установлен на крыше дома, еще два — в окнах и еще один находился в сарае.

2 пулемета под командованием лейтенанта Неттера вели кинжальный огонь, от которого кавалеристы несли большие потери. Именно этим огнем были убиты командир 2-го эскадрона штабс-ротмистр Гуров, подпрапорщик Шаповалов и много гусар.

Полковник А.И. Вестфален со штабом также неслись к этому дому. Немцы же, подпустив атакующих на 50–70 шагов, открыли огонь сразу из всех пулеметов.

Сраженный несколькими пулями, упал А.И. Вестфален, а эскадроны, ворвавшись в деревню, рубили упорного врага.

Тут бригада понесла наибольшие потери: погиб командир 3-го эскадрона штабсротмистр Сонин, был ранен командир 1-го эскадрона штабс-ротмистр Шпилев. Когда под командиром 5-го эскадрона ротмистром Васильевым была убита лошадь, комэск при падении ушибся, но продолжал бежать к изгороди, из-за которой стреляли немцы, — и погиб.

Немцы вели огонь из окон, из-за построек и заборов.

Гусары, потерявшие лошадей, продолжали сражаться пешком. Так, гусар 2-го эскадрона Савелов, увидев, что у немецкого пулеметчика произошла задержка в ведении огня, бросился к пулемету и схватил его за дуло. Русский гусар и немецкий пехотинец начали драться, пока гусару не удалось схватить германца за горло и задушить, овладев действующим пулеметом противника.

Шедший уступом за левым флангом казаков дивизион подполковника А.А. Суражевского, также встреченный сильным огнем противника, ворвался в деревню Нерадово. Раненый уже в начале атаки, А.А. Суражевский увлек за собой гусар и прорвался на главную деревенскую улицу, где вновь был ранен — теперь тяжело. Атака дивизиона отвлекла на себя внимание противника, чем способствовала захвату деревни.

Германцы не прекратили обороны, защищаясь от гусар и казаков в отдельных домах, некоторые уже горели.

Овладеть деревней гусарам помогла «царица полей».

Туркестанские стрелки бросились за гусарами А.А. Суражевского и в ходе штыковой атаки захватили Нерадово.

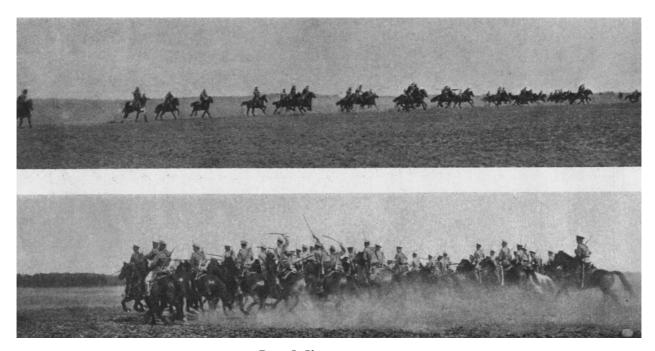
Большая часть бригады, особенно 14-й Донской казачий полк, менее пострадавший чем гусарский и частично перемешавшийся с гусарами, прорвалась через Нерадово. Два эскадрона-сотни обрушились на стоявший с правой стороны деревни 1-й

батальон 229-го резервного пехотного полка и выскочили на возвышенности южнее селения Ленки, пытаясь атаковать находящуюся у кладбища батарею 105-мм орудий и части 231-го резервного пехотного полка. Но убийственный огонь противника скосил основную массу атакующих. При попытке взять батарею противника был ранен и попал в плен поручик Геништа 1-й. На следующий день его навестил в лазарете германский генерал, выразивший свое восхищение и распорядившийся вернуть офицеру Георгиевское оружие (правда, позже, при отправке пленного поручика в тыл, его вновь отобрали) (рис. 5).

К моменту взятия деревни 2-я бригада 14-й кавалерийской дивизии лишилась почти половины своего состава, были выбиты все штаб-офицеры, эскадронные и сотенные командиры и большинство младших офицеров.

От быстрой скачки, сильного огня и рубки живых людей кавалеристы ошалели – и вместо того, чтобы собраться вокруг еще уцелевших офицеров, которые пытались разобраться в обстановке, они по инерции мчались все дальше. В данный момент наиболее остро чувствовалось отсутствие резерва.

Таким образом, остатки бригады продолжали атаку, двигаясь на запад, где наткнулись на левый фланг пехоты противника, теснившей подразделения 1-го Туркестанского корпуса. Под убийственным огнем германской пехоты гусары и казаки все же пробились и у деревни Швелице вышли к позициям туркестанцев. Причем и здесь кавалеристы помогли своей пехоте. Они ударили в спину наступавшим частям германской 86-й пехотной дивизии, которая после тяжелых боев только что заняла высоту 119, находящуюся южнее Найево-Велки. Благодаря этому неожиданному удару, немецкая пехота была вынуждена отступить на север, на высоту 128, оставив села Найево-Велки и Найево-Цыты. Остаток бригады собрался у леса, бывшего исходным рубежом атаки.

Puc. 5. Казачьи атаки Fig. 5. Cossack attacks

Атака частей 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии длилась не больше 10 минут, и, тем не менее, она очень впечатлила германскую пехоту (Корольков, 1928. С. 103).

В истории 231-го резервного пехотного полка зафиксировано, что полк 3 июля 1915 г. участвовал в отражении «блестящей конной атаки русской кавалерийской бригады» (Царевский Б. фон, 1956. С. 24).

Очевидец вспоминал, как из-за фольварка внезапно появились группы лошадей – причем, как будто бы без седоков, и их количество возрастало в геометрической прогрессии. И тут немцу вспомнилась Восточная Пруссия, где ему уже приходилось встречаться с казаками, и он закричал, что это казаки и начинается конная атака. Со всех сторон раздавались крики: «Огонь!», «Они висят на боках своих лошадей!», «Держаться!» Все кто мог держать оружие (включая раненых) открыли огонь – стоя, лежа, с колена. Пулеметы также открыли огонь, осыпая атакующих кавалеристов градом пуль.

Всадники появлялись в сомкнутых строях, и, рассыпавшись «как развязавшийся сноп», мчались на пехоту — казаки с пиками в руках, гусары с обнаженными шаш-

ками. Часть кавалерии повернула на фольватер Сцеты. Впереди с высоко поднятыми шашками скакали два офицера, один на белом, другой на караковом коне. Немец отмечал, что «Эти подробности до сего времени живы в моей памяти ...

... позади нас на пригорке стояли в сомкнутых строях резервы. Ими открыт был поверх наших голов огонь, причем часть пуль, к несчастью, попадала и в наши ряды. Мне и сейчас еще слышатся крики: «Огонь! Огонь! Беглый огонь!». Затем команды: «Лечь! Встать! Принимай их на штыки!..». И все в это время стреляло так, что стволы винтовок раскаливались...».

Очевидец отметил полевой галоп мчавшейся ураганом кавалерии, «дикие сарматские лица» всадников и острия страшных пик. Немцами «овладел ужас» и «волосы встали дыбом». Все что они могли делать — это стрелять, пытаясь подороже продать свои жизни. Офицеры напрасно подавали команду «Ложись!» — близость страшной опасности заставила всех, кто пока еще мог, вскочить на ноги.

«Однако наш ураганный огонь косил мчавшуюся навстречу своей гибели русскую кавалерию. ... То здесь, то там высоко подымалась на дыбы и опрокидывалась

лошадь; попав под пулеметный огонь в упор, падали или спрыгивали с подбитых лошадей всадники, лошади закидывались, падали, неслись, взбесившись, не слушая повода, в разные стороны, внося беспорядок в собственные ряды». ...

Рядом с автором этих воспоминаний казак пикой пробил его сотоварища, и волочил его, пока сам не упал с лошади, сраженный несколькими пулями.

«Некоторым удалось проложить себе путь сквозь нашу цепь; они доскакали до наших резервов ... Часть атакующей конницы прорвалась сквозь фольварк Сцеты, повернув затем на запад, в направлении на Швелице...

Казаки и гусары пожертвовали собой во имя спасения своей ... пехоты.... В этот день мы прониклись уважением к русской коннице» (Бекман В. 1939. С. 19–21) (рис. 6).

Другой фронтовик, командир батальона 229-го резервного пехотного полка также отметил: «И теперь еще холодеет у меня кровь в жилах, когда встает в моей памяти зрелище атаки, обрекшей себя на смерть конницы. Как на арене развернулась перед моими глазами эта атака на протяжении едва ли большем двух минут» (Там же. С. 21).

Русский очевидец, в свою очередь, вспоминал, как много трупов кавалеристов и пехотинцев осталось лежать на нерадовских полях. Вспоминал лежащего ничком убитого казака с залитым кровью лицом и стоящую возле него лошадь с перебитой ногой — казак держит повод в руке, а лошадь стоит, понурив голову, подсунув ее к хозяину, и как будто хочет подсадить его в седло. Лежит масса немцев со страшными ранами от шашек и пик. У многих мертвецов пики не выдернуты — и пехотинцы сжимают их мертвыми пальцами.

После боя бригада собиралась у леса, откуда началась атака. Сказалось то, что своевременно не были обезоружены и эвакуированы в тыл немцы, сдающиеся в плен – они встретили огнем возвращавшиеся обратно те группы кавалеристов, которым не удалось прорваться на д. Швелице. Поэто-

Puc. 6. Казачья атака Fig. 6. Cossack attack

му не удалось и вынести труп А.И. Вестфалена, павшего у высокого забора нерадовского двора, — немцы, оборонявшие двор, также не были обезоружены, и чтобы вернуть тело полковника, нужно было вновь атаковать этот роковой двор, но на это уже сил не было. Многие кавалеристы возвращались пешком, и некоторые из них ловили лошадей и вновь садились в седло, подбирали раненых (Ишеев П., 1969. С. 5).

Ключевым фактором нерадовского боя стало то, что конная атака полуторатысячной массы пик и сабель оказалась полной неожиданностью для немецкой пехоты - и две ее линии фактически были уничтожены. Но третья линия пехоты встретила кавалерию сильным винтовочно-пулеметным огнем, в т. ч. из д. Нерадово. Кавалеристам пришлось вести непривычный для них бой за населенный пункт: во-первых, это сбило темп атаки, во-вторых, именно в этот период бригада понесла основные потери. Тем не менее в ходе боя атакующая русская конница дошла до артиллерийских позиций неприятеля. Противником были потеряны три населенных пункта - оставлены села Найево-Велки и Найево-Цыты, а деревня Нерадово была захвачена русскими в бою. Мощный фронтальный и фланговый огонь в конечном итоге вынудил бригаду разделиться, а затем и повернуть назад – потери кавалерии достигли 40 % состава (а эскадроны, атаковавшие в первой линии, потеряли до 80 %).

Наступательный темп немцев резко замедлился, а действия германской пехоты стали крайне осторожным. В этой ситуации русские пехотинцы и туркестанские стрелки приободрились и контратаковали врага. Успех кавалерии помог батальонам 30-й пехотной дивизии и 7-го и 8-го Туркестанских стрелковых полков организовать отход до рубежей линии д. Годачи — Выпихи — Луково — пехота смогла планомерно отойти, избежать преследования противника и вынести всех раненых с поля боя (лишь туркестанцы потеряли 3 июля в общей сложности 450 человек) (Корольков, 1928. С. 103).

Puc. 7. Гусар 14-го гусарского Митавского полка в парадной форме
Fig. 7. Hussar of the 14th Hussar Mitavsky
Regiment in parade uniform

Puc. 8. Группа обер-офицеров 14-го гусарского Митавского полка в парадной форме Fig. 8. Group of chief officers of the 14th Hussars' Mitavsky Regiment in parade uniform

«Краткое описание боевых действий 14-го Донского казачьего Войскового Атамана Ефремова полка с 19-го Июля 1914 г. по 1-е Декабря 1915 г.» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Ч. 2) дает следующую лаконичную характеристику этих событий: «3-го Июля 1915 г. в образовавшийся прорыв между Туркестанским и Сибирским корпусами немцы перешли в энергичное наступление. На выручку пехоте полк в составе 2-й бригады 14 кавалерийской дивизии произвел конную атаку на наступающую немецкую пехоту в районе д. Нерадово - Колачково. Атака была произведена при крайне неблагоприятных условиях совершенно открытая местность на протяжении 6 верст, пересеченная осущительными канавами, покрытая сплошь густою высокою рожью, под ураганным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, при сильном дожде и ветре. ... После атаки немцы совершенно прекратили наступление по всему боевому фронту».

Необходимо отметить, что под Нерадово русской кавалерией была опрокинута не деморализованная, отступающая или находящаяся на марше пехота противника, а наступающая в развернутых боевых порядках и одухотворенная недавним успехом германская дивизия — то есть мощная боевая единица при полноценной поддержке пулеметов и артиллерии. Потерпела поражение 50-я резервная дивизия — ее 229-й, 230-й и 231-й резервные пехотные полки. Из зарегистрированных 700 раненых и 100 убитых в бою 3-го июля бойцов этого соединения большинство выбыло из строя в ходе кавалерийской атаки.

Под Нерадово митавские гусары заработали крайне престижную коллективную боевую награду — Георгиевский штандарт (Горохов, 2008), но потеряли своего героякомандира. Гусарский полк потерял 9 офицеров (включая командира полка) убитыми и 13 ранеными, казачий — 2 офицеров убитыми, 1 пропал без вести, 2 были ранены и после этого попали в плен, еще 2 ранены. Были убиты и ранены 250 гусаров и 161 казак.

Бригада получила благодарность командующего 1-й армией генерала от кавалерии А.И. Литвинова, Верховного главнокомандующего (Николай Николаевич назвал бой у Нерадова «атакой, воскресившей старые заветы русской конницы») и Высочайшую благодарность. А.И. Вестфален посмертно был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в генерал-майоры. Подполковник А.А. Суражевский, поручик Геништа 1-й были представлены к ордену Святого Георгия 4-й степени, а штабс-ротмистр Пышнев и ротмистры Картавцев и Шпилев — к Георгиевскому Оружию.

В 14-м Донском казачьем полку кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени стал его командир полковник А.А. Карнеев. Пятеро офицеров (войсковые старшины Л.Т. Быкадоров и Л.Т. Раздоров, есаулы И.Ф. Рыковский и И.А. Фарафонов, подъесаул С.И. Якушев) получили Георгиевское оружие. 30 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 30 казаков — Георгиевскими медалями. Причем подавляющее большинство боевых наград офицеров полка в ходе Первой мировой войны — за бой 3 июля 1915 г.

«Описание подвигов офицеров 14-го Донского казачьего Войскового Атамана Ефремова полка, награжденных с начала войны по 1-е января 1917 года орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Ч. 2) следующим образом характеризует подвиги казачьих офицеров.

Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени Карнеев Александр Александрович. За то, что 3-го июля 1915 года в бою с германцами в районе д. Нерадово — Луково, когда германская пехотная бригада двинулась в образовавшийся промежуток между 1-м Сибирским и 1-м Туркестанским армейскими корпусами, угрожая окончательным прорывом боевого расположения этих корпусов, что ставило в особое тяжелое и опасное положение находившийся на правом фланге 1-го Туркестанского корпуса 7-й Туркестанский стрелковый полк, — Пол-

Рис. 9. Офицеры 14-го гусарского Митавского полка. 1913 г., г. Ченстохов. Слева направо стоят: Тинков, Брониковский, Абрумянц, Петровский, Королев, Обидзицкий; сидят: Картавцев, Соколов, Пышнев, Пушкин (в уланской форме), Сонин, Самилович; первый ряд: Воронин, Войтекунас, Акаре

Fig. 9. Officers of the 14th Hussar Mitavsky Regiment. 1913, Częstochow. From left to right are standing: Tinkov, Bronikovsky, Abrumyants, Petrovsky, Korolev, Obidzitsky; sitting: Kartavtsev, Sokolov, Pyshnev, Pushkin (in Ulan form), Sonin, Samilovich; first row: Voronin, Voitekunas, Akare

ковник Карнеев, лично командуя своим полком, в голове его бросился в атаку на немецкую пехоту и, жертвуя собою, прошел насквозь три линии немецких цепей под сильнейшим пулеметным и ружейным огнем противника, причем зарублено и переколото было много немцев, после сего самое наступление противника прекратилось, его артиллерия была спешно уведена, а намеченный противником опасный для нас прорыв в стыках двух корпусов был парализован.

Награждены Георгиевским оружием

Бывший командир 6-й сотни Есаул (ныне Полковник) Рыковский Иван Федорович. За то, что 3-го июля 1915 года, когда значительные силы германцев прорвав наше расположение у д. Колачково, стали

распространяться в образовавшемся прорыве между корпусами (Туркестанским и Сибирским), сильно наседая на нашу пехоту, 2-й бригаде 14-й кавалерийской дивизии было приказано произвести конную атаку с целью приостановить наступление немцев. Есаул Рыковский, несмотря на ураганный огонь на расстоянии пяти верст по совершенно открытой местности, командуя своей сотней, личным примером храбрости довел до противника, врубился в него и произвел среди германской пехоты замешательство; чем и было остановлено дальнейшее наступление противника, и наша пехота спокойно отошла и заняла указанную ей для обороны позицию.

Бывший командир 2-й сотни Есаул (ныне Полковник) Фарафонов Илья Андреевич. ... Фарафонов, командуя двумя

сотнями резерва, несмотря на ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, на расстоянии свыше пяти верст, по совершенно открытой местности, пересеченной несколькими осушительными каналами, лично руководя дивизионом, врубился с ним в цепи противника и, пройдя три линии, произвел в них замешательство...

Командующий 4-й сотней Войсковой Старшина Раздоров Леонид Трофимович. ... Раздоров... командуя своей сотней, довел ее до соприкосновения с противником, врубился в него и, пройдя три линии германской пехоты, цель была достигнута ...

Быкадоров Иван Федорович ..., командуя двумя сотнями первой линии, несмотря на губительный артиллерийский и пулеметный огонь, ... довел свои части первой линии до противника, врубился в него и, пройдя три линии германской пехоты, произвел среди них замешательство...

Бывший командующий 2-й сотней Подъесаул Якушев Степан Иванович. ... Командир 2-й сотни Подъесаул Якушев, воодушевляя казаков примером хладнокровия и храбрости, под убийственным пулеметным и ружейным огнем, идя во главе своей сотни, ... смело врубился в ряды немцев, пройдя три ряда немецких полевых окопов, где был ранен и умер на поле сражения. После атаки наступление немцев было приостановлено, и частям Туркестанского и Сибирского корпусов дана была

Статья поступила 30.03.2017 г.

Библиографический список

Бекман В. Немцы о русской армии. Прага, 1939.

Горохов Ж. Русская императорская кавалерия 1881–1917. М., 2008.

Ишеев П. Конная атака 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии // Военная быль. 1969. № 98.

возможность беспрепятственно отойти и занять указанные им позиции.

Русской конницей у Нерадово была решена важнейшая оперативно-стратегическая задача.

Северная группа германских войск фон Гальвица, пытавшаяся выйти к Пултуску и мостам через Нарев, не смогла соединиться с южной группой австро-германских войск, наступающих через Холм-Люблин. Не смогла не в последнюю очередь благодаря действиям бригады 14-й кавалерийской дивизии. Русским войскам на левом берегу Вислы грозила опасность быть окруженными — и жертвенный подвиг митавских гусар и донских атамана Ефремова казаков позволил русскому командованию задержать наступление противника, перебросить резервы и дать своей пехоте передышку.

Прорыв, угрожавший 1-й армии серьезными неприятностями, был локализован – и противник приостановил победоносное наступление на стыке корпусов, что позволило пехоте привести себя в порядок. Причем наступление немцев, возобновившееся лишь к ночи, было более сдержанным, а артиллерийский огонь, ставший гораздо слабее, велся с более дальних дистанций.

Таким образом, смелый маневр геройской бригады спас армию, парировав перспективный прорыв германцев. Наступление немецкой пехоты было задержано на пять часов — и бесценное время было куплено кровью русской кавалерии.

Article was received in March, 03, 2017

References

Bekman V. *Nemtsy o russkoi armii* [The Germans about the Russian Army]. Praga, 1939.

Gorokhov Zh. *Russkaya imperatorskaya kavaleriya 1881–1917* [Russian Imperor Cavalry, 1881–1917]. Moscow, 2008.

Isheev P. *Konnaya ataka 2-i brigady 14-i kavaleriiskoi divizii* [Horse Attack of the 2nd Brigade of the 14th Cavalry Division]. *Voennaya byl'* [Military history]. 1969. No. 98.

Корольков Г.К. Праснышское сражение. Июль 1915 г. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. С. 103.

Царевский Б. фон. Атака 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии у Нерадово 16 – VII – 1915 г. // Военная быль. 1956. № 19.

Сведения об авторе

Олейников Алексей Владимирович -

доктор исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,

Астраханский государственный технический университет,

Российская Федерация, 414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16;

профессор кафедры истории России,

Астраханский государственный университет,

Российская Федерация, 414025, г. Астрахань, ул. Татищева 20 а, e-mail: stratig00@mail.ru

Критерии авторства

А.В. Олейников выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Korol'kov G.K. *Prasnyshskoe srazhenie. Iyul' 1915 g.* [Prasnysh battle. July 1915]. Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. P. 103.

Tsarevskii B. fon. *Ataka 2-i brigady 14-i kavaleriiskoi divizii u Neradovo 16 – VII – 1915 g.* [Attack of the 2nd Brigade of the 14th Cavalry Division near Neradovo, July, 16, 1917]. *Voennaya byl'* [Military history]. 1956. No. 19.

Information about the author Aleksei V. Oleinikov –

Doctor of Science, Associate Professor of the Department of civil-law subjects,

Astrakhan' State Technical University,

16, Tatischeva Str., Astrakhan', 414025, Russian Federation;

Professor of the Department of history of Russia.

Astrakhan' State University,

20A, Tatischeva Str., Astrakhan', 414025, Russian Federation.

e-mail: stratig00@mail.ru

Attribution criteria

Oleinikov A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-109-121

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА – ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Н.С. ТИМАНОВСКИЙ

© С.Г. Шилова

Российский государственный военный архив,

Российская Федерация, 105183, г. Москва, ул. Адмирала Макарова, д. 29.

В Гражданскую войну, среди офицеров «цветных» полков ведущую роль всегда играли офицеры-первопроходники, участвовавшие при зарождении Белого движения в легендарном Первом Кубанском «Ледяном» походе Добровольческой армии. Рассматривается проблема отношения гражданских и военных властей в городах на линии фронта. Статья посвящена георгиевскому кавалеру, «быховцу», «железному стрелку», «марковцу», ставшему уже при жизни живой легендой, генерал-лейтенанту Николаю Степановичу Тимановскому.

Ключевые слова: Н.С. Тимановский, Гражданская война, Брусиловский прорыв, Добровольческая армия, ВСЮР, Белое движение, Одесская бригада, Марковская дивизия, Марковский полк, марковцы, Железная дивизия.

Формат цитирования: Шилова С.Г. Живая легенда — генерал-лейтенант Н.С. Тимановский // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 109—121. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-109-121

LIVING LEGEND – GENERAL-LEITENANT N.S. TIMANOVSKY

© S.G. Shilova

Russian State Military Archive,

29, Admirala Makarova Str., Moscow, 105183, Russian Federation.

In the Civil War, among the officers of the "colored" regiments, the leading pioneers participated in the birth of the White Movement in the legendary First Kuban "Ice" campaign of the Volunteer Army always played a leading role. The problem of the attitude of civil and military authorities in the cities on the front line is considered. The article is dedicated to the St. George Cavalier, "Byhovets", "Iron Arrow", "Markovets", who already became a living legend during his lifetime, Lieutenant-General Nikolai Stepanovich Timanovsky.

Keywords: N.S. Timanovsky, Civil War, Brusilovsky Breakthrough, Volunteer Army, VSYUR, White Movement, Odessa Brigade, Markov Division, Markovsky Regiment, Markovites, Iron Division

Citation format: Shilova S.G. Living Legend – General-Leitenant N.S. Timanovsky. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 109–121. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-109-121

Согласно списку по старшинству, Николай Степанович Тимановский родился

вольческой армии и Вооружённых сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 1997. С. 234; Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. С. 488–489; Русская армия в Первой мировой войне

¹ Биографические сведения о Н.С. Тимановском представлены в справочной литературе: Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добро-

16 августа 1885 г. в православной крестьянской семье в Виленской губернии (в справочниках по Белому движению годом рождения Тимановского указан 1889 г.). Окончив шесть классов 2-й Санкт-Петербургской гимназии, он продолжил образование в Одесском пехотном юнкерском училище, который окончил по первому разряду. На военной службе Николай Степанович состоял нижним чином с 1 октября 1902 г. Чин прапорщика запаса он получил 24 декабря 1904 г., подпоручика – 21 февраля 1905 г., поручика – 21 февраля 1911 г. Свой первый боевой опыт молодой Тимановский получил во время Русскояпонской войны (1904–1905 гг.), в ходе которой был ранен (причислен ко 2-му классу раненых).

О ранении Тимановского во время войны с Японией существуют разные свидетельства. В материалах Особого отдела Главного штаба по сбору сведений о потерях в Русско-японской войне указано, что зауряд-прапорщик 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Николай Тимановский контужен (РГВИА. Ф. 400. Оп. 32. Д. 180. Л. 30 об. 31). В списке же по старшинству 13-го стрелкового полка он представлен раненым, причисленным ко 2-му классу Александровского комитета о раненых. Полученное ранение вынуждало Тимановского ходить, опираясь на палку. В то же время, не исключается и вероятность

(http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3146). O военном строительстве «цветных» частей подробнее см.: Гагкуев Р.Г. Белое движение на юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав 1917-1920 гг. М., 2012. Biographical information about N.S. Tymanovsky is

represented in the reference literature: Rutych N.N. Biographical reference book of the highest ranks of the Volunteer Army and the Armed Forces of the South of Russia. Materials on the history of the White movement. M., 1997. P. 234; Volkov S.V. The generals and staff officers of the Russian Army. Experience of the martyrology. M., 2012. P. 488-489; Russian Army in WWI (http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3146). On the military construction of the "colored" troops see:

Gagkuev R.G. White movement in the south of Russia. Military construction, sources of manning, social composition in 1917-1920.

пулевого ранения, приведшего к аналогичным последствиям (Абашина М.В., Николаев Д.К.).

В Русско-японскую войну Н.С. Тимановский был награждён Знаками отличия Военного ордена Святого Георгия. В капитуле орденов за ним записано три креста:

4-й степени № 101485 был вручён 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, старшему унтер-офицеру 11-й роты Николаю Тимановскому за мужество и храбрость, оказанные им в бою с японцами 13-25 августа 1904 г. под Ляояном (Маркин Д., Бутрым И., 2006. С. 321); 4-й степени № 122731, того же полка и роты заурядпрапорщику Николаю Тимановскому был пожалован за выказанное отличие, мужество и храбрость за время боёв 12-16 января 1905 г. (Там же. С. 566); 3-й степени № 20108, того же полка и роты заурядпрапорщику Николаю Тимановскому был дан за мужество и храбрость, оказанные им в боях с японцами в январе 1905 г. (Там же. C. 188).

Во время Русско-японской войны Тимановский служил в 11-й роте 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Осенью 1903 - весной 1904 гг. происходило переформирование Восточно-Сибирских стрелковых бригад с полками двухбатальонного состава в стрелковые дивизии с трёхбатальонными полками. При этом третьи батальоны формировались из частей Европейской России. Так, 11-я и 12-я роты комплектовались из состава 37-й пехотной дивизии (петербургского квартирования), что видно из Высочайшего приказа от 10 февраля 1904 г. о переводе ряда офицеров полков этих дивизий в 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк (Высочайшие приказы..., 1904. С. 189). По мнению современных исследователей М.В. Абашиной и Д.К. Николаева, «именно это обстоятельство, позволило Тимановскому записаться добровольцем в 11-ю роту полка и попасть с ней на Дальний Восток. Роты прибыли на театр военных действий 17-18 марта 1904 г. О прибытии третьего батальона полка в марте свидетельствовал и офицер полка И.Е. Иванов. С этих дней и следует отсчитывать пребывание Тимановского на войне. Можно полагать, что первый Знак отличия военного ордена заслужен им в боях под Гуцзяцзы и Маэтунем. Отличие в январе 1905 г. связано с боями при Сандепу» (Абашина М.В., Николаев Д.К.).

Всего за Русско-японскую войну Николай Степанович был награждён знаками отличия Военного ордена 3-й и 4-й степеней (1904), а также орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (16 апреля 1906 г.).

После окончания Русско-японской войны и выздоровления Николай Степанович сдал офицерский экзамен, после чего 8 января 1910 г. был переведён подпоручиком в 13-й стрелковый генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полк (Высочайшие приказы..., 1910. С. 12). Уже в мирное время Тимановский был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (21 января 1907 г.) и орденом Святой Анны 3-й степени (5 марта 1913 г.) (РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14366. Л. 589, 602 об., 603).

13-й стрелковый генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полк был одним из четырёх полков 4-й стрелковой («железной») бригады, которая во время Великой войны была развёрнута в дивизию. Командовал «железными» стрелгенерал-лейтенант А.И. Деникин, ками променявший с началом Первой мировой войны штабную работу на фронт (во главе дивизии он находился два года). В рядах своих стрелков он воспитал будущих героев Добровольческой армии, среди которых были выдающиеся офицеры, отдавшие свои жизни за Белое движение - С.Л. Марков и Н.С. Тимановский. По признанию самого Деникина, «железные стрелки» всю войну выполняли роль своеобразной «кареты скорой помощи» и «пожарной команды», подкрепляя дух дрогнувших, усиливая ослабевших, приходя на выручку всем и всюду.

В составе 13-го стрелкового полка в чине поручика Тимановский вышел на фронт Великой войны. Вот как описал под-

виг младшего офицера 1-й роты 13-го стрелкового полка Тимановского, представляемого к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени, командир 13-го стрелкового полка генерал-майор С.Л. Марков: «Младший офицер 1-й роты вверенного мне полка поручик Тимановский в боях 26 и 27 августа личным примером мужества и храбрости поддерживал стойкость роты под сильным и действительным огнём противника. Вечером 27 августа, во время ночной атаки противника под дер[евней] Румно со взводом стрелков... неустрашимо бросился в штыки на австрийцев. Зарвавшись вперёд, он был один окружён австрийцами и, отбиваясь от них шашкой и револьвером, получил 2 раны, из коих одну штыковую, упал без чувств и был вынесен из боя стрелками» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26679. Ч. 2. Л. 123–125 об.). За Великую войну Николай Степанович был дважды ранен - в бою 27 августа 1914 г. и в сентябре 1915 г.

Командир «железных» стрелков генерал-лейтенант А.И. Деникин так описывал бои у деревни Творильни в феврале 1915 г.: «Положение наше таково: за обедом пуля пробила окно и размозжила чью-то тарелку, другая застряла в спинке стула, а если кому нужно днём выйти их хаты, тот брал с собой пулемётный щит. Австрийцы несколько раз пытались отрезать нас от Сана, но с большим уроном отбрасывались. Там действовал доблестный и бесстрашный подполковник 13-го полка Тимановский, прозванный солдатами «Железный Степаныч» (Деникин А.И. Путь..., 2003. С. 251).

Вот описание легендарной атаки, за которую Тимановский был пожалован Георгиевским оружием: «...В бою 16 февраля 1915 г. у Творильни, командуя ротой, всюду сам поспевал, бросаясь лично в штыки, отбил 4 атаки противника на высоте 618; перейдя в решительную контратаку, прекратил этим дальнейшие атаки, причём забрал в плен 1 офицера и около 50 нижних чинов» (РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 85. Л. 71 об.). А вот ещё описание этого же подвига: «15 февраля [1915 г.] поручик Ти-

мановский, ещё не вполне оправившийся от тяжёлой раны, командуя 1-й ротой, являл своим примером образец высшей воинской доблести, исключительного самопожертвования и громадной твёрдости духа. Руководя огнём роты, всюду сам поспевая, бросаясь лично в штыки и перейдя, наконец, в решительную атаку, забрав при этом около 50 нижних чинов и 1 офицера в плен, он остановил атаки противника» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26973. Л. 886–887).

Начальство отмечало также успешную и плодотворную работу Николая Степановича с личным составом. Например, в приказе по полку № 234 (РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 81. Л. 50-51 об.) от 6 июля 1915 г. (деревня Стенятынь) указывалось: «15 июня сего года штабс-капитан Тимановский вступил во временное командование 11-м батальном. Работая с ним больше месяца, руководя им на позиции и в дни отдыха, штабс-капитан Тимановский превратил вчерашних ополченцев в настоящих стрелков. Сердце радовалось, глядя на роты славного 11-го батальона в последнее время. Полный внутренний порядок, общая подтянутость, прекрасный дух рот - вот результат последовательной, вдумчивой и настойчивой работы штабс-капитана Тимановского. Сам солдат по призванию, он и всех вокруг себя превратил в настоящих воинов. От лица службы приношу штабскапитану Тимановскому сердечную благодарность за его работу и глубоко уверен, что вручённая ему ныне команда разведчиков будет образцовой».

Приказом по полку № 233 от 6 июля 1915 г. (деревня Стенятынь) командующий 3-й ротой (он же временно командующий 2-м батальоном) штабс-капитан Тимановский был назначен начальником команды разведчиков с 26 июля 1915 г. (РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 81. Л. 50–51 об.).

Ранения сменяли одно другое. Во второй половине лета 1915 г. Николай Степанович был в очередной раз ранен, эвакуирован и вернулся в полк уже в начале осени. Приказом по 13-му стрелковому генерала-фельдмаршала Великого князя Нико-

лая Николаевича полку № 295 от 10 сентября 1915 г. (г. Луцк) начальник команды разведчиков штабс-капитан Тимановский рапортом от 9 сентября за № 13 донёс, что он того же числа по выздоровлению прибыл в полк (РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 83. Л. 12–13).

А через два месяца приказом полку № 361 от 3 ноября 1915 г. Н.С. Тимановский был произведён из штабс-капитанов в капитаны со старшинством с 21 июня 1915 г. (РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 85. Л. 5—7 об., 124). Через месяц приказом по полку № 404 от 5 декабря 1915 г. Николай Степанович был назначен командиром 4-го батальона (РГВИА. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 86. Л. 14—15).

За доблесть, проявленную во время Луцкого прорыва (современному читателю он больше известен как Брусиловский прорыв), длившегося с мая по сентябрь 1916 г. Тимановский получил офицерский Георгиевский крест и Георгиевское оружие. 2 апреля 1916 г. за боевые отличия он был произведён в подполковники со старшинством 26 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 3528. Оп. 1. Д. 125. Л. 43 об.). Всего за Великую войну Тимановский был награждён несколькими орденами: Святого Георгия 4-й степени (27 августа 1914 г.), Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (15 августа 1914 г.). За бои с 17 января по 2 февраля 1915 г. Николай Степанович был представлен к награждению орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами, а за бой 20 февраля 1915 г. - к Георгиевскому оружию.

Одну из битв описал в своём очерке «Железная дивизия в Луцком прорыве» командир дивизии А.И. Деникин: «...Далеко впереди за первой полосой показались редкие цепи наших стрелков – такие, казалось, одинокие и затерянные... Под сильным огнём австрийской артиллерии они шли на вторую полосу; вёл их подполковник 13-го полка Тимановский — один из храбрейших железных стрелков, знаменитый «Степаныч», впоследствии — начальник Марковской дивизии. Шёл в открытую, опираясь

на палку – в атаку он всегда ходил без оружия, – не спеша, останавливаясь, подзывая кого-то рукой» (Деникин А.И., 1931). Вероятно, именно после этого случая, когда Николай Степанович, не оправившись толком от очередного ранения, «повёл батальон 13-го стрелкового полка в атаку против немцев в белой рубахе, опираясь на трость, подполковник Тимановский и превратился в «Железного Степаныча» (Богенгардт В.А., 1963. С. 7).

В 1917 году за боевые отличия Тимановский был произведён в полковники и назначен командиром Георгиевского батальона в Могилёве при Ставке Верховного главнокомандующего. В феврале 1917 г. Тимановский под командованием генерала от артиллерии Н.И. Иванова был отправлен в Петроград, но не смог продвинуться далее станции Вырица. Не получив никаких приказаний от генерала Иванова, вынужден был вернуться обратно в Могилёв.

22 мая 1917 г. Временным правительством вместо генерала от инфантерии М.В. Алексеева новым Верховным главнокомандующим был назначен генерал от кавалерии А.А. Брусилов. Прибыв в Могилев, «революционный генерал», по воспомина-

Puc. 1. H.C. Тимановский в 1917 г. Fig. 1. N.S. Timanovsky, 1917

ниям А.И. Деникина, повёл себя на новомодный «демократический» манер, ломая всякую субординацию, разрушая устои армии. Брусилов, «обходя почётный караул георгиевцев, не поздоровался с доблестным израненным командиром их, полковником

Puc. 2. В Ставке весной 1917 г. Справа – командир Георгиевского батальона полковник Н.С. Тимановский Fig. 2. In the General Headquarters in the spring of 1917. Right – commander of the St. George Battalion Colonel N.S. Timanowsky

Тимановским и офицерами, а долго жал руки солдат, посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые «на караул» (Деникин А.И., 2003. С. 249).

Осенью 1917 г. на долю Николая Степановича выпала охрана так называемых «быховских узников» - участников авгу-Корниловского стовского выступления. Среди арестованных генералов и офицеров в период быховского заточения с бывшим верховным главнокомандующим генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым находились генералы: А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, С.Л. Марков и др. Деникин впоследствии вспоминал, что «чаще других приезжали «по должности» комендант Ставки, полковник [Н.Н.] Квашнин-Самарин [...] и командир Георгиевского батальона, полковник Тимановский, ранее – офицер «железной дивизии». Оба они были глубоко преданы и корниловскому делу, и лично нам, и выдерживали яростный напор со стороны могилевских советов, которым не давала покою Быховская тюрьма. Квашнин-Самарин парировал нападки советов необыкновенным хладнокровием и тонкой иронией; Тимановский терпел, мучился и ждал только дня нашего освобождения, чтобы освободиться самому от нестерпимой жизни в развращённой среде георгиевских солдат» (Деникин А.И., 2003. Кн. 2. С. 88).

В Добровольческую армию Николай Степанович прибыл одним из первых. Уже в декабре 1917 года он был командиром роты офицерского батальона, а с 12 февраля 1918 г. – помощником командира Сводно-офицерского полка будущего 1-го офицерского пехотного генерала Маркова полка. Сослуживцы так описывали своего командира: «Высокий рост, атлетическое сложение, ясные голубые, близорукие глаза за очками и слегка развалистая походка, такая странная для пехотного офицера – всё говорило о силе и простоте» (Богенгардт В.А., 1963. С. 8). Интересно, что «из плеяды блестящих офицеров генерал Л. Марков

выбрал в помощники себе Тимановского. Штаб генерала Маркова состоял из «Степаныча» — по оперативной части и «Гаврилы» (доктор Г.Д. Родичев) — по инспекторской» (Богенгардт В.А., 1963. С. 7).

За период гражданской войны о Н.С. Тимановском сохранилось крайне мало документов. До наших дней не дошло ни послужного списка, ни характеристик, ни личного дела (поиски велись в трёх федеральных архивах: Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)). Сохранились лишь отдельные приказы о чинопроизводстве.

Николай Степанович участвовал в Первом и Втором Кубанских походах. С марта 1918 г. он занимал должность начальника штаба 1-й пехотной бригады Добровольческой армии. Офицер Всеволод Богенгардт, оставивший воспоминания о Втором Кубанском походе, в котором Николай Степанович командовал уже Марковским полком, писал:

«Славные бои под Кагальницкой, Тихорецкой... Особо памятны славные для Степаныча бои под Кореновской - той самой Кореновской, где столько было пролито крови ещё в Первом походе... Наш полк изнывал от потерь. Наступление наше захлебнулось. Отдельные слабодушные бойцы отходили. Критический момент. Неожиданно в полк прибыло небольшое пополнение кубанцев. Генерал Тимановский наспех построил этих, не сбитых ещё в воинскую часть, людей, можно сказать - толпу, и повёл в атаку, увлекая вперёд личным примером. Перелом наступил. Мы победили. Мне трудно привести какие-нибудь красочные по внешности эпизоды из боевой службы Николая Степановича, потому что всё у него было так обыденно, просто... Степаныч в бою всегда был спокоен, всё видел, всё знал. Под его взглядом и трус становился храбрым, потому что в его присутствии и выстрелы, и пение пуль – всё это казалось каким-то «домашним» и безо-

Puc 3. H.C. Тимановский в 1918 г. Рисунок Валентина Попити Fig. 3. N.S. Timanovsky in 1918. Drawing of Valentine Popiti

пасным... Чего же бояться, когда всё происходит так, как нужно! Большевики обходят полк справа? Вот это хорошо: резервная рота сможет ударить им во фланг, а команда разведчиков их потом атакует и будет рубить» (Богенгардт В.А., 1963. С. 8).

27 мая (9 июня нового стиля) 1918 г. Тимановский был назначен командиром 1-го офицерского генерала Маркова полка. В июне 1918 г. он ненадолго ушёл в отпуск, но уже 22 июня (5 июля) прибыл из него и вступил в командование полком (РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 5). Из-за постоянно меняющейся обстановки на Южном фронте, катастрофической нехватки кадров, приказы о назначениях и переводах Н.С. Тимановского сыпались на него буквально как из рога изобилия. Так, приказом Главнокомандующего Добровольческой армии № 130 от 12 ноября 1918 г. Н.С. Тимановский за боевые отличия был произведён в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 1-й пехотной дивизии (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 59. Л. 112). Всего через пять дней он снова был ранен в боях в Ставропольской губернии.

Уже через два месяца после этого при-Главнокомандующего казом войсками Добровольческой армии Одесского района № 66 от 22 января 1919 г. Н.С. Тимановский был назначен начальником Сводной бригады Русской Добровольческой армии (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 80. Л. 35). А меньше чем через 10 дней приказом Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А.И. Деникина № 202 от 31 января 1919 г. (г. Екатеринодар) Николаю Степановичу был доверен пост начальника Отдельной Одесской стрелковой бригады (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 128. Л. 226; Д. 110. Л. 224) (для формирования частей Добровольческой армии он был направлен в Одессу). Постоянные кадровые перестановки были вызваны тем, что старая добровольческая гвардия таяла на глазах, а заменить ее было некем.

С наступлением в начале 1919 г. частей Красной армии на Одессу бригада Тимановского стойко отражала атаки, в то время как расположенные севернее неё части союзников, уставшие от мировой войны и разложившиеся от большевистской пропаганды, отступали при малейших слухах о приближении красных.

В донесении от 12 марта 1919 г. Осведомительное бюро Отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР указывало, что в газетах сообщается об эвакуации Одессы союзниками, но это сообщение неверно и что на самом деле «всё время происходит лишь обмен войск - с каждым днём прибывают большими партиями греческие войска, - общее их число будет доведено до 100 000... [...] ...Настроение рабочих определённо отрицательное к Добрармии, в большевиках они видят не единомышленников, а просто возможность избавиться от голода. [...] В денежном отношении положение жителей катастрофично. Разменных денег абсолютно нет... вследствие закрытия предприятий с каждым днём всё более возрастает число

безработных, окраины буквально голодают, в то время как в центре города кабаки и прочие веселительныя места работают всю ночь на пролёт... электрическая станция экономит уголь, погружая во мрак весь город и давая возможность грабить прохожих. Инвалиды и семьи убитых офицеров голодают. Пенсии совершенно не выдаются». Кроме того, царила общая неразбериха, было непонятно: кто и кому подчиняется, суматоху вносили «союзнические войска», находившиеся в Одессе. Генерал-майор А.Н. Гришин приказал генерал-майору Тимановскому подчиниться генераллейтенанту А.В. Шварцу (Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Осведомительное бюро (OCBAΓ). № 1159. Ot 12.03.1919 r.») (РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 158. Л. 211-211 об.).

Начальник Одесской бригады генерал Тимановский в марте, несмотря на запрет французских оккупационных властей, объявил мобилизацию офицеров и сформировал шеститысячную Отдельную Одесскую стрелковую бригаду. В результате, именно этой бригаде союзное командование поручило держать оборону против наступающих большевиков от побережья Чёрного моря в районе Очакова до линии железной дороги Одесса — Николаев.

В связи с внезапной эвакуацией французских войск из Одессы 20 марта 1919 г. французский командующий д'Ансельм отказал бригаде Тимановского в погрузке на суда и Николай Степанович вынужден был повести бригаду в Бессарабию, занятую румынскими войсками. В Тульче французский командующий генерал Бертело приказал румынским войскам разоружить бригаду, однако Тимановский пригрозил румынам открытием огня, а румынские войска не рискнули настаивать. В конце апреля - начале мая 1919 г. бригада Тимановского погрузилась на станции Бугаз на суда и была перевезена в Новороссийск (бригаде пришлось оставить в Румынии всё тяжёлое вооружение, бронеавтомобили и артиллерию). Перед отплытием Николай Степанович направил письмо генералу д'Ансельму, в котором он, в частности, писал: «Исполняя все Ваши приказания по приказу генерала Деникина, я никогда не мог предполагать тех незаслуженных оскорблений и унижений, которые выпали на меня и на подчинённые мне части. Неужели только за то, что Добровольческая армия одна осталась верной союзникам?» (Деникин А.И., 2003. Кн. 3. С. 417).

По возвращению из Одессы, приказом Главнокомандующего ВСЮР № 1062 от 28 мая 1919 г. Н.С. Тимановский был назначен начальником 7-й пехотной бригады (РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 132. Л. 50), а с 18 мая по 13 июня – начальником развёрнутой из бригады 7-й пехотной дивизии. Но уже в скором времени Николай Степанович воссоединился с марковцами. В приказе по штабу 7-й пехотной дивизии № 50/ин от 9 июня 1919 г. (хутор Чиликов) сообщалось об убытии начальника дивизии генералмайора Н.С. Тимановского в 1-ю пехотную дивизию. Основание: приказ по дивизии № 07 от 09.06.1919 г. (РГВА. Ф. 39725. Оп. 1. Д. 29. Л. 1). Любопытно, что этим же генерал-майор приказом Тимановский, также, как и другие входящие в штаб дивизии чины, получил от дивизионного интенданта следующее английское обмундирование: рубаха, шинель, френч, фуражка, ботинки, пара обмоток, пара носков, кальсоны, полотенце, платок, фляга, котелок (РГВА. Ф. 39725. Оп. 1. Д. 29. Л. 5).

Со 2 июня 1919 г. в Купянске генераллейтенант (с лета 1919 г.) Тимановский принял на себя командование 1-й пехотной дивизией от генерал-майора А.П. Колосовского (Офицеры российской гвардии..., 2002. С. 580, 801; РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 132. Л. 98). После разделения дивизии на Корниловскую и Марковскую Николай Степанович был назначен начальником Марковской пехотной дивизии.

Согласно боевому расписанию в составе Вооружённых сил Юга России к 5 июля 1919 г. состояла 1-я пехотная дивизия под командой генерала Н.С. Тимановского. В неё входили: Кабардинский пехотный полк,

Puc. 4. H.C. Тимановский с марковцами, 1919 г. Fig. 4. N.S. Timanovsky with Markovites, 1919

1-й офицерский генерала Маркова полк, Партизанский генерала Алексеева полк, Корниловский ударный полк (развёрнут в два полка —1-й и 2-й Корниловские ударные полки). Ингерманландский гусарский дивизион, Владимирский ударный дивизион, 1-я артиллерийская бригада, 1-я, 2-я, 3-я, и 4-я лёгкие батареи, 7-я и 8-я лёгкие гаубичные батареи, 1-й конный генерала Алексеева полк, 1-я инженерная генерала Маркова рота, учебный батальон Марковского полка, учебный батальон Партизанского полка (РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 314. Л. 107).

Марковская дивизия принимала самое активное участие в «походе на Москву» и взятии Курска в сентябре 1919 г. Упоминая о «красной крепости Курск», её защитники говорили о неприступности укреплений город был надёжно прикрыт системой окопов и проволочными заграждениями. Начальник штаба 1-й дивизии, полковник А.Г. Битенбиндер писал: «Когда мы разрабатывали план атаки укреплённой позиции у Курска, приехал генерал-майор А.П. Кутепов, схватился за голову и категорически запретил атаку. Мы должны ждать, пока прибудет тяжёлая артиллерия, ибо без неё нельзя и думать об атаке укреплений Курска» (Павлов В.Е., 1964. Кн. 2. С. 89).

Однако генерал Тимановский решил взять Курск внезапной атакой под свою ответственность. Он не был высокого мнения о духе защитников Курска и верил в свои части. Вот описание укреплений «красной крепости Курск», данное поручиком Стаценко: «Окопы были полной профили, с проволочными заграждениями в три кола, с ходами сообщения, с артиллерийскими щелями, со скрытой под землёй телефонной связью по фронту и в глубину с землянками и убежищами. Почти каждый стрелок в окопах имел стальной щит. Неимоверное количество гранат валялось повсюду. Взяв такие окопы, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию. Посади нас в такие окопы, нас пришлось бы дымом выкуривать, да и то – вряд ли это удалось бы» (Там же. С. 91). Позиция двухорудийной батареи «Канэ» описана так: «Всё было оборудовано на позиционный лад: хорошие землянки, убежища, погреба, полные снарядов, беседки, клумбы цветов. Уют, да и только! По найденным тут же документам установили, что это была латышская батарея» (Там же. С. 91). После взятия Курска 8 сентября 1919 г. участник событий писал: «Трудно передать словами, что представляло собою

в этот день шоссе. Оно сплошь на всём протяжении до самого Курска было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей, уроженцев юга России, с нескрываемой радостью возвращавшихся «к себе по домам». Они шли к нам в тыл, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас горсточка» (Там же. С. 92). 8 (21) сентября в Курске был парад, который принимал генералмайор А.П. Кутепов. Участвовали батальон корниловцев и две марковских батареи, получившие особую благодарность командира корпуса.

Один из самых близких помощников капитан В.А. Богенгард вспоминал: «Начались непрерывные бои. Поход на Москву. Я не стратег, конечно, но, на мой взгляд строевого офицера, Тимановский великолепно справлялся с командованием, несмотря на то, что дивизия очень разрослась и насчитывала 9 отдельных частей. Вспоминается случай в Белгороде, где довольно долго стоял штаб дивизии. На фронте произошёл прорыв, и в городе стало очень неспокойно. С минуты на минуту ждали, что могут появиться красные, и началась паника. Генерал Тимановский был уверен, что прорыв удастся ликвидировать, но в самом городе войск у него не было, а панику нужно было остановить. Тогда он приказал вызвать на вокзал оркестр 1-го полка, и первые звуки бравурного фанфарного марша произвели успокоение среди жителей, которые поняли, что раз штаб «веселится», то опасности нет» (Богенгардт В.А., 1963. C. 8).

Из-за постоянно меняющейся линии фронта военным приходилось брать на себя даже и административное управление. Однако зачастую получалось так, что в городе было двоевластие: одна — военная власть, другая — местная администрация, большая часть которой успела убежать или собиралась «эвакуироваться», бросив население на произвол судьбы. Особенно часто такая ситуация складывалась, когда линия фронта проходила через города. Местная администрация, заметив, что большевики не

Puc. 5. H.C. Тимановский в 1919 г. Fig. 5. N.S. Timanovsky, 1919

пришли, возвращалась и мешала совершать гражданские дела уже прибывшим военным, которые не обнаружили на месте никаких признаков местной администрации. Хорошей иллюстрацией служит случай когда, губернатор г. Курска 18 августа 1919 г. писал из Белгорода (!) начальнику Управления юстиции, представляя копию доклада Тюремного инспектора Е.П. Тарасевича на генерала Н.С. Тимановского.

Из приложенного Доклада и. д. Курского Губернского тюремного инспектора Е. Таранова от 15 августам 1919 г. за № 64, адресованного Курскому губернатору, сообщалось следующее. В Белгородской тюрьме на 11 августа 1919 г. содержалось 147 человек, из которых 120 числились за начальником контрразведывательного пункта. Учтем, что из-за неясной военной обстановки не понятно было, когда в город зайдут большевики. Естественно все представители тюрьмы начальник и инспекторы собирались бежать и уже приготовили себе для эвакуации несколько вагонов. Из ос-

Рис. 6. Генералы В.З. Май-Маевский и Н.С. Тимановский (впереди слева и справа) при штурме станции Лиски (район Воронежа), октябрь 1919 г.

Fig. 6. Generals V.Z. May-Majewsky and N.S. Timanovsky (ahead left and right) during the storming of the station Liski (Voronezh region), October 1919

тавленной всем начсоставом тюрьмы генерал-майор Тимановский освободил 48 человек. Освобождение происходило распоряжением начальника 1 Дивизии по прошениям поданных ему родственниками арестованных (ГАРФ. Ф. Р3435. Оп. 1. Д. 8. Л. 264–266). Однако возвратившийся тюремный инспектор написал несколько писем в вышестоящие организации на генерала Тимановского, снабдив обширный бюрократический аппарат еще одной второстепенной задачей, которую уже решили на месте. К сожалению, подобные случаи были не редкостью. Тыл никак не хотел поддерживать фронт, а только мешал работе.

«Когда «цветные» полки развёрнуты были в дивизии, Степаныч получил Марковскую дивизию. С нею мы дошли до Орла. Когда началось отступление, особенно сказалась доблесть Тимановского. Он не только не пал духом, но в обстановке поистине трудной и тяжёлой умел удержать его

в своих полках и, отступая, продолжал бить большевиков» (Богенгардт В.А., 1963. С. 7).

Сам Всеволод Богенгард во время Первого Кубанского похода находился в рядах 1-го офицерского полка (Марковского), был тяжело ранен, а позже контужен. Ко Второму Кубанскому походу он вернулся в полк и с тех пор неизменно состоял при генерале Тимановском. О последних днях своего командира Богенгард вспоминал: «Он [Николай Степанович] заболел тифом. Долго не хотел поддаваться болезни, никто не мог его уговорить эвакуироваться. Лечения не признавал и «лечился» сам - пил спирт и ел снег. Такого лечения даже его сердце не выдержало». Другой марковец вспоминал: «...Начальник дивизии генерал Тимановский в это время в товарной теплушке, на запасных путях помирал от сыпняка» (Командиры..., 1941). Это было во время отступления из Новороссийска, вокруг царил тиф, и многих косила смерть по обе стороны фронта.

Близко знающий своего «железного» стрелка А.И. Деникин вспоминал как однажды он «среди вереницы отступающих обозов встретил затёртую в их массе повозку, везущую гроб с телом умершего от сыпного тифа генерала Тимановского. Железный Степаныч, сподвижник и друг генерала Маркова, человек необыкновенного, холодного мужества, столько раз водивший полки к победе, презиравший смерть и сражённый ею так не вовремя. Или вовремя? Убогая повозка с дорогою кладью, покрытая рваным брезентом, - точно без-

Статья поступила 18.04.2017 г.

Библиографический список

Абашина М.В., Николаев Д.К. Генерал Николай Степанович Тимановский: загадки биографии. URL: http://pгвиа.pф/nauchnyetrudy-i-publikatsii/general-nikolaistepanovich-timanovskii-zagadkibiografii.shtml (Дата обращения: 01.01.2017)

Богенгардт В.А. Генерал Тимановский // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес, 1963. № 21. Июль. С. 7–9.

Высочайшие приказы по военному ведомству // Разведчик. 1904. № 696.

Высочайшие приказы по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 1004.

Деникин А.И. Железная дивизия в Луцком прорыве // Русский инвалид. Военно-научная и литературная газета. Париж, 1931. № 20. 7 июля. С. 2–5.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова (август 1917 – апрель 1918). М., 2003. Кн. 2.

молвный и бесстрастный символ» (Деникин А.И., 2003. Кн. 3. С. 792).

Генерал-лейтенант Тимановский скончался 18/31 декабря 1919 г. от тифа в Ростове-на-Дону. Так умер человек, ставший ещё при жизни легендой, один из «самых награждённых полковников Русской армии». Николай Степанович был похоронен в усыпальнице Екатерининского собора в Екатеринодаре.

Автор выражает благодарность и признательность Р.Г. Гагкуеву, М.В. Абашиной и Д.К. Николаеву за поддержку и помощь в поисках материалов.

Article was received in April, 18, 2017

References

Abashina M.V., Nikolaev D.K. General Nikolai Stepanovich Timanovskii: zagadki biografii [General Nikolai Stepanovich Timanovskiy: riddles of biography]. (In Russian) Available at: http://rgvia.rf/nauchnye-trudy-ipublikatsii/general-nikolai-stepanovichtimanovskii-zagadki-biografii.shtml (Accessed 01.01.2017)

Bogengardt V.A. General Timanovskii [General Timanowski]. Vestnik pervopokhodnika [Herald of the first-way man]. Los-Anzheles, 1963. No. 21. July. Pp. 7-9. (In Russian)

Vysochaishie prikazy po voennomu vedomstvu [The Highest Orders for the military Razvedchik department]. [Scout]. No. 696. (In Russian)

Vysochaishie prikazy po voennomu vedomstvu [The Highest Orders for the military department]. Razvedchik [Scout]. 1910. No. 1004. (In Russian)

Denikin A.I. Zheleznaya diviziya v Lutskom proryve [The Iron Division in the Lutsk breakthrough]. Russkii invalid. Voennonauchnaya i literaturnaya gazeta [Russian disabled. Military-scientific and literary newspaper]. Paris, 1931. No. 20. 7 July. Pp. 2-5. (In Russian)

Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty. Bor'ba generala Kornilova (avgust 1917 aprel' 1918) [Essays on the Russian Troubles. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооружённые силы Юга России. М., 2003. Кн. 3. URL: http://rusk.ru/st.php?idar=74983 (Дата обращения: 02.01.2017)

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2003.

Командиры (Из рассказов бомбардира наводчика) // Новое слово. Берлин, 1941. N 1 (05.01) – 53 (25.12). 23 марта.

Маркин Д., Бутрым И. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки награждённых за Русско-японскую войну. М., 2006.

Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисловие и комментарий С.В. Волкова. М., 2002. 815 с.

Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах в освободительной войне за Россию. 1917–1920 гг. Париж, 1964. Кн. 2.

Сведения об авторе Шилова Светлана Геннадьевна –

кандидат исторических наук, главный специалист, Российский государственный военный архив,

Российская Федерация, 105183, г. Москва, ул. Адмирала Макарова, д. 29, e-mail: svetlanashilova@yandex.ru

Критерии авторства

С.Г. Шилова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The struggle of General Kornilov (August 1917 – April 1918)]. Moscow, 2003. Book 2.

Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty. Vooruzhennye sily Yuga Rossii [Essays on the Russian Troubles. Armed forces of the South of Russia]. Moscow, 2003. Book 3. Available at: http://rusk.ru/st.php?idar=74983 (Accessed 01.02.2017)

Denikin A.I. *Put' russkogo ofitsera* [The way of the Russian officer]. Moscow, 2003.

Komandiry (Iz rasskazov bombardira navodchika) [Commanders (From the stories of the bombardier-gunner)]. Novoe slovo New word]. Berlin. 1941. No. 1 (05.01) – No. 53 (25.12). March, 23. (In Russian)

Markin D., Butrym I. Znak otlichiya Voennogo ordena Sv. Georgiya. Spiski nagrazhdennykh za Russko-yaponskuyu voinu [The insignia of the Military Order of St. George. Lists of those awarded for the Russian-Japanese War]. Moscow, 2006.

Volkov S.V. *Ofitsery rossiiskoi gvardii v Beloi bor'be* [Officers of the Russian Guard in the White Fight]. Moscow, 2002. 815 p.

Pavlov V.E. *Markovtsy v boyakh i pokhodakh v osvoboditel'noi voine za Rossiyu.* 1917–1920 gg. [Markovtsy in battles and campaigns in the war of liberation for Russia]. Paris. 1964. Book 2.

Information about the author Svetlana G. Shilova –

candidate of historical sciences, senior staff, Russian State Military Archive, 29, Admirala Makarova Str., Moscow, 105183, Russian Federation, e-mail: svetlanashilova@yandex.ru

Attribution criteria

Shilova S.G. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(437)(57)«1917/20»

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-122-130

БЫТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В 1917–1920 гг.

© Д. Ваха

Писатель, независимый исследователь,

Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «U Trojice» (У Троицы), дом 2661/1с.

В статье рассматривается повседневная жизнь чехословацких добровольцев (также именуемых легионерами) в России во время Гражданской войны. Последовательно анализируется санитарная обстановка в эшелонах Чехословацкого корпуса, соблюдение личной гигиены, эволюция обмундирования, вопросы стирки, и в заключение организация медицинской помощи. Рассматриваемое воинское соединение изначально создавалось для борьбы с Австро-Венгрией и Германией, но в 1918–1920 гг. сражалось с Красной Гвардией, красными партизанами и Красной Армией в Сибири. Чехословацкие легионеры были союзниками антибольшевистских («белых») русских сил, но преследовали свои собственные цели – выжить и живыми вернуться домой.

Ключевые слова: повседневность, бытовые условия, санитарная обстановка, здравоохранение, обмундирование, Россия, Гражданская война в России, Первая мировая война, Чехословацкий корпус, легионеры.

Формат цитирования: Ваха Д. Бытовая повседневность чехословацкого корпуса в 1917—1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 122—130. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-122-130

HOUSEHOLD EVERYDAY OF THE CZECHOSLOVAK CORPS IN 1917–1920

© D. Vacha

Writer, independent researcher,

U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske Budejovice, Czech Republic.

The article deals with the daily life of Czechoslovak volunteers (also called legionnaires) in Russia during the Civil War. The sanitary situation in the echelons of the Czechoslovak Corps, personal hygiene, the evolution of uniforms, washing issues, and finally the organization of medical care are consistently analyzed. The military unit under consideration was initially created to fight against Austria-Hungary and Germany, but in 1918–1920 fought with the Red Guards, the Red Partisans and the Red Army in Siberia. Czechoslovak legionaries were allies of anti-Bolshevik ("white") Russian forces, but pursued their own goals – to survive and return alive.

Keywords: everyday life, living conditions, sanitary conditions, health care, uniforms, Russia, Civil War in Russia, World War I, Czechoslovak corps, legionaries

Citation format: Vacha D. Household Everyday of the Czechoslovak Corps in 1917–1920. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 122–130. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-122-130

«Чистота – залог здоровья». Поэтому армии должны заботиться не только о сытости солдат и обеспечении интересного досуга, но и, прежде всего, о здоровье личного состава. Солдат просто обязан обладать могучим здоровьем, которое связано с гигиеной тела и психологическим настроем. Мы должны подчеркнуть, что современного человека шокировали бы санитарно-гигиенические условия, преобладавшие (особенно во время боевых действий) в Чехословацком корпусе. Сами же добровольцы не считали переносимые бытовые трудности чем-то исключительным, зная о более страшных примерах из событий позиционной войны во Франции или условий концентрационных лагерей для военнопленных, из которых особенно печальной славой пользовались российские.

Санитарная ситуация в России в целом всегда была сложной и неадекватной как

перед Первой мировой войной, так и после. При перемещениях в «теплушках» чехословацкие солдаты пытались обеспечить относительный порядок и чистоту, которые, конечно, были очень далеки от сегодняшних стандартов. Сложно обеспечить во время войны соблюдение гигиены, в том числе особенно важной при приеме пищи. Большинство солдат даже не мыли руки перед едой. Известные «котелки», игравшие роль чайников, а также ложки и другие столовые приборы солдаты, по крайней мере, старались содержать в относительной чистоте. Ложки солдаты носили при себе, нередко в русском стиле, за голенищем сапога, а перед едой лишь вытирали. Обычный способ очистки посуды - промывка водой без каких-либо моющих средств.

Особенно резко снижался уровень соблюдение гигиены во время боевых действий. Нередко не хватало времени на еду.

Puc. 1. Чешские солдаты в траншее в районе Зборова, 1917 г. Fig. 1. Czech soldiers in the trench in the vicinity of Zborov, 1917

Тушеное мясо часто ели прямо из консервных банок, открыв их грязными штыками или ножами, не обращая внимание на то, что глина может попасть в пищу. Нередко на фронте, на передовой, солдаты получали продукты питания, испорченные или покрытые плесенью. Заплесневелые участки просто счищали, а остальной продукт употребляли в пищу.

Несоблюдения правил личной гигиены было вызвано нехваткой воды и мыла, и, не в последнюю очередь, отстутствием подобной привычки. Если мы рассмотрим мытье головы, то совершенно бесполезно думать о каком-либо шампуне, лучше рассчитывать на простое мыло. Со вшами, как кульминацией длительного пребывания в полевых условиях, легионеры боролись как стрижкой налысо, так и с помощью утюгов и аппаратов для дезинфекции. Педикулез (завшивленность) во всех частях Чехословацкого корпуса - общеизвестный факт, воспринимавшийся современниками не как серьезная проблема, а скорее как повседневная неприятность (Vácha D., 2006, s. 93–94).

О чистоте лица старались заботиться, регулярно отмывали, чтобы не походить на «трубочистов», как шутили о себе легионеры. Большинство редко использовало, чтолибо кроме мыла и воды. Бритьем пренеберегали в условиях напряженных боев. В периоды затишья чехословаков отличало от обросщих русских тщательно выбритое лицо, популярны лишь усы, в остальном же типичным было «голое лицо англичан». Бритье часто производилось без мыла, нередко без воды «на сухую». Чехословаков, носивших бороды, в шутку называли «русскими». Таким образом, бритье играло и роль индентификации.

Интересным феноменом были военные цирюльники, которые заботились не только о бритье, но и прическах. Один такой парихмахер поставил кресло прямо в вагон и продолжил свой «бизнес». Также солдаты посещали русские парихмахерские и парихмахеров.

Приходилось уделять внимание заботе о зубах. Легионеры использовали и мыло, и зубной порошок. Средства для чистки и сами щетки приобретали в ротных лавках. Для зубного протезирования действовали весьма многочисленные стоматологические амбулатории и стоматологическая клиника медицинской части корпуса.

Гораздо острее стояла проблема умывания. Большинство «теплушек» не были оборудованы ваннами и душевыми. Использовались как постоянные раковины, так и просто лейки, приклепленные к стене осколки зеркала. Чаще же было доступно лишь влажное полотенце, периодически ополаскиваемое. У крупных рек и водоемов солдаты не упускали случая совместить приятное с полезным – умывание с купанием и принятием солнечных ванн (Fibich K., 1938, s. 15).

Легионеры широко пользовались русскими паровыми банями, которые по внешнему виду и назначению ничем не отличаются от финской сауны. Российская особенность была скорее «социальной», поскольку не чистота тела, а алкоголь был главной целью визита. Нараставшая в России разруха быстро сказалась на качестве общественных бань. Соблюдение личной гигиены усложняли погодные условия. Кто же захочет умываться в холодной воде, когда температура упала ниже нуля! Командования пыталось поддерживать чистоту среди подчиненных не только приказами, но и созданием необходимых условий: «На станциях Новониколаевск и Иннокентьевская для всех наших эшелонов будет готова баня, где каждый легионер сможет выкупаться» (Vácha D., 2006, s. 95).

Также существовали походные бани, шутливо называемые «Цирк на колесах». Они были сделани из лучших вагонов, имевшихся в России, так называемых «Пульманновских» американских. За входной дверью действовали гардероб и раздевалки, откуда проходили в парную. В этом помещении, нагреваемом до 60 градусов по Цельсию, было три главных прибора: большой котел для кипячения воды, мень-

ший котел для холодной воды и плита для пара. Каждый такой вагон-баня мог обеспечить помывку до 500 легионеров в день.

К весне 1918 г. части Чехословацкого корпуса имели далекое от стандарта обмундирование. Солдаты и офицеры были одеты в униформу разного цвета, фасона и степени поношенности. Единообразие существовало лишь на бумаге и в головах далеких от реальности штабных офицеров. Пестрота касалась, как летней, так и зимней униформы. «Смена гардероба» состоялась лишь осенью 1918 г. после поставок большого числа ткани из Японии.

Летняя обувь состояла из высоких растянутых сапог или ботинок на шнурках. Каждый стремился получить надежную обувь, уже не обращая внимание на единство фасона. Нехватка обуви вынуждала сапожников к постоянной починке, и лишь совсем негодные предметы выбрасывались. Разрешение носить ботинки первоначально получили только офицеры, но мода на более легкую обувь быстро распространилась среди войск.

Еще большим разнообразием отличались штаны. Уставной одеждой являлись шаровары, предназначенные к ношению с высокими сапогами. Однако они были лишь малой частью носимых брюк, среди которых встречались как галифе для верховой езды, так и прямые гражданские. В расцветке чаще всего встречался однородный травянисто-зеленый («защитный») цвет русского обмундирования.

Нельзя не отметить и значительное разнообразие среди блузок и рубашек. Стандартная русская «гимнастерка», одеваемая через голову, была прототипом всех рубашек и заслужила большую популярность. «Френч» — китель, названный по имени Главнокомандующего Британскими экспедиционными силами во Франции фельдмаршала Джона Френча — отличался мягким воротником и большими накладными карманами. Встречались все цвета от очень светлого до почти черного, но наиболее распространенным был цвет «хаки» — светло-зеленый или темно-зеленый. Часть

русской формы «шинель» — длинное пальто, поверх которого носили патронташ (в основном через левое плечо). Двубортные шинели серого цвета имели не пуговицы, а крючки и часто служили в качестве одеяла.

Благодаря головным уборам легионеры демонстрировали определенную индивидуальность. Солдаты сами решали, что носить на голове, и вопреки уставным правилам, их головные уборы не отличались положенным единообразием. Наиболее известной является «фуражка», которая со временем стала соседствовать с широким диапозоном головных уборов. Например, легионеры носили шляпу-котелок с плоским верхом под названием «большевичка». Другие использовали «чеченку» (по имени ее создателя будущего генерала Станислава Чечека).

Наступление зимы вынуждало заменять многие части обмундирования, а также добавлять новые. Валенки (пимы) прямые сапоги из войлока. Брюки в большинстве остались прежние, лишь счастливчики получили шерстяные штаны. Обычно одевали две блузки одну на другую. При умеренных морозах использовали шинель, при сильных – меняли ее на шубу.

Фуражка в морозные месяцы менялась на знаменитую «папаху». Часто использовались неуставные предметы одежды, например, гражданские свитера. Обязательными были перчатки или чаще «варежки» с большим и указательным пальцами, чтобы применять оружие, не снимая их. Известно, что как в начале, так и в конце 1918 г. снабжение зимней одеждой оставляло желать лучшего.

Если основной задачей сапожников было поддерживать обувь легионеров в исправном состоянии, то задача портных заключалась в превращении их обмундирования в более изысканное. Шегольство легионеров может показаться почти детским, но солдаты действительно гордились своим внешним видом. Источником вдохновения наверняка являлась довоенная Прага или ее район Жижков, что часто служило мишенью легионерского юмора. Портные были

Puc. 2. Чешские часовые в Кургане, зима 1918–1919 гг. Fig. 2. Czech sentries in Kurgan, winter of 1918–1919

завалены работой, причем не просто починкой изношенной одежды, но именно «перешивкой» в более модные, элегантные фасоны.

Такие форменные изыски приобрели наибольший размах в кавалерийских частях. Никто другой так не гордился своей формой, никто не заботился о ней так тщательно, как представители этого рода войск. Сапоги с обязательно звенящими шпорами, красные штаны (сменившие первоначальные синие), сабля на боку, короткие куртки и особенно головные уборы. Знаменитая меховая или суконная шапка «подебрадка» с небольшим султаном впереди ценилась настолько, что перед отъездом в Чехословакию для ее перевозки приобретались или изготавливались самостоятельно специальные коробки, как для женских шляп. Кавалерия всегда рассматривалась как своеобразная элита армии, что и отразилось в ее мундирах. Гусары и уланы вызывали восхищение юношей, как до, так и во время войны, не только из-за лошадей и оружия, но и из-за роскошной униформы.

Разумеется, переделка касалась и более мелких, обычно стандартных атрибутов форменной одежды: карманов, погон, петлиц, шевронов. Все они обозначали чин военнослужащего, род войск и часть, которой он принадлежал. Однако мы не должны забывать, что все эти изменения были характерны для более спокойных периодов в деятельности Чехословацкого корпуса, тогда как на фотоснимках в дни сражений мы не увидим многого из уставной форменной одежды солдат и офицеров. Напротив, на снимках мы увидим с трудом узнаваемые личности, одетые в том числе и в гражданские вещи. Как уже говорилось, лишь с осени 1918 г. с поступлением ткани из Японии удается достичь определенного

Puc. 3. Чешский кавалерист Fig. 3. Czech cavalryman

единообразия в одежде (Kutílkové D., 2001; 2002; 2003; Vogeltanz J., Polák M., 1998).

К проблеме обмундирования премыкает вопрос организации его регулярной стирки. До конца 1918 г. в Чехословацком корпусе не сущестовало централизованных прачечных, а после их создания они не обеспечивали всех потребностей войск. Изначально в вопросах стирки солдаты должны были полагаться на себя и только со временем ситуация изменилась к лучшему. Известно, что за стиркой легионеры проводили значительную часть свободного времени. Большинство солдат стремилось сохранить хотя бы относительную чистоту, уделяя основное внимание белью и рубашкам. Для стирки использовались самые примитивные методы: поток воды и камни, различные корыта и самодельные стиральные доски. Стирального порошка практически не было, часто, но не всегда использовалось мыло (Zápis z května 1918, s. 66). После больших «постирушек» эшелоны

Puc. 4. Чешские кавалеристы, 1919 г. Fig. 4. Czech cavalrymens, 1919

Чехословацкого корпуса мало напоминали военный транспорт.

К концу 1918 г. в Екатеринбурге была сформирована первая военная прачечная. За ее оборудование отвечала медицинская часть корпуса, а работы выполнялись негодными к строевой службе солдатами. Кроме того, привлекалось до 40 военнопленных, которые выполняли большинство операций, требовавших ручного труда. Прачечная действовала в три смены и обеспечивала стирку до 6000 единиц белья в сутки. В дальнейшем практика использования военнопленных была расширена.

Чехословацкий корпус имел в своем составе медицинскую часть, призванную заботиться о здоровье личного состава. Нехватка кадров вынуждала привлекать недоучившихся студентов-медиков, а также российских врачей. Низший медицинский персонал набирался из пожилых солдат. Чешских и словацких медицинских сестер было очень немного, что компенсировалось привлечением россиянок. Премущественно русскими были стоматологи, которых среди чехов и словаков было катастрофически мало. Первоначально в корпусе был всего 1 врач и 6 медбратьев, в дальнейшем численность медицинского персонала корпуса росла, но персонал оставался преимущественно русским. Во второй половине 1917 г. для солдат, больных туберкулезом, был организован санаторий на Кавказе. Численность медицинского персонала особенно увеличилась после передислокации корпуса в Украину, когда две его стрелковые дивизии получили штатные санитарные подразделения. Вскоре они были приспособлены к перемещению, оборудован из обычных грузовых вагонов санитарный поезд № 1 под началом доктора Владимира Хаеринга (Haeringa). Вскоре, в Тамбове Хаерингу с персоналом и ранеными удается занять бывший санитарный поезд русской армии, обеспечивший значительно лучшие условия для перевозки и лечения раненых и заболевших. Санитарный поезд № 2 под началом доктора Мандуса (Mandaus) изначально формировался на основе русского санитарного эшелона. Еще один поезд был захвачен в Сызрани, его возглавил доктор Пеликан (Pelican). Эти новые санитарные поезда образованы из реквизированных российских поездов после восстания корпуса против большевиков в конце мая 1918 г.

Кроме обычных санитарных поездов следует упомянуть так называемые «летучки» или «летающие поезда», предназначенные для оперативной помощи раненым и их скорейшей транспортировки. Они были оборудованы весьма примитивно и часто негативно описывались попавшими в них ранеными (Vondráček, 1922, s. 34.)

Исключительно сложной была ситуация с медикаментами и перевязочными материалами. То немногое, что было взято при отправке с Украины, быстро израсходовали. После боев под Бакмачом изыскивали всеми способами. Здоровые солдаты по первому зову охотно и добровольно отдавали вещи и материалы раненым. «Никогда ранее и никогда после не было более прекрасного братства, чем помощь оказанная пострадавшим в общей борьбе».

После свержения советской власти начинают формироваться стационарные чехословацкие больницы. Первая была создана в Челябинске доктором Хаерингом из персонала, оборудования и материалов расформированного здесь санитарного поезда № 1. Впоследствии он же возглавил всю медицинскую службу корпуса. После взятия Омска частями Сергея Войцеховского 7 июня 1918 г. добавилась вторая больница (отделение для выздоравливающих) под началом доктора Райхеля (Reichel), позднее ее возглавил доктор Голд (Gold) и, наконец, Богуслав Боучек (Bouček). Последний ранее был начальником санитарного поезда № 4, а в конце 1918 г. возглавил Омскую больницу, одновременно став и врачом всего Омского гарнизона (Vácha D., 2006, s. 104).

Еще одна больница возникла в Иркутске, став чешской частью большого российского военного госпиталя. Этой частью руководил доктор Цвингер (Zwinger), затем

Пинтови (Pintovi). Доктор Кнапп стоял в Уфе у истоков карантинной больницы, призванной бороться с инфекционными заболеваниями, позднее переведенной в Златоуст.

С июня 1918 г. в Челябинске при аптечном складе образованы запасы захваченных или приобретенных медицинских средств. В каждом полку создавался стоматологический кабинет или амбулатория, некоторые из них позднее снова были перемещены в вагоны. Со временем к снабжению медикаментами подключился «Красный Крест», удалось преодалеть хаос и волокиту, оптимизировать и улучшить систему здравоохранения Чехословацкого корпуса. Также мы не должны забывать начальника фронтовой медицинской службы – доктора Владимира Хаеринга (4 марта 1919 г. он возглавил всю медицинскую службу корпуса), и начальника тыловой медицинской службы доктора Панка (бывшего начальника хирургического отдела) (Vácha D., 2006, s.105).

Зима 1918—1919 гг. — второй период напряженной деятельности чехословацких больниц и врачей. В Екатеринбурге создается больница № 2 под началом профессора Русички (Ruzicka), затем доктора Ян Янда. Также больницы действовали в Томске и Владивостоке. В связи с ростом (особенно в 1919 г.) венерических заболеваний пришлось создать условия для их лечения в Петропаловске и во Владивостоке, первую больницу возглавил доктор Сметана

Статья поступила 01.03.2017 г.

(Smetana), вторую – доктор Вайметал (Vymětal). Главный склад медикаментов располагался теперь во Владивостоке, его содержимое не было как ранее захваченным или реквизированным, а пополнялось поставками из Японии и США. В Екатеринбурге действовали дом инвалидов и дом выздоравливающих. Солдаты с тяжелыми формами инвалидности могли рассчитывать на получение протезов либо из Японии, либо (преобладающая форма) от Чехословацкой ортопедической мастерской по производству «протезов и искусственных конечностей». Некоторые из инвалидов занимали должности в организациях при корпусе, например, как уже упоминалось, в прачечных.

Легионеры относились к врачам с благодарностью. Хотя зачастую об этом не пишется прямо, но восхищение перед мужчинами и женщинами в белых халатах сковозит между строк дневников и воспоминаний. Врачи всех национальностей в больницах Чехословацкого корпуса рассматривались как спасители и крайне редко критиковались или упрекались в чем-либо. Хотя медицинская служба длительное время сохраняла импровизированный характер и испытатывала постоянный дефицит самых необходимых ресурсов, но она обеспечивала главное – поддерживала моральный дух в чехословацких войсках, давая важную уверенность, что в случае ранения, травмы или болезни о солдате позаботятся.

Article was received in March, 01, 2017

Библиографический список

Boucek B. Prosím, aby zápisník byl odevzdán mé ženě jako pozůstalost, Praha 1998. (In Czech)

Fibich K., Povstalci IV., Bajkal – Vladivostok, Praha 1938. (In Czech)

Kutílkové D.K problematice stejnokrojů československé jednotky v Rusku v letech 1914–1917, in: Historie a Vojenství 4, 2001, s. 796–815. (In Czech)

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918, in: Historie a Vojenství 4, 2002, s. 884–912. (In Czech)

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů Československého vojska na Rusi 1919 – 1920, in: Historie a Vojenství 2, 2003, s. 397– 420 (In Czech)

Vácha D. Ostrovy v bouři. Českoslovenští legionáři a všednost let válečných 1918–1920. České Budějovice 2006. 332 s. (In Czech)

Сведения об авторе

Ваха Далибор -

доктор наук, писатель, независимый исследователь,

Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «U Trojice» (У Троицы), дом 2661/1с, e-mail: vacha@szscb.cz

Критерии авторства

Д. Ваха выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Vogeltanz J., Polák M., Československé legie 1914–1918, Československá armáda 1918-1939, Uniformy – symbolika – výstroj – výzbroj, Praha – Litomyšl 1998. (In Czech)

Information about the author Dalibor Vacha -

PhD, writer, independent researcher,

Adress: U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske

Budejovice, Czech Republic, e-mail: vacha@szscb.cz

Attribution criteria

D. Vacha made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article **УДК 930+94(47)**

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-131-143

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЗАБАЙКАЛЬЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ

© И.В. Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье освещено становление и развитие советской историографии Гражданской войны на территории Забайкалья в 1920-е — начале 1930-х годов. В ней рассмотрена работа основных научно-исторических учреждений того времени по изучению Гражданской войны в регионе, ее основные направления и особенности. В статье проанализирован ход исследования основных проблем истории Гражданской войны в Забайкалье в заявленный период, его особенности и реальные результаты. В ней отмечены наиболее значимые труды и авторы, внесшие наибольший вклад в изучение данной темы. В статье показано место и роль советской историографии рассматриваемого периода в исследовании Гражданской войны в Забайкалье.

Ключевые слова: авторы, белые, воспоминания, документы, Забайкалье, интервенты, книги, коммунисты, красные, партизаны.

Формат цитирования: Наумов И.В. Гражданская война в Забайкалье в советской историографии 1920-х — начала 1930-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 131—143. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-131-143

CIVIL WAR IN TRANSBAIKALIA IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY IN THE 1920s – THE BEGINNING OF THE 1930s

© I.V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

The article deals with the formation and development of the Soviet historiography of the Civil War in Transbaikalia in the 1920s – early 1930s. It explores the work of the major scientific and historical institutions of the time to study the Civil War in the region, its main directions and features. The article analyzes the course of research of the main problems of history Civil War in Transbaikalia in the declared period, its features and real results. It highlights the most significant works and authors who made the greatest contribution to the study of this topic. The article shows the place and role of Soviet historiography of the considered period in the study of the Civil War in Transbaikalia.

Keywords: authors, Whites, memoirs, documents, Transbaikalia, interventionists, books, communists, Reds, partisans

Citation format: Naumov I.V. Civil War in Transbaikalia in the Soviet Historiography in the 1920s – the Beginning of the 1930s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 131–143. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-131-143

Советская историография Гражданской войны в Забайкалье, как и вся советская историография Гражданской войны в целом, прошла в своем развитии три последовательных этапа.

Первый из них начался непосредственно в ходе Гражданской войны и продолжался до начала 1930-х гг. Как и вся советская историческая наука, историография Гражданской войны начиналась фактически с нуля. Это было связано, в первую очередь, с тем, что победившие в Гражданской войне коммунисты фактически отказались от всех достижений дореволюционной российской исторической науки и были вынуждены заново создавать свою собственную историческую науку. При этом руководители коммунистической партии придавали большое значение изучению событий Октябрьской революции и Гражданской войны. Задачу новой исторической науки они видели в том, чтобы показать неизбежность социалистической революции, источники и закономерности победы коммунистов в Гражданской войне, их решающую роль в организации этой победы.

Уже в 1920 г. по инициативе вождя коммунистов В.И. Ленина была создана специальная «Комиссия по истории РКП(б) и Октябрьской революции» - Истпарт, которую затем преобразовали в отдел ЦК РКП(б). Вскоре началась организация местных истпартов при республиканских, губернских и краевых партийных органах. Организация истпартов положила начало исследованию истории Гражданской войны. Истпарты с самого начала взяли курс на изучение ее событий. Так, в опубликованном в начале 1922 г. обращении Центральный истпарт подчеркивал, что «считает необходимым теперь же приступить к широкой подготовке исторической работы за минувшее четырехлетие (с февраля 1917 г. по февраль 1921 г.), к подведению первых итогов революции» (Пролетарская революция, 1922. № 4. С. 360). К обращению был приложен список тем, исследование которых предполагалось осуществить в первую очередь. Значительное место в нем занимали вопросы Гражданской войны: создание Красной Армии, борьба с контрреволюцией и интервентами и др. (Там же. С. 361).

Значительное внимание истпарты уделили изучению истории Гражданской войны и интервенции в Забайкалье. Помимо центрального истпарта этой работой занимались Сибирский, Дальневосточный и некоторые другие истпарты. В 1920-е гг. они опубликовали немало интересных исследовательских работ, воспоминаний и документов о забайкальских событиях. Помимо истпартов изучением событий Гражданской войны в Забайкалье занимались редакции Сибирской и Дальневосточной Советских энциклопедий, местные отделения всесоюзных обществ: «Общества старых большевиков», «Общества содействия жертвам интервенции», Бурятский ученый комитет (Буручком) и др.

Деятельность первых советских историков проходила в очень сложных условиях, связанных как с общей разрухой в стране, так и с разрывом с дореволюционной исторической наукой. Так, например, штат Дальневосточного истпарта (Дальистпарта), созданного в Чите в конце 1922 г. насчитывал всего 3 человека, ни один из которых не имел специального исторического или архивного образования. Причем постоянным сотрудником был только его заведующий. Вследствие этого многие собранные Дальистпартом источники годами оставались необработанными и представляли собой сырой материал. Эти трудности привели к закрытию в 1926 г. Дальистпарта (вновь его открыли в 1929 г. уже в Хабаровске, куда переехал центр Дальневосточного края).

Основной задачей истпартов и других организаций, связанных с историей в 1920-е годы, являлось создание источниковой базы. В этой работе они опирались на широкий актив участников Гражданской войны. В собирании, выявлении материалов и написании воспоминаний участвовали тысячи людей, внесших огромный вклад в становление советской историографии

Гражданской войны. Особенно большую роль в создании и укреплении источниковой базы сыграли группы содействия истпартам, возникшие в начале 1920-х гг. по всей стране. Такие группы существовали и во всех регионах Сибирского и Дальневосточного краев, в том числе и в Забайкалье.

Сбор и издание документов и воспоминаний, раскрывающих ход и особенности Гражданской войны в Забайкалье начались еще в ходе Гражданской войны и продолжались на протяжении всего рассматриваемого периода. В годы Гражданской войны, особенно во время существования Дальневосточной республики (ДВР) - 1920-1922 гг. в газетах «Дальневосточный путь», «Дальневосточная республика», журналах «Вестник Дальневосточной республики», «Известия Дальбюро ЦК РКП(б)» и других и отдельными выпусками активно публиковались материалы различных съездов и конференций, постановления руководящих органов РКП(б) и революционной власти в регионе, а также документы белого правительства атамана Г.М. Семенова. Характерной особенностью всех этих документов являлось то, что издавались они, конечно же, не для исторического анализа, а в политических и служебно-информационных целях. Документы и материалы, опубликованные в 1918-1922 гг., заложили основу для формирования источниковой базы по истории Гражданской войны в Забайкалье.

После окончания Гражданской войны процесс формирования источниковой базы приобретает более последовательный характер, чему во многом способствовало образование системы центральных и местных архивов. В 1920-е годы создаются такие важнейшие архивы, как Центральный архив Октябрьской революции, Центральный архив Красной Армии, архив Истпарта (преобразованный в 1929 г. в Центральный партийный архив). Эти архивы сразу же начали большую научную и организационнотехническую работу по сбору, систематизации, описанию и изданию поступивших документов. В частности, в архиве Октябрьской революции уже в 1920-е гг. удалось собрать значительные фонды по организации в Западном Забайкалье Дальневосточной республики в 1920 г. В архиве Красной Армии к началу 1930-х гг. было сосредоточено до 2 млн единиц хранения, среди них обширное собрание документов, относящихся к вооруженной борьбе в Забайкалье в 1920 г. против белых войск атамана Семенова и в 1921 г. против войск барона Унгерна. В это же время по всей стране происходит формирование местных государственных и партийных архивов. В фондах Бурятского, Читинского, Иркутского, Новосибирского и Дальневосточного архивов также скопилось немало документов, как сторонников Советской власти, так и ее противников.

Особое внимание научно-исследовательские и архивные учреждения в 1920-е начале 1930-х гг. уделяли сбору материалов периодической печати, являющейся незаменимым источником изучения истории Гражданской войны и интервенции в регионе. В 1918-1922 гг. в Забайкалье выходило немало газет и журналов различных политических направлений, в которых было опубликовано много разнообразных документов. В сложных условиях Гражданской войны и коммунисты, и их противники зачастую могли доводить свои решения до сведения населения только через газеты. Значение периодической печати как источника существенно повышается в связи с безвозвратным исчезновением в ходе Гражданской войны многих документов. Нередко газеты и журналы оказываются единственными источниками, позволяющими выяснить и проверить события, факты, даты, фамилии. Это ясно понимали историки того времени. Первые попытки собрать и систематизировать периодическую печать Дальнего Востока и Забайкалья за 1917-1922 гг. предпринял историк З.Н. Матвеев из Владивостока. Он составил подробный перечень всей периодической печати, выходившей в то время на огромной территории от Приморья до Забайкалья. В полной мере в нем представлены забайкальские издания (Матвеев, 1923; 1929). Матвеев также первым подчеркнул значение периодической печати как незаменимого источника для изучения Гражданской войны в регионе. Его труды, в которых он собрал сведения абсолютно обо всех газетах, выходивших в годы Гражданской войны, и свел их в единый справочно-библиографический каталог, не утратили своего значения и поныне.

В 1920-е – начале 1930-х гг. истпарты и другие организации совместно с архивами предприняли широкую публикацию специальных сборников документов, материалов и воспоминаний по истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (Революция на Дальнем Востоке. М.-Пг., 1923; Дальистпарт, 1923–1925; Колчаковщина, 1924). В них вошло большое количество различных документов, главным образом, резолюций, постановлений, обращений, приказов и отчетов как коммунистических, так и белогвардейских властей, отражавших многие важные моменты истории Гражданской войны. Ряд из них был посвящен непосредственно событиям, происходившим в то время в Забайкалье. Следует отметить, что археографический уровень этих сборников документов, как и других документальных публикаций о Гражданской войне весьма далек от современных требований. Многие документы были напечатаны неполностью, комментарии составителей и подстрочные примечания большей частью отсутствовали либо отличались чрезмерной лаконичностью и неточностями. На эти недостатки справедливо указывали рецензенты еще в те годы¹.

Большую роль в формировании источниковой базы по истории Гражданской войны в Забайкалье сыграли воспоминания ее участников и очевидцев, написанные по свежим следам. В 1920-е годы значение воспоминаний как источника было особенно велико в связи с отсутствием каких-либо документов о многих важных событиях Гражданской войны и неупорядоченностью

архивов. Зачастую воспоминания являлись и являются единственным источником, в котором освещались те или иные факты, не отраженные в документах. Их изданию в 1920-е — начале 1930-х гг. уделялось повышенное внимание. Именно воспоминания составляли основную массу исторических публикаций тех лет о Гражданской войне в Забайкалье. Они выходили отдельными изданиями, печатались в сборниках, журналах и газетах.

Воспоминания, опубликованные в рассматриваемый период, имели ряд характерных особенностей. Большинство из них посвящено описанию отдельных боевых эпизодов и занимало одну-две или несколько страниц (Строд, 1926). Авторы очень редко привлекали документальные материалы для подтверждения своих положений, что приводило к расхождению в датах, фамилиях, цифрах, к неточному и даже искаженному изложению некоторых фактов. Необходимые в подобных случаях редакционные примечания, как правило, отсутствовали. Тем не менее эти недостатки не могут поколебать значения воспоминаний 1920-х гг. как в целом правдивой летописи Гражданской войны в Забайкалье.

Воспоминания не только сыграли существенную роль в формировании источниковой базы для исследования истории Гражданской войны в Забайкалье, но и оказали заметное влияние на выводы историков того времени, когда возможности использовать другие источники были ограничены. Влияние воспоминаний сказывалось как в использовании фактических сведений, так и выводов и оценок, высказанных их авторами о различных событиях Гражданской войны в регионе и, в первую очередь, о партизанском движении, его причинах, составе и направленности. При оценке мемуарной литературы 1920-го - начала 1930-х гг. необходимо иметь в виду, что некоторая ее часть, например, книга П.С. Парфенова «Уроки прошлого: Гражданская война в Сибири», по своему теоретическому уровню и глубине освещения многих важных эпизодов Гражданской

 $^{^{1}}$ Подробнее воспоминания будут рассмотрены ниже. More memories will be discussed below.

войны вполне может быть отнесена к разряду научно-исторических трудов (Парфенов, 1924). Ряд работ, в частности упомянутая книга П.С. Парфенова, представляли собой весьма редкий и оригинальный жанр исторической литературы, сочетавший воспоминания, публицистику и исследование документальных и иных источников.

Параллельно с формированием источниковой базы и развернулся процесс изучения истории Гражданской войны в Забайкалье.

Первые книги, сборники, брошюры, статьи и очерки о Гражданской войне в регионе появились еще в разгар противоборства красных и белых (Виленский, 1919; Неравнодушные строчки, 1921; Япония на русском Дальнем Востоке. М., 1922; По родному краю..., 1922; Борьба за русский Дальний Восток..., 1922; Как краснел Дальневосточный буфер. Чита, 1922; Борьба с контрреволюцией..., 1922). В основном это популярные издания, преимущественно пропагандистского характера. Они содержат ценный фактический материал, представляют интерес и некоторые выводы и обобщения, сделанные авторами по горячим следам. Эти работы фактически положили начало изучению советскими исследователями истории Гражданской войны в Забайкалье.

После окончания вооруженной борьбы исследование происходивших там событий становится более систематическим. В первые послевоенные годы в различных издательствах, журналах и альманахах публиковались работы, в которых говорилось о Гражданской войне в регионе (Виленский, 1923; Павлович, 1923). В последующие годы поток исторической литературы о Гражданской войне в Забайкалье неуклонно возрастал. Особую активность историки проявили на рубеже 1920—1930-х гг. в связи с 10-летним юбилеем рассматривавшихся ими событий.

Что касается проблематики исторических исследований того времени, то наибольший интерес авторы проявили к вооруженной интервенции держав Антанты. В

литературе 1920-х гг. в оценке направленности интервенции и ее роли в Гражданской войне подавляющее большинство авторов с самого начало твердо придерживалось единой позиции. Тот факт, что именно вооруженная интервенция привела к гибели Советов в Забайкалье и в других районах Сибири и способствовала продолжительной и кровопролитной Гражданской войне, не вызывал у советских историков никаких сомнений. Вместе с тем, в определении причин и мотивов участия в интервенции конкретных держав высказывались довольно разнообразные мнения.

Наглядный пример такого подхода научное наследие известного историка М.П. Павловича. Его серия книг «РСФСР в капиталистическом окружении» 1923 гг.), написанная почти целиком на материалах периодической печати и частично на документах НКИД, представляла собой первую попытку дать анализ отношений между Советской республикой и крупнейшими державами мира – Великобританией, Францией, США и Японией в первые послереволюционные годы. Рассматривая события в Забайкалье и на Дальнем Востоке, автор сосредоточил внимание на анализе интервенционистской политики Японии и США, поскольку данные державы являлись основными участниками интервенции в регионе.

Подробно он остановился на особенностях японской интервенции, которую считал наиболее враждебной и агрессивной. М.П. Павлович неоднократно подчеркивал особую агрессивность интервенционистской политики Японии, стремившейся не только к борьбе с большевиками, но и к территориальным захватам в Сибири (Павлович. Указ. Соч. С. 43, 52). По его мнению, такая направленность японской интервенции вела к непоследовательной политике в отношении белого движения. Рассматривая эту политику, автор отмечал, что «японцы не стремились, конечно, к тому, чтобы серьезно помочь Колчаку, зато они поддерживали охотно всяких авантюристов, вроде Семенова и др. Японцы опасались, как бы Колчаку не удалось создать сильную и единую Россию, что не входило в их планы. Японцы решили окончательно овладеть Восточной Сибирью и подготовить ее аннексию» (Там же. С. 52). Именно стремление к территориальным захватам, по его мнению, обусловило практические шаги японских интервентов, их тактику во время Гражданской войны. Надо отметить, что точка зрения М.П. Павловича на причины и характер японской интервенции в регионе получила довольно широкое распространение в исторической литературе 1920-х гг.

В плане изучения практической политики интервентов в Забайкалье наибольший интерес представляют статьи Н.М. ПоповаТативы, А.Ф. С-кого² и В. Панова (Попов-Татива, 1923; С-кий А.Ф., 1922; Панов, 1925).

Н.М. Попов-Татива осветил деятельность Особого совещания по участию Китая в первой мировой войне, созданного в марте 1918 г. при президенте страны. Он показал, что основной задачей «особого совещания» стало содействие интервенционистским планам Японии – предоставление территории для развертывания японских и белогвардейских войск, а также отправка в Россию китайских войск для участия в интервенции. В статье указывалась общая численность интервенционистских войск Китая, их дислокация и факты участия в вооруженной борьбе. Автор, в частности отмечал, что в Западном Забайкалье находилось самое большое количество китайских войск – 4 тыс. человек, которые дислоцировались в районе Кяхты (Попов-Татива. Указ. Соч. С. 113). Автор подчеркивал, что китайские войска на русской территории не имели самостоятельности и полностью подчинялись японскому командованию (Там же). По его мнению, китайВ статье А.Ф. С-кого рассматривались события, связанные с попыткой создания в 1919 г. т. н. «панмонгольского государства», которое должно было охватить территорию от Тибета до Забайкалья. Автор считал, что истинной целью вдохновлявшегося японцами «панмонгольского государства» являлось укрепление японского господства в регионе (С-кий А.Ф. Указ. Соч. С. 591). Атаману Семенову и деятелям бурятского национального движения автор отводил роль послушных исполнителей японской воли (Там же. С. 592).

В. Панов рассказал о том, как в 1918-1919 гг. американские интервенты попытались оправдать интервенцию и дискредитировать большевиков, распространяя среди населения Западного Забайкалья и ряда других районов Сибири фальшивые документы об их связях с германским правительством в 1918 г. Данные его статьи свидетельствовали против распространенного в те годы тезиса о «нейтральности» и «пассивности» США в сибирской интервенции. Они показывали, что Америка принимала активное участие в ее осуществлении. Вообще же именно слабая изученность фактической стороны непосредственного хода интервенции во многом способствовала недооценке подлинной роли США в сибирской интервенции в исторической литературе 1920-х гг.

Наряду с изучением интервенции советские историки 1920-х гг. заметное внимание уделили исследованию белого движения в регионе. Как ни странно, наибольший интерес в этом плане они проявили не к режиму атамана Г.М. Семенова, господствовавшему в Забайкалье в 1918–1920 гг., а к деятельности местных меньшевиков и эсеров, которых также относили к безусловным врагам Советской власти и которых в литературе того времени называли

Under the pseudonym A.F. S-ky it seems that the author of a number of publications on the Siberian intervention – F.F. Speransky.

ская интервенция в Забайкалье и на Дальний Восток не нанесла большого ущерба Советской республике из-за крайне низкой боеспособности китайских войск, но она затруднила установление дружественных отношений (Там же. С. 116).

 $^{^2}$ Под псевдонимом А.Ф. С-кий, по-видимому, скрывался автор ряда публикаций о сибирской интервенции — Ф.Ф. Сперанский.

«демократической контрреволюцией». В советской исторической литературе деятельность этих партий получила однозначно резко отрицательную оценку (Парфенов, 1924; 1927; Якушкин, 1928). При освещении «демократической контрреволюции» наибольшее внимание было уделено критике политики эсеров и меньшевиков в 1920-1922 гг. в Забайкалье в период создания и укрепления Дальневосточной республики. Эсеры и меньшевики ДВР получили от советских историков столько критических стрел, сколько их не получил даже забайкальский атаман Семенов и другие видные представители белого движения в Сибири. Столь пристрастное отношение к социалистическим партиям ДВР во многом объяснялось воздействием, прежде всего, двух главных факторов. Во-первых, меньшевики и особенно эсеры являлись основными конкурентами коммунистов в борьбе за власть в ДВР. Причем своей политикой они серьезно ограничивали свободу действий коммунистов, нередко принуждая последних к формальному соблюдению демократических законов «буферного государства», от чего те за годы однопартийной диктатуры уже порядком отвыкли. Вполне естественно, деятельность социалистических партий вызывала раздражение и недовольство коммунистов. В представлении большинства авторов - зачастую непосредственных участников описываемых событий, эсеры и меньшевики в ДВР только путались у большевиков под ногами и мешали им осуществлять свои планы. Во-вторых, на выводы советской историографии сильнейшее влияние оказал состоявшийся в 1922 г. в Москве сфабрикованный судебный процесс партии социалистовреволюционеров, который преследовал цель возложить на нее ответственность за возникновение кровопролитной Гражданской войны, за все ее бедствия, ужасы и жертвы, дискредитировать эсеров в глазах народа и полностью устранить из политической жизни страны. Эти факторы и формировали у историков крайне негативное отношение к социалистическим партиям, что ярко проявилось в оценке их конкретных действий в период ДВР.

В частности, рассматривая практические шаги эсеров и меньшевиков по созданию государства-«буфера», авторы очень многих трудов стремились в первую очередь доказать, что эсеры и меньшевики, заявляя о необходимости прекращения интервенции и Гражданской войны и вступив в коалицию с большевиками, в то же время за их спиной всеми силами пытались затянуть интервенцию, спасти и оживить остатки белого движения (Парфенов П.С. На соглашательских фронтах. С. 17).

Наиболее последовательно осветить деятельность социалистических партий в ДВР в 1920-1922 гг. попытался М.П. Павлович, посвятивший им специальную главу в книге «Советская Россия и империалистическая Япония». Ее появление было связано с упомянутым московским процессом эсеровской партии. В ней автор старался как бы проиллюстрировать на местном материале основные обвинения против эсеров, выдвинутые на процессе. Он много писал о содействии социалистических партий и в первую очередь, конечно же, эсеров (игравших заметную роль в регионе) планам японских интервентов оторвать Забайкалье и Дальний Восток от Советской России. М.П. Павлович утверждал, что эсеры проводили двурушническую политику в отношении Дальневосточной республики в 1920-1922 гг. «Эсеры, - писал он, - отстаивали на Дальнем Востоке идею коалиции и единого фронта (с коммунистами - прим. авт.) в те моменты, когда дела контрреволюции были очень плохи и торжество власти трудящихся казалось неизбежным. Но как только контрреволюция поднимала голову, эсеры бросались в объятия черносотенцев».

Историки 1920-х — начала 1930-х гг. уделили некоторое внимание и такому своеобразному течению белого движения в Сибири как атамановщина, которой принадлежала реальная власть в ряде сибирских регионов в 1918—1920 гг. При этом наибольший интерес они проявили к режи-

му забайкальского атамана Г.М. Семенова, самого известного из атаманов. Атамановщину советские историки квалифицировали как неограниченную террористическую власть Семенова и других казачьих атаманов. Почти в каждой работе о Гражданской войне в Забайкалье, изданной в тот период, содержатся какие-либо сведения о жестокости и преступлениях атамановщины, олицетворявшей, по мнению авторов, крайнюю реакцию. Эти факты красноречиво характеризовали внутреннюю политику семеновского режима, основанную на терроре. Авторы ряда трудов попытались определить причины возникновения атамановщины. Основные причины ее появления они связывали с особенностями социальноклассовых отношений между крестьянством и казачеством в Забайкалье (противоречия между казаками, крестьянами и сибирскими народами), с иллюзорностью власти Колчака и со спецификой интервенционистской политики Японии, направленной не только на борьбу с Советской властью, но и на установление своего господства в регионе и на его захват (Парфенов, 1924. С. 71, 84; Павлович М. Указ. Соч. С. 52; Анишев, 1925. С. 130). Социальную опору атамановщины составляла, по их мнению, лишь зажиточная верхушка забайкальского казачества, стремившаяся обогатиться за счет грабежей (Парфенов, 1924. С. 21). Советские историки подчеркивали местный, региональный характер атамановщины, ее слабость и ограниченность, неспособность превратиться в ударную силу белого движения. По определению историков 1920-х годов, атаман Семенов являлся прямым агентом японского империализма и служил своеобразным средством (и одновременно ширмой) для осуществления захватнических планов Японии (Там же. С. 59; К десятилетию интервенции..., 1929. С. 76-77). При этом во многих трудах отмечалось, что атаман Семенов, активно прислуживая японским интервентам, предавал не только интересы Родины, но и интересы буржуазно-помещичьих кругов России. Такая оценка атамановщины советскими историками была во многом созвучна ее оценкам в среде белоэмигрантских авторов (Будберг, 1929. С. 9, 11, 15, 127, 215, 295; Гинс, 1921. С. 312; Мельгунов, 1931. С. 238).

Другой крупной темой истории Гражданской войны в Забайкалье, которую активно изучали исследователи 1920-х гг. являлось создание и укрепление Дальневосточной республики в 1920–1922 гг. «Буферному государству» они уделили, пожалуй, наибольшее внимание по сравнению со всеми другими аспектами событий Гражданской войны в регионе.

Обстоятельства создания ДВР, специфика борьбы с противниками большевиков в условиях «буфера» вызвали интерес историков с первых дней ее существования. Еще в период ДВР вышел ряд трудов, в которых освещались причины образования «буферного государства» и некоторые обстоятельства его создания. Так, авторы брошюры «Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке», говоря о причинах создания ДВР, утверждали, что «создание такой ДВР являлось уступкой желтому империализму» (Борьба с контрреволюцией..., 1922. С. 97). Авторы подчеркивали, что руководство построением и «буферного укреплением государства» осуществляли коммунисты. «Ни одна партия, кроме Коммунистической, - писали они, - не в состоянии была организовать сопротивление интервенции, напирающей на русский Дальний Восток, а через него на Советскую Россию» (Там же. С. 139). Авторы брошюры попытались определить и классовую сущность ДВР. «По форме этот восточный буфер был буржуазнодемократическим, - писали они, - по существу же он был красным, со скрытыми причинами классовой природы» (Там же).

В последующие годы изучение истории ДВР продолжилось. Почти во всех работах о Гражданской войне в Забайкалье, изданных в рассматриваемый период, в той или иной степени говорилось о создании Дальневосточной республики. Наибольший интерес у исследователей того времени вы-

звали две крупные проблемы: образование «буфера» и роль РКП(б) в этом процессе, а также вооруженная борьба против атамана Семенова и ликвидация «читинской пробки» в 1920 г

Что касается первой проблемы, то больше всего сведений об этом содержится в книгах П.С. Парфенова «Гражданская война в Сибири», «На соглашательских фронтах» и «Борьба за Дальний Восток» (1928 г.). П.С. Парфенов и многие другие авторы, писавшие о создании ДВР, привели много интересных фактов об этом, высказали интересные суждения. В частности, П.С. Парфенов подробно осветил такие аспекты, как провозглашение ДВР в Верхнеудинске, Гонготтские переговоры об эвакуации японских войск из Забайкалья, борьбу за объединение различных регионов «буфера» в единое государство в 1920 г., Читинскую объединительную конференцию в ноябре 1920 г., выборы в Учредительное собрание ДВР, борьбу коммунистов против эсеров и меньшевиков за влияние в «буфере» и другие вопросы. Автор впервые ввел в научный оборот ряд важных документов, в частности директиву Политбюро ЦК РКП(б) от 18 февраля 1920 г. относительно буферной политики, телеграмму В.И. Ленина председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 21 января 1920 г. об образовании «буфера» и др. В то же время, следует отметить, что зачастую авторы 1920-х гг. освещали события достаточно противоречиво, на их положения и выводы сильное влияние оказывали личные пристрастия и антипатии. Например, тот же П.С. Парфенов крайне противоречиво освещал причины образования «буферного государства». С одной стороны, он подчеркивал, что его создание обусловило сочетание целого ряда сложных причин внешне и внутриполитического порядка. С другой образование ДВР прямо ставил в вину ее непосредственному создателю А.М. Краснощекову, якобы разделявшему взгляды эсеров и меньшевиков. Автор утверждал, что ЦК РКП(б) и Совнарком дали согласие на создание «буфера» под влиянием телеграмм Краснощекова, который будто бы информировал их в угодном для себя духе (Парфенов, 1928. С. 72).

Вторую проблему – вооруженную борьбу в Забайкалье за ликвидацию «читинской пробки» также стали изучать еще в период ДВР. В частности, этой теме была посвящена статья Е. П-ского «К истории Народно-революционной армии», опубликованная в журнале «Военно-политическая мысль» № 2 за 1922 г., издававшемся в Чите Военным советом НРА ДВР. Автор попытался кратко осветить процесс зарождения и создания НРА. Он охарактеризовал основные источники ее формирования, отметив, что на первых порах (март - май 1920 г.) ими являлись восточно-сибирские и прибайкальские партизаны, а также бывшие колчаковские солдаты из иркутского гарнизона. Значительный интерес представляет книга бывшего командующего НРА Г.Х. Эйхе «Тактические поучения гражданской войны. Исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке» (М., 1931). В ней автор проанализировал практически все боевые операции НРА в Забайкалье против войск атамана Семенова и каппелевцев в 1920 году.

Большое внимание авторы 1920-х гг. уделили истории партизанского движения в Забайкалье. Практически в каждой работе о событиях 1918-1920 гг. в Забайкалье содержатся какие-либо сведения о партизанском движении. Этой теме было посвящено и большинство мемуаров, опубликованных в то время. Однако подавляющее большинство авторов писали, прежде всего, о событиях в Восточном Забайкалье, где находился эпицентр партизанской борьбы. Партизанскому движению на западе Забайкалья внимания уделялось гораздо меньше. В многочисленных книгах, брошюрах, статьях о партизанском движении в Забайкалье можно найти лишь отдельные фрагментарные сведения о партизанских отрядах Западного Забайкалья и их действиях.

Так же мало внимания исследователи 1920-х гг. уделили и событиям 1918 г. в За-

байкалье — вооруженной борьбе на Даурском и Прибайкальском фронтах весной и летом. В этом плане можно выделить лишь сборник воспоминаний «Центросибирцы» (М.-Л., 1927), посвященный памяти погибших руководителей Центросибири. В нем приводятся отдельные факты о боях на Прибайкальском фронте в июле — августе 1918 г.

Так же не вызвала интереса у историков 1920-х гг. и вооруженная борьба против войск барона Унгерна в Западном Забайкалье и в Монголии в 1921 г.

В целом к началу 1930-х гг. историки проделали довольно большую работу по изучению событий Гражданской войны и интервенции в Забайкалье. Особенно полно они осветили некоторые вопросы интервенции и образования Дальневосточной республики. Другие же аспекты Гражданской войны были освещены довольно фрагментарно, а к изучению некоторых они вообще не смогли приступить. Историческая литература, изданная в рассматриваемый период, имела свои характерные особенности, отличавшие ее от трудов последующих лет.

Одна из главных особенностей историографии того времени – господство мемуарного жанра. Иначе и быть не могло. Историю Гражданской войны писали в основном ее участники и современники, а они стремились по свежим следам передать драматизм и героизм пережитых событий. Воспоминания являлись основным видом исторической литературы о Гражданской войне в Забайкалье в течение всего рассматриваемого периода.

В то же время, наряду с «чистыми» мемуарами появляются книги и статьи, в которых в качестве источников помимо воспоминаний активно использовались материалы периодической печати и некоторые опубликованные и архивные документы, причем воспоминания играли второстепенную роль. Именно эти труды вместе с крайне редкими тогда специальными исследованиями характеризуют научный уровень историографии 1920-х — начала

1930-х гг. Конечно же, в целом научноисследовательский подход к проблемам истории Гражданской войны в Забайкалье в те годы еще только зарождался. Историческая литература носила по преимуществу описательный характер. Она имела немало недостатков - субъективизм многих оценок, фактические ошибки, фрагментарность освещения проблем, подмена научной аргументации умозрительными заключениями и т. д. и т. п. В период своего становления советская историография своеобразно сочетала публицистику, воспоминания и научные исследования. Все эти жанры нередко оригинально переплетались в какойлибо одной работе.

Большой спецификой отличается источниковая база исторических трудов 1920-х — начала 1930-х гг. В ней очень небольшой удельный вес архивных и вообще документальных материалов, поскольку формирование архивов шло параллельно с исследованиями. В статьях и книгах в значительно большей степени использовались мемуары и периодика. Они написаны на довольно узкой источниковой базе. На отсутствие документов жаловались и многие авторы. Об этом можно прочесть в предисловиях к книгам и в статьях журналов и сборников.

Характерной особенностью историографии рассматриваемого периода является накопление фактических сведений о событиях Гражданской войны в Забайкалье. Но было бы неверно сводить его место в общем процессе развития историографии только к накоплению фактов. Это был период не простого накопления фактического материала, а его осмысления и критической оценки. Советская историография Гражданской войны в Забайкалье уже в те годы имеет все основные формы исторических работ: мемуары, документальные публикации, хроники, популярные издания, научные исследования. Однако в этих формах и особенно в их соотношении немало своеобразных черт, характерных именно для первого этапа развития советской исторической науки.

Важными особенностями становления советской историографии Гражданской войны в Забайкалье является отсутствие давления на исследователей каких-либо готовых схем, а также прикладной характер многих трудов. Их авторы стремились не только и не столько рассказать о тех или иных событиях, сколько извлечь практические уроки из опыта Гражданской войны для грядущей борьбы за торжество социализма во всем мире (в которой никто из ав-

Статья поступила 18.05.2017 г.

Библиографический список

Анишев А. Очерки истории гражданской войны. Л., 1925.

Борьба за русский Дальний Восток: Сборник материалов для политработников. Чита, 1922.

Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 1922.

Будберг А. Дневник белогвардейца. Л., 1929.

Виленский В. Китай и Советская Россия. М., 1919.

Виленский В. Россия на Дальнем Востоке. М., 1923.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1.

Дальистпарт. Чита-Владивосток, 1923-1925. Кн. 1-3.

К десятилетию интервенции: Сборник статей. М.-Л., 1929. С. 76–77.

Как краснел Дальневосточный буфер. Чита, 1922.

Колчаковщина. Екатеринбург, 1924.

Матвеев 3. Газеты ДВК // Сибирская

торов того времени не сомневался). Именно это обстоятельство и позволило историкам 1920-х годов, несмотря на проявившийся уже тогда классовый подход к оценке исторических событий, ограниченность источниковой базы и отсутствие профессиональной подготовки, объективно осветить ряд сложных аспектов истории Гражданской войны в регионе. Историческая литература тех лет по существу положила начало изучению всех основных ее проблем.

Article was received in May, 18, 2017

References

Anishev A. *Ocherki istorii grazhdanskoi voiny* [Essays on the history of the Civil War]. Leningrad, 1925.

Bor'ba za russkii Dal'nii Vostok [The struggle for the Russian Far East]. Sbornik materialov dlya politrabotnikov [Collection of the documents for the politic activists]. Chita, 1922.

Bor'ba s kontrrevolyutsiei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [The struggle against counter-revolution in Siberia and the Far East]. Chita, 1922.

Budberg A. *Dnevnik belogvardeitsa* [Diarry of the White Guard]. Leningrad, 1929.

Vilenskii V. *Kitai i Sovetskaya Rossiya* [China and Soviet Russia]. Moscow, 1919.

Vilenskii V. *Rossiya na Dal'nem Vostoke* [Russia in the Far East]. M., 1923.

Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak* [Siberia, the Allies and Kolchak]. Pekin, 1921. Vol. 1.

Dal'istpart [Dalistpart]. Chita-Vladivostok, 1923–1925. Book 1–3. (In Russian)

K desyatiletiyu interventsii. Sbornik statei [By the Decade of Intervention: Collection of Articles]. Moscow-Leningrad, 1929. (In Russian)

Kak krasnel Dal'nevostochnyi buffer [How the Far Eastern Buffer blushed]. Chita, 1922.

Kolchakovshchina [Kolchakivschyna]. Ekaterinburg, 1924.

Matveev Z. Gazety DVK [Newspapers of

Новосибирск, советская энциклопедия. 1929. T. 1.

Матвеев 3. Периодическая печать на Дальнем Востоке в период революции 1917-1922 гг. Владивосток, 1923.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1931. Ч. 3. Т. 1.

Неравнодушные строчки. Чита, 1921.

Павлович М. Советская Россия и империалистическая Япония. М., 1923.

Панов В. Американские подложные документы // Дальистпарт. 1925. Кн. 3.

Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. Л., 1928.

Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири. М., 1924.

Парфенов П.С. На соглашательских фронтах. М., 1927.

По родному краю: Краткий очерк Дальневосточной республики и Прибайкалья. Верхнеудинск, 1922.

Попов-Татива Н.М. К истории гражланской войны в России: Особое совещание по участию Китая в мировой войне // Военная мысль и революция. 1923. Кн. 5.

Пролетарская революция, 1922. № 4.

Революция на Дальнем Востоке. М.-Пг., 1923.

С-кий А.Ф. Роль Японии в «панмонгольском движении» // Новый Восток. 1922. № 2.

the FER]. Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, 1929. Vol. 1.

Matveev Z. Periodicheskaya pechat' na Dal'nem Vostoke v period revolyutsii 1917-1922 gg. [Periodical press in the Far East during the revolution of 1917-1922]. Vladivostok, 1923.

Mel'gunov S.P. Tragediya admirala Kolchaka [The tragedy of Admiral Kolchak]. Belgrad, 1931. Part 3. Vol. 1.

Neravnodushnye strochki [Not indifferent stitches]. Chita, 1921. (In Russian)

Pavlovich M. Sovetskaya Rossiya i imperialisticheskaya Yaponiya [Soviet Russia and imperialist Japan]. M., 1923.

Panov V. Amerikanskie podlozhnye dokumenty [American forged documents]. Dal'istpart [Дальистпарт]. 1925. Book 3. (In Russian)

Parfenov P.S. Bor'ba za Dal'nii Vostok [The struggle for the Far East]. Leningrad, 1928.

Parfenov P.S. Grazhdanskaya voina v Sibiri [Civil War in Siberia]. Moscow, 1924.

Parfenov P.S. Na soglashatel'skikh frontakh [On the conciliationist fronts]. Moscow, 1927

Po rodnomu krayu: Kratkii ocherk Dal'nevostochnoi respubliki i Pribaikal'ya [On native land: A short essay on the Far Eastern Republic and the Baikal region]. Verkhneudinsk, 1922.

Popov-Tativa N.M. K istorii grazhdanskoi voiny v Rossii. Osoboe soveshchanie po uchastiyu Kitaya v mirovoi voine [On the History of the Civil War in Russia: A Special Meeting on China's Participation in the World War]. Voennaya mysl' i revolyutsiya [Military Thought and Revolution]. 1923. Book 5. (In Russian)

Proletarskaya revolyutsiya [The proletarian revolution], 1922. No. 4. (In Russian)

Revolyutsiya na Dal'nem Vostoke [Revolution in the Far East]. Moscow-Petrograd, 1923. (In Russian)

S-kii A.F. Rol' Yaponii v «panmongol'skom dvizhenii» [The role of Japan in the "pan-Mongolian movement"]. Novyi Vostok Строд И. Унгерновщина и семеновщина (1920–1921 гг.) // Пролетарская революция. 1926. № 9.

Якушкин Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М., 1928.

Япония на русском Дальнем Востоке. М., 1922.

Сведения об авторе Наумов Игорь Владимирович –

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет,

Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,

e-mail: histor@istu.edu

Критерии авторства

И.В. Наумов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[New East]. 1922. № 2. (In Russian)

Strod I. *Ungernovshchina i semenov-shchina* (1920–1921 gg.) [Ungernovshchina and Semenovshchina (1920–1921 gg.)]. *Proletarskaya revolyutsiya* [The proletarian revolution]. 1926. No. 9. (In Russian)

Yakushkin E. *Kolchakovshchina i interventsiya v Sibiri* [Kolchakivschyna and intervention in Siberia]. Moscow, 1928.

Yaponiya na russkom Dal'nem Vostoke [Japan in the Russian Far East]. M., 1922.

Information about the author Igor V. Naumov –

Doctor of Historical Science, Chair of the History and Philosophy,

Irkutsk National Research Technical University,

83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation,

e-mail: histor@istu.edu

Attribution criteria

Naumov I.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» — научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет *Рубрики журнала*:

- археология
- ЭТНОЛОГИЯ
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи -20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

- 2.1. Индекс УДК в верхнем левом углу.
- 2.2. Заголовок, включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами; инициалы и фамилии авторов.
- 2.3. Аннотация: должна быть информативной, содержать 300–500 печатных знаков, не менее 4–5 строк, с указанием ключевых слов (5–6)
- 2.4. Английский перевод названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов.
- 2.5. Раздел «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК».
- 2.6. *Раздел* «СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ» оформляется в конце статьи в следующем виде: СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фамилия Имя Отчество,

Степень, звание, должность,

Организация,

Почтовый адрес организации (страна, индекс, город, улица, здание), e-mail

Information about the author

(англ.) Имя О. Фамилия,

(англ.) Степень, звание, должность,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна), e-mail

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см. Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Poman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании *таблиц* рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней. *Библиографические ссылки* в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14). После фамилии год издания — через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы. По окончании статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Обязательно указание общего числа страниц издания или страничного интервала статей;

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены *отдельными файлами*: иллюстрации – с расширениями *JPEG, *BMP, *TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям. По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, K-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

- 2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.
- 2.2. **Heading** containing the title of the article typed in Times New Roman, semi-bold; author's first name and family name; the name of the organization and its postal address; author's e-mail.
- 2.3. **Abstract** should consist of 300–500 symbols, 4–5 lines, and include 5-6 key words. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
- 2.4. Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
- 2.5. Section «REFERENCES».
- 2.6. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All *tables* should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. 12. Fig. 14). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to *archival* materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *JPEG, *BMP, *TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements. For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 2 (23) 2017

Редактор Н.Е. Мелихова Ответственный за выпуск О.Н. Валериус Перевод на английский язык А.В. Тетенькина Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 27.06.17. Формат $60 \times 90 / 8$. Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 500 экз. Заказ 138. Поз. плана 7н.

Отпечатано в типографии Издательства ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83